

Вардан Эрнестович Багдасарян – известный российский историк и политолог. Доктор исторических наук, профессор. Почетный работник науки и техники, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Автор более 700 научных трудов, включая более 50 монографий и учебников. Член Изборского клуба. Сфера научных интересов: историософия; история общественно-политической мысли; политическая аксиология; системный анализ; конфликтология; цивилизационная теория.

Архимандрит Сильвестр (Сергей Павлович Лукашенко) – председатель Ярославского церковно-исторического общества, настоятель храма свмч. Андрея Стратилата с. Сулость Ярославской области. Духовник Ярославской епархии Русской Православной Церкви, духовник ряда общественных, военных и спортивных организаций Российской Федерации. Выпускник факультета прикладной математики – процессов управления Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова в 1974 г. Автор 9 монографий, 10 научных статей, научный редактор 4 монографий. Сфера научных интересов: история Русской Православной Церкви; отечественная история, духовно-нравственное воспитание; краеведение.

ISBN 978-5-91722-492-3

9 785917 224923 >

РОССИЯ И ЗАПАД:

цивилизационные различия

Вардан Эрнестович Багдасарян
архимандрит Сильвестр (Лукашенко)

РОССИЯ

И ЗАПАД:

цивилизационные
различия

Фонд Святого Всехвального апостола
Андрея Первозванного
Московское областное региональное отделение
Российского общества «Знание»

Вардан Эрнестович Багдасарян
архимандрит Сильвестр (Лукашенко)

РОССИЯ
И ЗАПАД:
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
РАЗЛИЧИЯ

Монография

Под научной редакцией
Ю. Ю. Иерусалимского

Ярославль
«Специализированный полиграфический комбинат»
2023

УДК 316.722
ББК 60.033.145.2
Б14

Рецензенты:

С. И. Реснянский, доктор исторических наук, профессор (РУДН);
А. Ф. Гавриленков, доктор исторических наук, кандидат философских наук,
профессор (Военная академия ВПВО, г. Смоленск)

Научный редактор

Ю. Ю. Иерусалимский, доктор исторических наук,
профессор (ЯрГУ им. П. Г. Демидова)

Багдасарян В. Э.

Б14 **Россия и Запад: цивилизационные различия** : монография / В. Э. Багдасарян, Сильвестр (Лукашенко), архимандрит ; науч. ред.: Ю. Ю. Иерусалимский. — Ярославль : ОАО «Специализированный полиграфический комбинат», 2023. — 304 с. : илл.

ISBN 978-5-91722-492-3

Современное противостояние России и консолидированного Запада определяет актуальность изучения сторон конфликта. Методологическую основу их изучения составляет теория цивилизаций. В книге проводится многопараметровое сравнение российской и западной цивилизационных систем. Авторами подтверждается гипотеза не только о цивилизационном различии России и Запада, но и об отношениях их друг к другу в качестве цивилизаций-антиподов. Показывается значение российской альтернативы для человечества. Выявление цивилизационных основ российского жизнеустройства позволяет определить ключевые позиции грядущей идеологии России, связываемые с целевым ориентиром самовосстановления ее как государства-цивилизации.

УДК 316.722
ББК 60.033.145.2

© В. Э. Багдасарян, текст, 2022
ISBN 978-5-91722-492-3 © Архимандрит Сильвестр (Лукашенко), текст, 2022

Оглавление

Введение	7
ГЛАВА 1. ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	12
Цивилизационный подход: необходимость методологической ревизии гуманитарного знания	12
Антропологические основания ценностных различий	14
Нетождественность форм цивилизационного бытия	17
Цивилизационная вариативность моделей государственного управления	19
Реалии этновариативности управления	22
От эволюционизма к вариативности	23
Высококонтекстные и низкоконтекстные деловые культуры	25
Универсализм и специализация	29
Индивидуализм — коллективизм	30
Пространственный континуум	31
Временной континуум	35
Многопараметровые модели деловых культур	39
Вариативность ценностных иерархий	45
Социокультурное различие базовых мотиваторов	47
Философия управления в национальном преломлении	49
Ценностный псевдоморфизм	50
Ценностные (факторные) профили цивилизаций. В чем мы не согласны с А. Тойнби и С. Хантингтоном	51
Общее и различное цивилизационного существования	54

ГЛАВА 2. РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ УЧЕНИЯ НИКОЛАЯ ДАНИЛЕВ- СКОГО: ОСНОВОПОЛОЖНИК ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА	56
Данилевский и Сталин	56
«Россия и Европа» — книга нашего времени	59
Россия — не Европа	59
«Двойные стандарты» Запада	61
Феномен западной русофобии: Россия как политический Ариман	61
«Русские европейцы»: европейская точка зрения в россий- ской политике как подрыв суверенитета России	63
Цивилизационный подход и перспектива многополярности	64
Цивилизационные основания западного экспансионизма	67
Новая повестка славянского вопроса	68
Творческое наследие Данилевского: избежать догматизации	70
2022 год в фокусе теории Данилевского	71
ГЛАВА 3. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗАПАДА: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ УГРОЗЫ	73
Категория «Запад»	73
Мировое господство в исторической и футурологической перспективах	76
Идеология превосходства в античной Греции	82
Идеология превосходства в античном Риме	98
Иудаизм и концепт богоизбранности	104
Нравственный упадок античного мира	107
Нагорная проповедь Христа как декларация антропологического единства человечества	109
Идеология превосходства в средневековом еретичестве	112
Концепт богоизбранности и западное христианство	117
Идеология превосходства в теории и практике либерализма	121
Либерализм и рабовладение	126
Колониализм и идеология Просвещения	130
От либерализма к фашизму	134
Расистское обоснование неравенства	139
Дарвинизм и идеология превосходства	142
Евгеника	147
Тенденции неофашизма	149

Идеология «золотого миллиарда» и система глобального антропологического неравенства	152
ГЛАВА 4. РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КАРТЕ МИРА	159
Задача познания российской цивилизации	159
Россия в оппозиции цивилизаций Востока и Запада	161
«Русская идея»	164
Природно-климатический фактор и цивилизационные модели хозяйствования: географические основания России	169
Общинное мироустройство	170
Ценностные ориентиры в народном сознании	177
Угроза цивилизационных войн	181
Специфика систем жизнеобеспечения российской государственности	183
Базовые аксиологические компоненты российской цивилизационной общности	187
Исторические традиции российской государственности и модернизация	190
Ценности России и Запада в методике количественного анализа	195
Россия в фокусе западного проекта	204
Экономический аспект	208
Социальный аспект	209
Политический аспект	209
Национальный аспект	210
Религиозный аспект	210
Конфессиональный аспект	211
Идеологический аспект	211
Военный аспект	212
Наука, образование, высокие технологии	212
Геополитический аспект	213
Этнический аспект	214
Ресурсный аспект	214
Исторический аспект	215
О природе россиефобии	215
XVII век	224
XVIII век	224
XIX век	225
XX век	226
XXI век	226

ГЛАВА 5. ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ	229
Запрос на новый чертеж российского жизнеустройства	229
Исторический опыт формирования государственной идеологии России	231
СССР в преемстве истории российской цивилизации: опыт советского идеологического строительства	238
Цивилизационная матрица российской идеологии	241
Ключевые метафоры	243
Русская мечта	243
Русский ковчег	244
Русский Собор	246
Русская сотериология	247
Русское преображение	249
Русский катехон	249
Грядущая идеология России	251
ГЛАВА 6. СРАВНЕНИЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА	258
Экзогенные и эндогенные факторы	258
Общество	259
Государство	261
Экономика	263
Культура	266
Нациестроительство (система идентичностей)	267
Государственное и корпоративное управление	270
Вооруженные силы	276
Понимание героического	278
Образование и воспитание	279
Система здравоохранения	284
Наука и система познания	285
Эстетика	286
Спорт	287
Элиты	290
Отношение к природе	291
Заключение	293
Список источников и литературы	296

Введение

Конфликт с консолидированным Западом — теперь уже даже не в формате новой холодной, а реальной войны заставляет, наконец, признать как минимум: мы — другие. То, что Запад является стороной конфликта, — очевидно, и его участие многомерно. Масштабность войны, выражаемая мобилизацией ресурсов всего западного сообщества, позволяет говорить, что конфликт не является конъюнктурным. Подобные друг другу силы так не борются. Противостояние Россия—Запад — это не споры между собой «маркграфа Саксонского и курфюрста Бранденбургского». Прогресс России в этой войне означал бы для нее цивилизационное уничтожение, а вероятно, и физическое уничтожение как биоматериала населяющих ее народов. Поражение же Запада было бы крахом выстраиваемой столетиями западноцентричной паразитарной системы. Так противостоят друг другу, когда не просто различаются интересы (в этом случае можно было бы элементарно договориться), а различаются ценности. И не просто различаются.

Само различие ценностей еще не программирует конфликта. Есть цивилизации, для которых существование иного — в сущности — индифферентно, ввиду того что не затрагивает собственного бытия. Конфликт же такого рода, как конфликт Россия—Запад (или правильнее Запад — Россия, поскольку иницирующей стороной всякий раз в нем выступало западное сообщество), исторически воспроизводимый, предполагает ценностный антагонизм. Без понимания, в чем различаются наши ценности, нельзя и понять природу конфликта. А без этого нель-

зя понять, из-за чего и во имя чего идет борьба. Не понимая же, ради чего следует бороться с врагом, и даже, если нужно, воевать, невозможно победить.

Возникает очевидная исследовательская задача — изучить себя и изучить противника посредством применяемого в таких случаях компаративистского анализа. Но, несмотря на эту кажущуюся очевидность, ее со стороны тех, кого можно назвать «распорядителями слов» (наука, образование, журналистика, сфера культуры), пытаются размыть, подменить другими. Прежде это делалось откровенно через отрицание права России на собственное ценностно-смысловое генерирование. Мол, есть лишь один универсальный путь, по которому идут все успешные, то есть западные, страны. Однако сегодня самые одиозные западники либо уехали, либо закамуфлировались. Закамуфлированные западники объявляют даже себя патриотами, а то и сторонниками идеи России как государства-цивилизации. Однако за этими декларациями прослеживается протаскивание прежних подходов.

Одним из приемов такого рода является отрицание ценностной антагонизменности. А если нет антагонизмов, то нет, следовательно, и парадигмальной войны. И если нет антагонизмов, не может быть Добра и Зла. Ну а там, где нет Добра и Зла, они смешиваются и не отделяются друг от друга, общество гибнет. Атрофированность умения отличить Добро от Зла является главным фактором эрозии и гибели цивилизаций в прошлом.

Другой прием состоит в апелляции к науке. Заявляется, будто бы наука не может быть русской или американской, так как всегда адресуется к истине, которая универсальна. А дальше идет аргументация по принципу — как известно, или как признано во всем мире... В итоге западнические идеологические деструктивные концепты протаскиваются под видом общепризнанных научных положений. Таким же образом заполняет когнитивное пространство набор западнических дефиниций, раскрываемых таким образом, что они задают представления о российской патологии и архаике.

В действительности, в общественных науках нет ни одного общепризнанного положения и ни одной универсально принимаемой дефиниции. Когда заявляется, что такие универсалии есть,

имеет место лукавство, применяемое для их принятия посредством ссылки на признанность. Любые подходы, интерпретации, дефиниции и их раскрытие сопряжены в общественных науках с выбором в пользу некоего ценностного фундамента. Такой фундамент часто задается цивилизационными или национальными рамками.

Третий прием состоит в том, чтобы заявить свою приверженность направлению, маркируемому как патриотическое, но наполнить его иным содержанием. Так, например, происходит с использованием определения России как государства-цивилизации. Ввиду использования понятия «государство-цивилизация» на высшем государственном уровне недавние сторонники теории модернизации, как модифицированной версии либерального подхода, объявили вдруг себя приверженцами цивилизационного подхода. При этом о цивилизациях говорят как о трендах, выборе развития, совокупности факторных обстоятельств. К цивилизационному подходу это все не имеет отношения.

Цивилизационный подход — это не тренды, не выбор и не меняющиеся обстоятельства. В основе цивилизационного подхода находится идея констант. Цивилизационные константы исторически воспроизводимы. Меняются формы, политический язык, технологии, но ценности и принципы жизнеустройства остаются неизменны. Их неизменность и позволяет говорить, что та или иная продолжает существовать. Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, современная Россия — это все модификации одной и той же цивилизации — русской. Сегодня имеет место ее пятая историческая модификация.

Если опираться на цивилизационный подход, нельзя одновременно заявлять о парадигмальных трансформациях. Парадигмальная трансформация означала бы смерть цивилизации. Если опираться на цивилизационный подход, нельзя одновременно говорить о выборе путей развития (иногда в формулировке — цивилизационный выбор). Никакого выбора для цивилизации нет, а есть соответствие или несоответствие цивилизационной парадигме. Когда имеет место несоответствие, возникает «смута». Если опираться на цивилизационный подход, нельзя сводить дело к конъюнктурам и технологиям. Конъюнктура и технологии явля-

ются переменными, тогда как теория цивилизаций сосредоточена на константах. Это не значит, что конъюнктура и технологии не важны. Они важны настолько, насколько форма важна по отношению к содержанию (классическая проблема античной философии) (Рис. 1).

Рис. 1. Цивилизационный подход в философии истории

Необходимость обращения к теме цивилизационных различий России и Запада сопряжено еще и с тем, что до последнего времени рецептура подходов во всех сферах жизнеобеспечения опиралась на западный теоретический и практический арсенал. Будучи адаптивен к цивилизации Запада, он оказывался не просто нефункционален в России, но и имел деструктивные последствия для российской государственности.

Цивилизации — это не только культурные различия народов, но и вырабатываемые тысячелетиями фундаментальные особенности жизни сообщества людей. В этом смысле можно говорить о социальных цивилизационно-ценностных генетических кодах, сходных, по существу, с биологическими кодами живых организмов. И если мы понимаем, что в биологическом случае генетические мутации приводят к уродствам и к гибели организма, то ровно так же попытки вторжения в социальный цивилизационно-ценностный генетический код приводят к не менее опасным последствиям. Как и в биологической природе, в цивилизационном поле действуют принципы наследственности, нескрещиваемости

ареальных условий обитания, существенно усложняясь и частично модифицируясь. Цивилизации подобны экосистемам, искусственное вторжение в которые необратимо приводит к их разрушению.

Российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационно идентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф.

Реформы в России часто проводились по западническим лекалам. Потом происходила адаптация к российскому цивилизационному контексту. Ценой очередной мобилизации осуществлялось на следующем акте возвращение к себе, восстановление идентичной модели. Известная фраза, что в России, что бы ни делали, все равно будет создан автомат Калашникова, может быть отнесена и к российской государственности. Что бы ни задумывали создать, все равно создавалось Русское царство. Имея в виду этот опыт, было бы целесообразно исходно задать государственные и общественные практики сообразно с природой российской цивилизации. Но чтобы совершить такой шаг, надо первоначально определить ее сущностные особенности.

Глава 1.

ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Цивилизационный подход: необходимость методологической ревизии гуманитарного знания

Узость теоретических возможностей монистического универсализма в ряде общественных наук подвергалась критике со времен О. Шпенглера. Представлениям об одновекторном или унифицированном типе развития противопоставлялась им поливариантная модель мира. Цивилизационный подход уже давно признан как в научном, так и в общественном дискурсах в качестве более адекватной объяснительной основы гуманитарных процессов, чем концепция универсального прогресса. Однако собственно признанием дело, как правило, и ограничивалось. Цивилизационное содержание общественных науки в полной мере не приобрели и по сей день. В них по-прежнему традиционен универсализм, характерный для общественного познания XIX, а то и XVIII столетия.

Так, в демографии роль такого рода универсалия выполняет концепция «демографического перехода», утверждающая предопределенность тренда репродуктивного угасания обществ современного типа.

Дискурс современных юридических теорий выстраивается на базе абсолютизации другой абстрагируемой категории —

«прав и свобод человека». Политологические стереотипы связаны с универсализацией категорий «гражданского общества» и «правового государства». Социологическое моделирование по-прежнему детерминировано эволюционным схематизмом, универсальное целеполагание которого определяется теперь концептом постиндустриализма (его эквиваленты — «общество знаний», «общество инновационного типа», «сервисное общество», «общество социального благоденствия»). В теории религиоведения становление религиозных воззрений укладывается в формат сформировавшейся еще на заре нового времени схемы: первобытная магия — язычество — монотеизм. Констатация сложившегося в методологии обществоведческих наук положения позволяет ставить задачу осуществления цивилизационного насыщения научных знаний об обществе.

Речь идет даже не столько о плодотворности междисциплинарной, но скорее инодисциплинарной методики познания. Современные науки, длительно развиваясь по пути специализации и накопления эмпирического багажа, дошли до того предела, когда стали утрачивать способность к целостному восприятию предмета своего исследования. В настоящее время принципиальный научный прорыв (на уровне модификации научной картины мира) возможен при системном взгляде на предмет одних дисциплин с позиций и накопленного методологического багажа многих других.

Расщепление гуманитарного знания на специализации, сыгравшее позитивную роль в углублении отдельных предметных областей, привело на определенном этапе к деструкции смысловой модели самого человека. Обществоведческий дискурс оперирует несколькими универсализированными моделями человека, причем абстрактная модель человека выстраивается всякий раз на монофакторной основе.

Американскими исследователями Г. В. Олпортом, П. Е. Верноном и К. Линдзи было выделено шесть такого рода доминирующих типов: «человек теоретический», «человек экономический», «человек эстетический», «человек социальный», «человек политический», «человек религиозный». Реальная же, имеющая комбинированный характер природа человека весьма далека от любой из обозначенных моделей.

Оперирование абстракцией «экономический человек» имеет разрушительные последствия и для экономики (в силу неадекватности модели), и для человека (в силу навязывания определенного типа экономической ментальности). Об угрозе превращения экономики в самоцель рассуждали многие мыслители прошлого, представляющие совершенно различные полюса в спектре общественных идеологий. «Менее всего, — писал русский религиозный философ Н. А. Бердяев, — экономика может создать нового человека. Экономика относится к средствам, а не к целям жизни. И когда ее делают целью жизни, то происходит деградация человека». Примерно в том же смысле высказывался французский социалист Ж. Жорес: «В человеке есть такое слияние самого человека и экономической среды, что невозможно отделить экономическую жизнь от жизни моральной; нельзя разделить существование человечества на две части, отделить в нем идеальную жизнь от жизни экономической».

Если человек не желает трудиться, отсутствует этика труда, все экономические рецептуры бессмысленны. Соответственно, вопрос о стратегии развития шире, чем только об экономике. Речь должна идти о ценностях народа.

Задача заключается в замене однофакторных подходов многофакторным антропологическим моделированием. Множественность факторов положена также в основу осмысления феномена цивилизаций. Поэтому с авторской точки зрения наиболее интегративной и приближенной к человеческой природе является модель «цивилизационного человека».

Антропологические основания ценностных различий

Еще Аристотель утверждал, что сущность человека меняется в зависимости от смены государственного строя. Столь же верно будет утверждать и то, что и государственное устройство изменяется в зависимости доминанции того или иного антропологического типа. Между тем универсального понимания того, что есть человек, не существует. Каждая цивилизация давала свой собствен-

ный ответ в его раскрытии. С этого ответа и начиналась развертка различных цивилизационных проектов.

Собственные антропологические модели были представлены в рамках всех основных, претендующих на мировое значение идеологий. Для религиозной философии, исходящей из представления о посмертном бытии, человек есть временное переходное состояние, связывающее мир плотского и мир идеального.

Человек в либерализме — это именно то, чем он никогда не являлся для традиционно-религиозной антропологии — индивидуум. Развитие человеческих качеств означает в либеральной парадигме индивидуализацию. Характерно в этом отношении признание одного из классиков либеральной теории Х. Арендт, считающейся основоположницей критики тоталитаризма. Согласно ей понятие «человек» исключает использование понятия «прогресс».

Фашизм в раскрытии человеческой природы акцентирован на инстинкте господства, стремления одних особей к подчинению других. Категориальный подход к человеку в фашизме связывался в значительной мере с ницшеанским наследием. Цель же виделась в появлении сверхчеловека, преодолевающего человеческую природу. Сверхчеловек — асоциален. Это ницшеанский аморалист. Он абсолютизированный индивидуалист. В нем находят гипертрофированное выражение качества зверя. И именно в зверином видится ориентир грядущей трансформации. Расовые войны в этой постановке вопроса рассматривались как объективная неизбежность, преломление закона естественного отбора.

Определение человека как общественного существа выдвигает идеология социализма. В рамках коммунистической идеи данная антропологическая модель получает еще более акцентированное развитие. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал о человеке как «ансамбле общественных отношений». В качестве идеала «нового материализма» им выдвигается «человеческое общество, или обобществившееся человечество».

Для консерватизма принципиально важна историко-рефлексивная составляющая становления человека. Передача опыта закрепляется посредством традиций. Вне традиции, а соответ-

ственно, вне соответствующей национальной культуры (цивилизационной парадигмы) человека в понимании консерваторов не существует. Нет «человека вообще». Есть то, с какой культурной традицией каждая личность себя идентифицирует. Существуют русский, немец, китаец, но не всечеловек. Соответственно, и апелляция к правам абстрактного универсального человека есть фикция. «Человека в отдельности, — манифестировал М. Н. Катков свою позицию в рецензии на тургеневских «Отцов и детей», — нет; человек везде есть часть какой-нибудь живой связи, какой-нибудь общественной организации... Человек, взятый отдельно от среды, есть не более как фикция или отвлеченность. Его нравственная и умственная организация или, говоря вообще, его понятия только тогда действительны в нем, когда он преднаходит их как организующие силы, в которых привелось ему жить и мыслить».

Постмодерн направил развитие антропологии в прямо противоположном направлении дробления и релятивизации человеческой природы. Звучавшая в свое время как эпатаж фраза Протагора «человек мера всех вещей» становится главной постмодернистской интенцией. Вместо характерной для периода модерна антропологии индивидуума (неделимый, самодостаточный) в качестве основного антропологического объекта постмодерна утверждается дивидуум (делимый). Прежняя интенция «быть самим собой» снимается с актуальной повестки. Каждый конкретный человек может быть «много кем». Продуцируемые через интернет виртуальные миры создают у него иллюзию множества идентичностей.

Из различий в понимании природы человека следовали и различия в определении содержания приоритетов государственной политики. Для религиозных проектов — это решение задачи спасения души человека. Для либерализма — обеспечение прав и свобод индивидуума. Для фашизма — достижение господства «лучших» над «худшими». Для социализма и коммунизма — решение задач социального жизнеустройства. Для консерватизма — следование предустановленной традиции. Наконец, для постмодерна политика становится игрой, продуцированием симулякров.

Нетождественность форм цивилизационного бытия

Как непреходящий социальный институт при описании традиционной модели общества преподносится крестьянская община. Ее существование обнаруживается в различных типах цивилизаций, что должно было свидетельствовать в пользу универсализма мирового развития. Но идентичные ли институты скрываются под понятийно единой общиной?

Для ответа на этот вопрос феномен общины исследовался в рамках цивилизационной компаративистики. В качестве объекта анализа были взяты общинные структуры трех цивилизаций: российский «мир», западноевропейский «civis» и китайский «цзя». Все указанные институты определяются как община. Однако ни по одному из используемых при сопоставлении базовому параметру (а таковых было шесть) совпадений не обнаружилось. Следовательно, налицо три принципиально различных социальных института, объединение которых под одним унифицирующим маркером является по отношению к каждому из них существенной деформацией.

На Западе община, основанная на индивидуалистической парадигме хозяйствования, довольно легко распалась. В России же, базирующаяся на коллективистской традиции, коллективистских ориентирах совместной деятельности, она каждый раз, при всех попытках ее роспуска, воспроизводилась, репродуцировалась в новых формах. Не известным для Западной Европы являлся феномен уравнительного, периодически проводимого перераспределения земель. В России он получил название «черного передела». Даже в начале XX века процедура земельных перераспределений среди русских крестьян-общинников имела крайне широкое распространение. Создаваемая впоследствии колхозная система во многом репродуцировала традиционную для России форму социального устройства села. Такого же рода псевдоморфизмом являлось устройство государства как выстраиваемой снизу вверх системы советов.

В Китае институт «цзя» обнаружил еще большую прочность, нежели российский «мир». Будучи основан на родовых связях, он

не зависел от происходящих аграрных трансформаций и мог быть с легкостью экстраполирован в инфраструктуру города. Община сохраняется в настоящее время в большинстве стран незападного мира. Защита общинных институтов проводится даже на уровне конституционного законодательства.

Табл. 1. Цивилизационные различия традиционных социальных институтов (Западная Европа, Россия, Китай)

Критерии сравнения	Западная Европа	Россия	Китай
Наименование социальной единицы	Cives	Община	Цзя
Землевание	Частная собственность	Фактическая общинная собственность (при юридической собственности помещика)	Распоряжение рода при собственности государства
Состав	Коллектив собственников земли	Коллектив, объединенный совместной хозяйственной деятельностью и государственным тяглом	Члены клана
Право собственности и правосознание	Частное право	Трудовое право	Родовая традиция
Управление	Группа выборных лиц	Сход	Старейшины клана
Взаимопомощь	Индивидуальные кредиты	Помочи (коллективная трудовая помощь)	Обязательное общинное кредитование
Ментальная парадигма	Индивидуализм	Коллективизм	Родовая традиция

Казалось бы, когда человек высвобождается из общинных пут и становится свободным, он — если следовать концепции экономического человека — должен стремительно становиться успешным и процветающим. Но русский публицист Михаил Меншиков, оценивая крестьянскую реформу 1861 года, утверждал обратное: «На великий акт освобождения от крепостной неволи народ, свободный народ! — ответил: 1) быстрым развитием пьянства, 2) быстрым развитием преступности... 3) быстрым развитием разврата, 4) быстрым развитием безбожия и охлаждением к церкви, 5) бегством из деревни в города, прельщавшие... притонами и кабаками, 6) быстрой потерей всех дисциплин — государственной, семейной, нравственно-религиозной и превращением в нигилиста».

Цивилизационная вариативность моделей государственного управления

Анализ страновой вариативности механизмов государственного управления дает основания для классификации семи существующих в мире моделей. Все они соотносятся с соответствующим цивилизационным контекстом.

Первая модель исторически сложилась в рамках католической системы. Это модель субъект-субъектных отношений. Государство и церковь в ней выступают как два автономных субъекта. В религиозном представлении эта модель отражена в «теории двух мечей» св. Августина. Именно она проявляет себя в современности, конечно, в секулярной проекции, в виде универсальности управленческих связей. Именно к ней относятся функциональные характеристики — «диалог, соперничество и сотрудничество». Главное, что государство и социум в ней (как прежде государство и церковь) — это два автономных субъекта. В силу своей автономности эти два субъекта действительно могут быть в диалоге, могут соперничать и сотрудничать.

Вторая модель сформировалась на почве протестантизма. В дальнейшем при секулярном воплощении она получила концептуальное закрепление в рамках теории общественного договора.

Государство, согласно обозначенному ей подходу, есть продукт общественных отношений. Социум создает государственную власть для решения жизненно важных для себя интересов. Первоначальный импульс исходит, таким образом, не от государства, а от общества. Эта модель сущностно отличается от католической субъект-субъектной системы. Не социум в ней изначально реагирует на управленческие импульсы государства, а, как раз напротив, государственная власть реализует через механизм обратной связи социальный заказ общества.

Третья модель сложилась на основании социокультурной парадигмы православия. Ее отличительная черта заключается в автосубъектности государственной власти. Не социум в ней создает государство, а государство формирует социум. Модель строится не снизу вверх, как на Западе, а сверху вниз. Сакральность — основа модели в этом случае.

Нисходящая проекция выстраивается по ступеням: Бог — государство — народ. Некогда эта управленческая структура раскрывалась через формулу «православие — самодержавие — народность». Именно в такой последовательности.

Хронологически в истории фиксируется возникновение русского государства и только потом русского народа. В Европе дело обстояло иным образом: вначале пришли франки, а только затем было создано франкское королевство. Поэтому государство и общество в третьей модели — это не два, а один субъект отношений. Интегрируясь, государственная власть и народ создают специфическую русскую систему — государственность. Надо обратить внимание на принципиальную системность и самостоятельность этой модели для России.

Четвертая модель — это феномен, описываемый метафорой «двух несообщающихся сосудов». Такая система получила широкое распространение в ряде африканских и азиатских регионов. Ее генезис связан с формированием анклавов колониального управления. В результате сложились две сферы параллельного сосуществования изолированного друг от друга государственного и народного (племенного) бытия.

Описанные выше модели имеют бинарный характер. Они выстраиваются в координатах одно государство — один народ.

Но существуют и более структурно сложные системы. В них в систему управленческих связей оказывается включено несколько (более двух) субъектов взаимодействия.

Пятая модель представляет собой структуру, состоящую из одного государства и множества социумов. Система такого рода прослеживается исторически в ряде государственных общностей имперского типа. Так структурировалась империя Чингисхана. Аналогичные черты обнаруживаются в системе Британского содружества. Естественно, что при усложнении системы прямых связей соответственно усложнялись и механизмы обратного взаимодействия.

Шестая модель описывает прямо противоположную ситуацию, а именно: множество государств — один социум. Примеры такого рода дает арабский мир. Нечто подобное сейчас формируется в рамках проекта латиноамериканской интеграции. С определенной оговоркой сходная система обнаруживается на Руси в период удельной княжеской раздробленности российской протогосударственности.

И, наконец, седьмая модель характеризуется антагонизмом государства и социума. В этом случае государственная власть выступает в глазах народа в качестве диктаторского, оккупационного режима. Как правило, модель такого рода обнаруживается в странах этнического размежевания властных институтов и социума. Диалоговое взаимодействие в такой модели возможно лишь при расширительном отнесении к ней категории конфликта.

Таким образом, существует широкая страновая вариативность различных моделей государства с точки зрения его соотношения с социумом и соответствующих систем государственного управления. Страновой перенос модели без вопроса о том, применима ли она к конкретным цивилизационным условиям другой страны, может дать деструктивные результаты. В длительной истории России обнаруживаются периоды с признаками всех семи классифицированных систем отношений государства и социума. Но далеко не все из них оказались ценностно и технологически совместимы со специфическим российским контекстом.

Реалии этновариативности управления

Существуют разнопараметровые подходы сравнительного странового анализа деловых качеств цивилизационного человека. Однако изолированное применение тех или иных параметров приводило к некоторому деформационному перекосу. Возникает в этой связи запрос на комплексное — в рамках единой объяснительной парадигмы — применение разнопараметровых классификационных идентификаторов. Возможны при этом два варианта ожидаемых результатов:

1. Страна А всегда оказывается в одном классе деловых культур со страной В и всегда в разных классах со страной С;
2. Страна А при одной классификации оказывается в одном классе со страной В, при другой — со страной С, при третьей — отдельно от них обеих.

Первая модель означает констатацию существования различных типов развития, по отношению к которым цивилизационно-страновая принадлежность имеет вторичное значение. Напротив, второй вариант моделирования указывает на неповторимость каждой из цивилизаций, проявляющейся наряду с иными критериями в уникальности деловых культур.

Это лишь на уровне формулирования идеологом об общечеловеческих ценностях Запад выступает приверженцем экономического универсализма. Западный бизнес в то же время в гораздо меньшей степени склонен к отвлеченному теоретизированию. В практике мультинациональных компаний уже довольно давно используются, комбинируясь по подразделениям и филиалам, этновариативные управленческие механизмы. На уровне ТНК реализуется, по сути, полицентричная философия управления, связанная с культурно-нормативной автономией региональных структурных подразделений.

Проведенный еще более четверти столетия назад французским исследователем А. Лораном опрос 817 американских и западноевропейских менеджеров позволил утверждать, что в своей практической деятельности они руководствуются не универсалистской рецептурой экономических учений, а национальными традициями и собственными вкусовыми предпочтениями.

От эволюционизма к вариативности

«Образцовые переменные» в характеристике различий «деловых культур» были первоначально использованы в сущностно противоположной вариативной модели мира теории эволюционизма. В качестве основания для классификаций культурных типов основоположником структурного функционализма американским социологом Т. Парсонсом было выделено пять модельных дихотомий:

1. Аффективная активность — нейтральность (дифференциация по ориентации на деятельность, дающую непосредственное эмоциональное удовлетворение или приводящую к нему в отдаленной перспективе);
2. Ориентация на предписанный статус — ориентация на достигаемый статус (дифференциация по оценке индивида в зависимости от его личных достижений или групповой принадлежности по факту рождения);
3. Партикуляризм — универсализм (дифференциация по факторной значимости личных отношений с партнером);
4. Диффузность отношений — специфичность отношений (дифференциация по характеру восприятия партнера — во всей полноте личностных проявлений или в соответствии с актуальной для производственного процесса конкретной социальной ролью);
5. Коллективизм — индивидуализм.

В соответствии с эволюционистской концептуальной парадигмой все эти индикаторы интерпретировались, правда, как различия в уровнях развитости. Сообразно с этой логикой индикативная принадлежность не являлась имманентным качеством той или иной культуры, переходя в свою противоположность по мере эволюции от традиционного к современному типу общества. Современность характеризовалась аффективно-нейтральной активностью, ориентацией на достигаемый статус, универсализмом и специфичностью отношений. Пятый индикативный параметр, определяемый через дихотомию индивидуализма и коллективизма, был в дальнейшем исключен самим Т. Парсонсом из числа «образцовых переменных». Вероятно, на факте исключения сказался опыт

развития социалистических государств, продемонстрировавших возможность и коллективистских форм организации труда.

Монография Т. Парсонса и Э. Шиллза «К общей теории действия», в которой были изложены основные принципы эволюционистского подхода, увидела свет в 1951 г. Состоявшийся несколько позже феномен японского экономического чуда опроверг базовые положения парсонского эволюционизма. Доказывались возможности осуществления модернизации на принципах, относимых ранее к парадигмальным чертам общества традиционного типа. Опыт экономического развития Японии привел к революции в теории менеджмента. От универсалистского схематизма был осуществлен переход к альтернативному, в рамках противопоставления культурных типов, моделированию. Не случайно именно японская деловая культура преподносилась в большинстве исследований как ценностно антиномичная по отношению к американской. При идеологическом противостоянии США—СССР в менеджерском плане актуализировалась совершенно иная альтернатива США—Япония.

Следующий этап определяется экономическим прорывом ряда других цивилизационных центров, использующих в своем развитии традиционные институты культурной идентификации. Соответственно, актуализируется задача теперь уже и ревизии теории культурных альтернатив в направлении идеи о множественной культурной вариативности.

Одна из первых неэволюционистских типологий культур была предложена американскими этнологами Ф. Клакхоном и Ф. Стродбеком. Основанием для типологизации послужило сравнительное исследование четырех этнических групп США. Культуры в предложенной классификационной модели выстраивались по «горизонтальному» принципу, а не вертикальной дифференциации их на «современные» и «архаичные». Использовались пять типологических параметров:

1. Отношение к природе человека (дифференциация в зависимости от определения ее имманентно злой или имманентно доброй, изменяемой или неизменной);
2. Характер взаимодействия между обществом и природной средой (дифференциация в зависимости от установки на подчи-

- нение силам природы, гармонизации отношения с ней и подчинения ее требованиям соответствующей культуры;
3. Ориентация во времени (дифференциация в зависимости от ориентированности на прошлое, настоящее или будущее);
  4. Направленность человеческой деятельности (дифференциация на культуры, акцентированные а) на индивидуальном действии человека вне зависимости от согласования его с социальным опытом; б) на бытии, определяемом адаптацией к требованиям социума; в) на становлении, характеризующем стремлением к достижению коллективного идеала);
  5. На модальности взаимоотношений (дифференциация на линейные, коллатеральные и индивидуалистические культуры, различаемые, соответственно, по авторитетности суждений вышестоящих, представителей равного социального статуса и себя самого).

При применении клакхоновско-стродбековской типологии к России русской деловой культуре соответствовали бы следующие индикаторы: восприятие человека основывается на представлении о злой (точнее, стихийно неразумной и изменяемой антропологической природе (отсюда предрасположенность к регулируемости и дидактичности); природная среда преобразуется в соответствии с культурными императивами; из категорий времени наиболее актуализирована парадигма будущего; человеческая деятельность ориентирована на процесс становления; правильным считается то, что номинировано окружающими. Общность индикаторов с англоамериканцами обнаруживается по 2 и 3 параметрам. Следовательно, корректнее говорить не об альтернативности русской и американской культур, а об их феноменологической неповторимости.

Высококонтекстные и низкоконтекстные деловые культуры

Одна из наиболее ранних классификаций менеджерских различий по странам была проведена американским исследователем Е. Холлом, дифференцировавшим деловые культуры на высококон-

текстные и низкоконтекстные. Различия между ними проявляются по характеру транслирования информации. В странах с низким контекстом ее смысловое содержание зависит исключительно от репрезентативности описания. Напротив, в высококонтекстной среде передаваемое сообщение наделяется смыслами, непосредственно в нем не содержащимися и зависящими от его контекстуализации. Примером деловой культуры низкого контекста традиционно рассматривается американская система, высокого — японская.

Одним из индикаторов контекстности может служить структура языка. Универсальность английского, как известно, обеспечивается не в последнюю очередь его простотой. Японский язык, напротив, крайне сложен для людей, не погруженных в специфику национальной культуры. Достаточно сказать, что в нем существует более 50 форм различной тональности обращений, более 50 — приветствий, более 40 — выражения признательности, более 20 — извинений.

Одним из управленческих преломлений контекстности являются различия в ответственности менеджера. В низкоконтекстных культурах работник любого ранга отвечает исключительно за самого себя. В странах же высококонтекстного типа менеджер несет ответственность за весь штат находящихся у него в подчинении кадров. Россия также страна контекстной литературы. Контекстное мышление в ней формировалось через эзопов язык русской классической литературы. Формула Е. Евтушенко «Поэт в России — больше, чем поэт» могла бы быть применена к любому существующему в рамках российского контекста феномену. Каждое явление помимо номинированного имеет еще и смысл подразумеваемый. «Ну вы понимаете...», — сопровождает русский человек передаваемую им информацию. Американец вряд ли бы стал изъясняться подобным образом. Но вместе с тем российский коммуникационный механизм при общей контекстной платформе принципиально отличается от японского. Контекст-культура в России в отличие от Японии не ритуализирована. Ее генезис связывался не с традицией этикета, а с феноменом цензуры. В этой связи в развитии теории Е. Холла помимо «культурного контекста» уместно было бы ввести в качестве одной из его разновидностей категорию культурного подтекста.

В развитие классификации культур по уровню контекстности восприятия информации Х. Триандис ввел дополнительно параметр социальной статусности коммуникатора по отношению к группе реципиента. При высоком индексе указанного критерия в соответствующем культурном ареале статус играет гораздо большее значение, чем компетентность партнера.

Можно критиковать такую модель за нивелировку деловых качеств человека, однако изменить ментальную парадигму культуры удастся едва ли. Для России, как страны статусно контекстной информации, всегда был актуален, в первую очередь, документ о наличии квалификации, и только во вторую — сама квалификация. Русский менеджмент адресует к потенциальному работнику вопрос «кто ты такой?», тогда как американский — «что ты умеешь?»

Однако, с другой стороны, культурная традиция данного типа обладает дополнительными резервами неэкономической мотивации труда, которыми не обладают модели неконтекстных коммуникаций. Для стран восприятия информации через призму групповой принадлежности определяющее значение в конструировании деловой среды имеет дихотомия «свой» — «чужие». Отстаивание интересов «своих» как раз и является указанным мотивационным рычагом.

Прямое манипуляционное воздействие по отношению к социально контекстным культурам сравнительно затруднено. Реакция американцев на информационный прецедент гораздо более предсказуема и программируема, чем реакция русских или китайцев. Но это не означает, что манипуляционные механизмы по отношению к последним неприменимы вовсе. Они лишь усложняются необходимостью выявления национальных архетипов «своего», семиотическое соответствие которым превращается в данном случае в главную управленческую задачу.

Культурный диссонанс как препятствие осуществления рационального менеджмента рассматривался Х. Триандисом на примере деловой коммуникации менеджера — американца и исполнителя — грека. Разрыв контракта между ними явился результатом некоммунитарности деловых культур (Табл. 2). На месте грека, с небольшими модификациями предложенных интерпретаций, мог быть и россиянин.

Табл. 2. Диссонансы межкультурной деловой коммуникации

Поведение	Атрибуция
Американец: «Сколько необходимо времени, чтобы закончить отчет?»	Американец: Я прошу принять участие в деле.
	Грек: Его поведение не имеет смысла. Он — босс.
Грек: «Я не знаю, сколько у меня есть времени».	Американец: Он не хочет брать ответственность на себя.
	Грек: Пусть он даст распоряжение.
Американец: «Вам лучше знать, сколько необходимо времени».	
Грек: «10 дней».	Грек: Дам любой ответ, только бы отвязаться.
	Американец: Он не может правильно оценить время. Предложение неадекватно.
Американец: «Пусть будет 15 дней. Согласны? Вы сделаете это за 15 дней?»	Грек: Это приказ.
	Американец: Я предлагаю ему контракт.
Грек: «ОК».	
На самом деле для выполнения отчета требовалось 30 дней. Так что греку пришлось работать круглыми сутками, но к концу 15-го дня ему оставалось работы еще на один день.	
Американец: «Где отчет?»	Американец: Выполнил ли грек отчет?
	Грек: Он требует отчет.
Грек: «Будет завтра».	
Американец: «Но мы договаривались на сегодня».	Американец: Я должен научить соблюдать его контракт.
	Грек: Какой глупый и некомпетентный начальник!

	Отдал неверное распоряжение, так еще и не в состоянии оценить, что работу, на выполнение которой требовалось 30 дней, я выполнил за 16 дней.
Грек подал заявление на увольнение.	Американец удивлен.
	Грек: Я не могу работать с таким человеком.

Универсализм и специализация

Уместно говорить о ментальной предрасположенности ряда культур к трансляции глобализационных концептов. Согласно подходу голландского исследователя Ф. Тромпенаарса, существует иерархия культурных типов между полюсами универсализма и специализации. Универсалисты ментально склонны к формализации общих правил. При низком уровне универсализации отношения между людьми строятся главным образом не на нормативности, а на доверии и личных связях. К ареалу универсалистской культуры Ф. Тромпенаарс относил США, Австралию, Германию, Швецию, Великобританию — страны западного цивилизационного типа. Низкий уровень универсализма обнаруживался им в Венесуэле, государствах постсоветского пространства, Индонезии, КНР.

Голландский исследователь описывал индикативную ситуацию, когда автомобиль, которым управляет ваш близкий друг, превысив установленный уровень ограничения скоростей, сбивает пешехода. Возможны три варианта рефлексии, определяемой спецификой менталитета свидетеля:

1. «У моего друга есть определенное основание ожидать от меня, что я по дружбе укажу меньшую скорость».
2. «У моего друга есть некоторые основания ожидать, что я по дружбе укажу более низкое значение скорости».
3. «У него нет основания ожидать, что я по дружбе укажу более низкое значение скорости».

Третий вариант выбора означает высшую степень универсализации, первый — низкую. Результатом явилась построенная

Ф. Тромпенаарсом рейтинговая шкала универсализации: Канада — 96, США — 95, ФРГ — 90, Великобритания — 90, Голландия — 88, Франция — 68, Япония — 67, Сингапур — 67, Таиланд — 63, Гонконг — 56, КНР — 48, Южная Корея — 26. Представители западного мира обнаруживают, таким образом, предрасположенность к глобализации даже на уровне ментального измерения. Носители восточных культурных традиций, напротив, проявляют вполне определенное отторжение глобализационного универсализма.

Индивидуализм — коллективизм

Одним из наиболее очевидных диссонансов межкультурного сопоставления является дихотомия индивидуализма и коллективизма. Сталкиваются идентификационные парадигмы «я-идентификации» и «групповой идентификации». Корпоративный менеджмент, естественно, не может игнорировать этих различий. Не случайно у Г. Хофстеда противопоставление индивидуализм — коллективизм рассматривается в качестве одного из базовых параметров описания национальных деловых культур.

Наиболее завершенным типом индивидуалиста является американец. Для него индивидуальная свобода — основополагающий императив как по отношению к трудовой сфере, так и к семейной.

Типаж «латинос» амбивалентный. При доминанции я-идентичности в производственных отношениях мексиканец является приверженцем групповых ценностных ориентиров, когда речь идет о семье или о клане.

Араб — коллективист. Арабская деловая культура формируется как модель семейного типа. Закрепленная на уровне рода групповая идентичность экстраполируется на сферу производственного менеджмента.

Японский коллективизм имеет прямо противоположную экстраполяционную направленность. Не семья формирует в Японии трудовой коллектив, а трудовой коллектив — семью.

Для россиянина, как и для мексиканца, характерно ментальное расщепление производственного и семейного пространств.

Однако в отличие от латиноамериканца идентификаторы используются в обеих нишах — прямо противоположные. Россиянин — коллективист в трудовой деятельности и индивидуалист в отношении к семье. Российский коллективизм не клановый, как на Востоке, а социальный. Отсюда исторически проявляемая склонность к различного рода обобществлениям от «черного передела» до опыта «русского коммунизма». Но россиянин не является законченным коллективистом, наподобие того, как американец — индивидуалист. Индивидуальная свобода актуальна для него прежде всего как воля (переходящая порой в самодурство) на бытовом уровне.

Исторически для характеристики ориентиров русского сознания вместо коллективизма была найдена другая категория — «соборность». И соответственно с ценностью коллективизма необходимо дать уточнение.

Коллективизм — это ценность периода модерна. Жить и трудиться в коллективе — такой ориентир был исторически контекстен индустриальному периоду. Коллективизм, как коммунистическая ценность, выступил альтернативой либеральной ценности индивидуализма. Традиционному обществу, безусловно, ближе коллективизм. Но сказать, что коллективизм является традиционной ценностью, было бы некорректно. Объединение в коллектив для совместного труда существовало при любом общественном строе. Само по себе такое объединение ценностью для традиции не являлось. Традиционной ценностью было объединение на принципах любви и духовного восхождения. Для этого в русской мысли использовалось понятие «соборность». Определенные аналоги этому явлению были и в других культурах. Речь шла не просто о коллективности, а о духовной, основанной на традиционных религиях общности.

Пространственный континуум

Еще О. Шпенглер пытался выявить своеобразие культур через специфику восприятия времени и пространства. Пространственно-временной континуум формирует также национальный ха-

ракет менеджмента. Индикатором вариативности пространственного восприятия служит, в частности, различие параметров личностного пространства. Е. Холл обращал внимание, что у мексиканцев оно значительно меньше, нежели у англоамериканских представителей. Поэтому дискомфорт в коммуникациях может вызвать тривиальная проблема определения расстояния удаленности от собеседника. В этом отношении русские ближе к североамериканцам, чем к «латинас». Минимизированное личностное пространство «гастарбайтеров» также может служить для них источником некомплиментарного отношения. Хотя феномен «очереды» или даже «давки в общественном транспорте» указывает, что для россиян индивидуальное пространство не столь жестко очерчено, как для американцев.

Для представителя западных культурных традиций весьма важно наличие зоны уединения, того места, где он остается наедине с собой. В соответствии с этой целевой установкой архитектура жилища предполагает расчленение пространства дома на множество структурных отсеков — комнат. Для Востока, напротив, характерна минимизация зональной расщепленности. Критерий уединенности не имеет там такого значения в бытовой культуре, как на Западе, актуализируясь только применительно к архетипу отшельничества.

Соответствующие предрасположенности восприятия пространства отражаются, в частности, в национальной специфике организации рабочего места. Наибольшую склонность к классическому кабинетному типу организации офиса обнаруживают немцы. Требования максимизировать стандартную площадь, отводимую на одного сотрудника, — традиционная тема их расхождений с коллегами из-за океана в корпорациях поликультурного типа.

На противоположном полюсе по отношению к немцам в плане организации офисного пространства находятся японцы. Традиционным для Японии является открытый тип офиса. Согласно философии японского менеджмента, перегородки препятствуют производственной коммуникации работников, а потому отрицательно сказываются на производительности труда. Открытость офиса выступает, таким образом, в качестве одного из факторов,

обеспечивающих единство трудового коллектива соответствующей корпорации.

Открытая офисная структура имеет широкое распространение и в США. Американская деловая культура оказывается по рассматриваемому параметру в одной классификационной нише с японской. Правда, для американца отсутствие внутриофисных барьеров является отнюдь не средством группового сплочения, а основанием свободной самоорганизации производственной деятельности.

Другой парадокс реконструкции пространственного континуума заключается в обнаруживаемой визуальной близости русской и немецкой традиций организации офиса. Наличие кабинета, впрочем, имеет в России в большей степени значение в качестве одного из индикаторов статусности. Тем не менее пословица «Что для русского хорошо, то для немца смерть» в своем буквальном сопоставлении в данном случае не действует. Зато она обнаруживает свою действенность применительно к параметру времени.

В основе пространственного восприятия лежат сформировавшиеся архетипически и исторически положения сакральной географии. Несмотря на то что географические знания по сравнению со временами домодерна принципиально изменились, матрица пространственной картины осталась константной.

В сакральной географии существует условный центр мира, соотносимый с самопозионированием любой цивилизационной общности. Каждое сообщество вне зависимости от степени его влияния на мировую политику видит себя в фокусе всей системы мироустройства. Отношение к внешнему миру задается сакральной осью координат, где стороны света оказывались носителями угроз или откровения. Много говорилось в разные времена, что для России мировосприятие выстраивалось через призму двух онтологических угроз — восточной и западной. Сущностно они были различны. Патриарх Кирилл выразил это различие словами о том, что с востока у нас стремились отобрать кошелек, а с запада — душу.

Угроза западная была идеологическая, сопряженная с отрицанием русскости как цивилизационного феномена, а потому она вос-

принималась более опасной. Современное размежевание России с Западом и сближение с Китаем вновь актуализирует стратегический выбор, сделанный еще в тринадцатом веке Александром Невским. Князь Даниил склонялся тогда к западному выбору, задав вектор иной пространственной ориентации для Галицкой Руси.

Для Европы матрица восприятия мирового пространства также соотносилась с двумя угрозами — южной и восточной. Южная угроза была закреплена в европейской коллективной памяти в образах арабской, а потом и турецкой экспансии. Ее современной реминисценцией явилась миграция с юга — «нашествие аллохтонов». Угроза с востока связывается в восприятии европейцев с Россией. Ее огромность уже сама по себе устрашала. Обратной стороной страха являются фобии, и русофобия оказывалась в этом отношении логическим развитием пространственных стереотипов.

Пространственное восприятие Китая задавалось его позиционированием в качестве Срединной империи, то есть центра мира. Положение мирового центра выводило на представление о цивилизационном превосходстве, закрепляемом репрезентацией Китая как страны Поднебесной. Поднебесная окружена «варварами», наделяемыми различными качествами сообразно сторонам света. Варваризация периферии обнаруживается в той или иной степени фактически в каждой цивилизационной модели эйкумены.

Наряду с геополитическим центром цивилизационные сообщества имеют центры исторической сакральности. Сакрализация ряда географических средоточий сопряжена с теми или иными обстоятельствами цивилизационногенеза, как правило, с нахождением духовных святынь.

Особое место в пространственном мировосприятии занимают рубежи цивилизационных фронтиров. Цивилизационные фронтиры становятся местами концентрированного геополитического противоборства. Наиболее яркими примерами цивилизационных фронтиров выступают в современном мире Косово, Карабах, Донбасс.

Мы-центричный подход предполагает также наличие ложного центра, наделяемого аспектами инфернальности. Этот центр позиционируется в сакральной географии в качестве полюса зла. На языке толкиннистской семиосферы, активно используемой се-

годня в политическом словаре, он есть Мордор. Варваризация внешнего мира сопрягается с мордоризацией геополитического противника. Внутренний раскол происходит в связи с ориентацией части общества, как правило, элит, на условный Мордор.

Временной континуум

Е. Холл определял различия в восприятии времени как вариативность монохронных (сосредоточение на одной стороне деятельности) и полихронных (рассредоточение между несколькими видами деятельности одновременно) культур. Немцы как монохронисты планируют свой деятельный процесс равномерно. Русские реализуют поставленные задачи либо сразу же после их формулировки, либо «откладывая в долгий ящик». Минимизированным оказывается среднесрочный этап планирования. Если у немцев трудовая ритмика равномерно распределена на длительную перспективу, то у русских имеет зигзагообразное графическое выражение (Рис. 1).

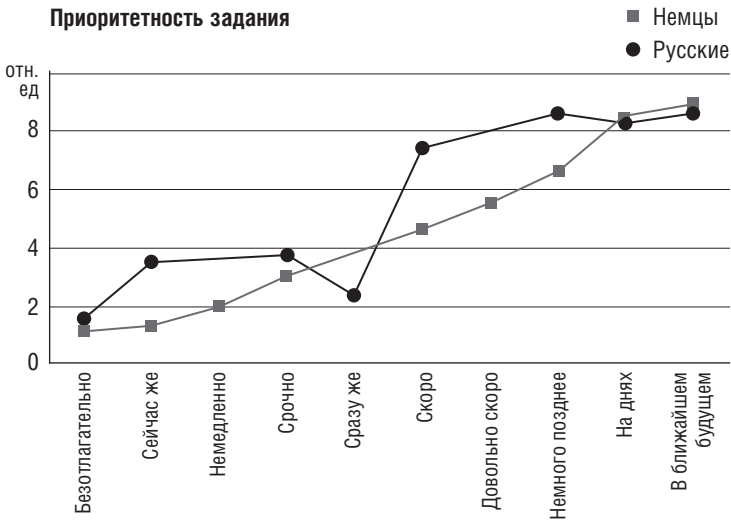

Рис. 1. Сравнительное ощущение времени в немецкой и русской культурах

Дихотомические пары различий монохронной и полихронной личности представлены на нижеприводимом рисунке (Табл. 3). Россия по подавляющему большинству параметров соответствует парадигме полихронизма. Однако все-таки не по всем, что позволяет скорректировать концепт Е. Холла, привнеся тезис о культурных оптимумах сочетания полихронности и монохронности.

Табл. 3. Цивилизационные различия в координатах различий менеджерского восприятия времени

Монохронная личность	Полихронная личность
В каждый момент времени делает только одно дело	Делает несколько дел одновременно
Концентрируется на работе	Легко приходит в замешательство и склонен делать перерывы
Очень серьезно относится к договоренности о сроках (четкое планирование времени, расписание)	Рассматривает выполнение договоренности о сроках как желательное
Скорее находится под влиянием низкоконтекстной культуры и по большей части нуждается в большом объеме информации	Скорее находится под влиянием высококонтекстной культуры и по большей части обладает значительным объемом информации
Скорее ориентируется на работу и карьеру	Скорее ориентируется на людей и личные отношения
Строго придерживается планов	Часто и быстро меняет планы
Строго придерживается норм частной жизни и доверительных отношений	Поддерживает тесные отношения с доверенными лицами
Очень уважает частную собственность, редко берет и дает в долг	Дает и берет в долг часто и просто
Преимущественно предпочитает прямоту	Соотносит степень прямоты с глубиной личных отношений
Часто и просто осуществляет краткосрочные контакты	Ярко выраженная тенденция к установлению долгосрочных (на всю жизнь) контактов

Восприятие времени сопряжено, как это было и в обществе домодерна, с традициями эсхатологии. История, сообразно с этими взглядами, имеет свою финалистскую проекцию. Финал истории должен найти свое выражение в виде установления определенной модели политического устройства. В этом отношении, подобно тому, как Карл Шмитт говорил о политической теологии, можно вести речь и о политической эсхатологии. Свою эсхатологическую версию имеет фактически каждая классическая идеология.

Эсхатология не тождественна религиозным воззрениям и может быть представлена светскими доктринами. Религиозную версию политической эсхатологии представляет идеология фундаментализма. Финалом истории сообразно с ней должна стать последняя битва сил света и тьмы, результатом которой окажется низвержение несправедливого государства и установление царства высшей гармонии. Для иудейской традиции это создание Нового Израиля под верховенством Машиаха. В исламской версии фундаментализма — восстановление Халифата и низвержение Даджжала. Шиитский ислам дополняет исламскую эсхатологию концептом о выходе на авансцену Махди — сокрытого имана, который вместе с Исой (Иисусом) победит силы зла и установит царство справедливости во всем мире. Христианская эсхатология в фундаменталистском прочтении связана с хилиастическим учением установления Царства Божьего на земле, которому должна предшествовать победа над 10 царями, принявшими антихриста, то есть политическая развертка сюжета Апокалипсиса.

Использование эсхатологических образов в рамках идеологии фундаментализма в любой из его конфессиональных версий не является исключительно сюжетом истории общественной мысли, имея соответствующие преломления (причем не только аллегорические) в актуальной политике. Религиозно-эсхатологические основания были использованы, в частности, в качестве основания проекта халифатостроительства ИГИЛ (организации, запрещенной в России). Активизация эсхатологического дискурса обнаруживалась во всем мире в контексте распространения алармистских настроений в связи с пандемией коронавируса и профилактических антиковидных мероприятий.

Эсхатология либерализма фактически представлена современным эсхатологическим мифом о грядущем универсальном мире. Наступление такого мира и поспешил провозгласить в свое время Френсис Фукуяма, выдвинувший концепт «конца истории». То, что это провозглашение оказалось ошибочным, не отменило самой идеи либеральной эсхатологии, а лишь сдвинуло соответствующие сроки в будущее.

Конец истории в либеральной версии видится в сокрушении врагов либерализма. Сегодня в качестве такого врага преподносятся мировые автократии. Бернар Анри Леви пишет, в частности, об антидемократическом заговоре «пяти королей» — китайского, российского, иранского, саудитского и турецкого. Имеются многочисленные исследования, посвященные эсхатологизму американской политической мысли. Концепт о «граде на холме», представление об американской богоизбранности, рефлексия движения новосветников — все это остается по-прежнему важными составляющими властного идеологического дискурса США.

Идеология коммунизма во всех ее многочисленных модификациях не может быть адекватно раскрыта без финалистского времени — установления коммунистического общества. Эсхатология коммунизма связана с вполне определенной политической повесткой — революцией и упразднением институций буржуазного общества. Символы религиозной эсхатологии перетолковывались на языке модерна, сохраняя зачастую прежнюю семантику.

Свои эсхатологические проекции времени существуют и в различных вариантах идеологии национализма. Историческое время, как правило, структурировалось в триадной схеме: «золотой век» прошлого, погибшее великое царство прошлого, национальный реванш над врагами в настоящем, восстановленная империя как сверхдержава в будущем. Эсхатологический характер имел использованный в Германии при национал-социализме концепт Третьего Рейха. Ввиду его очевидной связи с христианской историософией в 1939 году апеллировавшее к языческому империализму руководство НСДАП от него отказалось. Соответствующим аналогом в фашистской Италии являлась доктрина Третьего Рима (не имевшего ничего общего с учением о Третьем Риме в средневековой Руси).

Все характерные компоненты националистической модели восприятия времени находят сегодня отражение и в идеологии украинского нацизма: мифическое идентичное государство Украины в прошлом; онтологический противник, ликвидировавший национальную государственность, с которым ведется борьба в настоящем; восстановление великой державы в горизонтах будущего. Фиксация мировоззренческих оснований украинского нацизма практически означает необходимость включения в стратегию денацификации Украины задачи разрушения сформированной среды значительной части украинского населения мифологической картины мира.

Многопараметровые модели деловых культур

Многокритериальная модель дифференциации деловых культур была предложена Р. Льюисом, взявшим за основу классификации характер деятельной ориентированности. Класс моноактивных культур определялся установкой на решение задач. Отсюда их предрасположенность к планированию, понимаемому не в смысле Госплана, а как индивидуальное логически последовательное алгоритмизированное распределение трудовых усилий по достижению четко установленной цели. «Моноактивщики» сконцентрированы, как правило, на одной деятельной программе. К данному культурному типу Р. Льюис относил народы англо-американской, германской и скандинавской традиций.

Ориентиром для полиактивных культур являются люди. Задача для них может иметь смысл только опосредованно, по отношению к задающему ее человеку. «Полиактивизик» способен совершать несколько дел одновременно, далеко не всегда соотнося их с каким-либо общим планированием. К этой культурной группе были отнесены романские народы Юга Европы, латиноамериканцы, арабы.

Наконец, реактивные культуры не выстраивают собственной деятельной программы, а реагируют на адресуемые им внешне-средовые вызовы. Поэтому для связанного с ними менеджмента главная установка заключается не в самопозиционировании,

а в адекватности восприятия собеседника. Вежливость и предупредительность — особенности делового стиля «реактивщиков». К ним Р. Льюис наряду с представителями стран Дальнего Востока — японцами, китайцами — среди европейских народов относил финнов. Русская деловая культура при соотнесении ее с льюисовскими критериями не может быть отнесена однозначно к одному классификационному типу. В зависимости от параметров ее специфика формируется как промежуточная среда между полиактивной и реактивной культурологическими моделями (Табл. 4).

Табл. 4. Классификация типов деловой активности

Характеристика	Моноактивная культура	Полиактивная культура	Реактивная культура
Отношение к планированию	Систематическое планирование будущего	Планирование в самых общих чертах	Планирование на общих принципах (т. е. сверяются с принципами)
Отношение к бизнесу	В данный момент заняты одним делом	Выполнение нескольких задач одновременно, параллельно	Реагируют в соответствии с ситуацией
Режим рабочего дня	Работают в фиксированное время. Различают рабочее и личное время	Не разделяют личное и профессиональное время. Работают в любое время	Сторонники гибкого графика
Отношение к коррективам	Строго придерживаются планов (которые бывают, как правило, долгосрочными)	Достаточно активно меняют планы	Сторонники небольших корректив, эволюций, изменений
Отношение к фактам	В качестве нормы — строгая	Подгоняют факты под	Утверждения носят, как

	приверженность фактам	свои цели	правило, общий характер
Эмоциональность	Достаточная бесстрастность	Высокая степень эмоциональности	Ненавязчивая забота
Отношение к работе	Работают в рамках своего подразделения	Не любят ограничивать себя никакими рамками. Деятельность протекает в рамках всего предприятия	Характерная черта — функциональная многозадачность
Делегирование полномочий	Допустимо делегирование компетентным людям	Частая опора на родственников	Дело поручается надежным (т. е. преданным фирме) людям
Стиль общения	Предпочтение отдается деловому стилю. Коммуникации осуществляются по существу, часто безлично, по телефону	Любят поговорить на отвлеченные темы, перепрыгивают с предмета на предмет. Могут разговаривать часами	Умело обобщают
Отношение к собственным ошибкам	Не любят «терять лицо»	Могут вспылить, но и легко извиняются	Не могут «терять лицо»
Система аргументации в деловом мире	Стараются опираться на логику (в основе убеждения лежит логика)	Убеждение на эмоциональном уровне	Избегают конфронтации
Отношение к партнеру в процессе переговоров	Редко перебивают	Часто перебивают	Никогда не перебивают

Классической для сравнительного менеджмента признается на настоящее время многолетняя работа голландского исследователя Г. Хофстеде, введшего широкий спектр эмпирических измерителей деловых культур. Все они были объединены в четырех индикативных показателях: 1. Дистанция власти (степень централизованности и авторитарности); 2. Избегание неопределенности (степень тревожности ввиду неопределенного или двусмысленного положения); 3. Индивидуализм (степень индивидуалистичности как антитеза коллективистским ориентирам); 4. Маскулинность (степень «мужественности» как антитеза женским культурным ориентирам. Иногда еще в рамках методологии Г. Хофстеде используется также индекс долгосрочности. Сам голландский исследователь определял свой подход как экологический, имея в виду проистекающую из него необходимость смены экстраполяционной модели развития на адаптационную.

Акцентированных данных по России у Г. Хофстеде, оперировавшего в основном материалами опросов сотрудников IBM, отделения которого в СССР отсутствовали, не имелось. Индексирование российской деловой культуры осуществлялось им по косвенным признакам. Инструментарий Г. Хофстеде, впрочем, был апробирован в дальнейшем отечественными исследователями. Однако разброс полученных результатов индексации оказался весьма существенным: дистанция власти — 62, избегание неопределенности — 53, индивидуализм — 15; маскулинность — 53, долгосрочность — 49. Высокая амплитуда индексаций лишь подтверждает тезис об уникальности культур, параметровый подход классификации которых абстрагируется от их цивилизационной самобытности в пользу применяемых универсалий.

Из перечня сравниваемых стран по индексу дистанции власти Россия обнаруживает наибольшую близость к Японии, наибольшее удаление от Китая; по индексу избегания неопределенности — наибольшая близость к Японии, наибольшая удаленность от США; по индексу индивидуализма — наибольшая близость к Японии, наибольшая удаленность от США; по индексу маскулинности — наибольшая близость к Франции, наибольшая удаленность от Японии; по индексу долгосрочности — наибольшая

близость к Германии, наибольшая удаленность от Китая. Параметры классификации, таким образом, не совпали. Будучи связанными друг с другом, их отношения не носили детерминационный характер. По трем критериям Россия демонстрировала фактически тождественные показатели с Японией, однако по двум оставшимся их индексы оказались на разных полюсах принятой условной шкалы (Рис. 5).

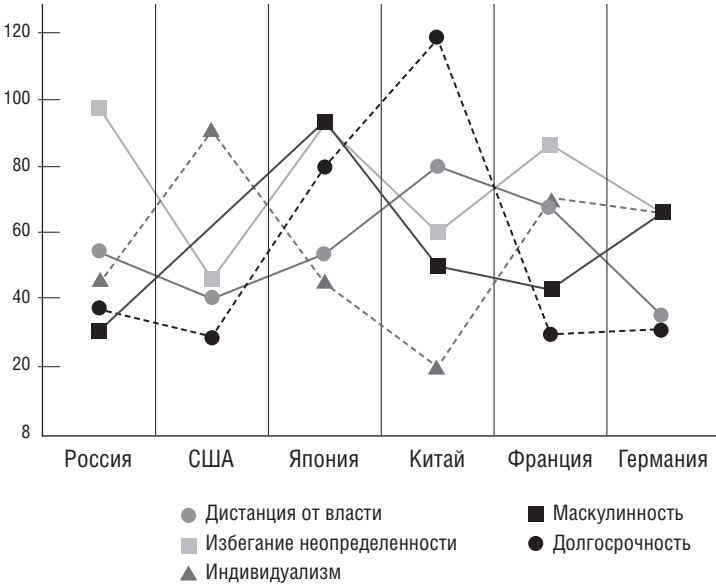

Рис. 5. Индексы «деловых культур» по ряду стран мира

Максимум и минимум России приходятся, соответственно, на индексы избегания неопределенности и маскулинности. По данным показателям она занимает полярное положение в спектре ведущих стран мира.

Минимизация показателей маскулинности соотносится с традиционным философским дискурсом о «женской душе» России. Как следствие игнорирования данного фактора — наивысший в мире разрыв в продолжительности жизни между женским и мужским населением. Традиционный патриархальный тип семьи в России выступал компенсирующим механизмом имманент-

ной женственности страны. Разрушение же ее обернулось соответствующими демографическими последствиями.

Модифицированным вариантом применения методологии Г. Хофстеде стала модель классификации, созданная другим голландским исследователем — Ф. Тромпенаарсом. Пятнадцать тысяч анкет, распространенных среди менеджеров по 28 странам мира, придавали ей особую фундаментальность. Базовые индикаторы выстраивались в диапазоне следующих ценностных дихотомий: 1. Универсализм — специализация (дифференциация по вопросу об универсальности применения идей и практик); 2. Индивидуализм — коммунитаризм (дифференциация по характеру самоидентификации — индивидуальной или групповой); 3. Эмоциональные культуры — нейтральные культуры (дифференциация по степени чувственной экспрессии); 4. Специальные культуры — диффузные культуры (дифференциация по наличию разграничения публичного и приватного личностного пространства); 5. Культура достижений — культура принадлежности к группе (дифференциация по способу обретения статуса).

Полярные культурные типы, судя по предложенной индикативной шкале, представляют Япония и США. Ни по одному из пяти индикаторов условной оси координат их показатели знаково («+» или «-») не совпадают. Динамика всех других рассматриваемых стран выражается амплитудой колебаний между японским и американским полюсами. Ни одна из культур целиком не тождественна условным группам Японии и США. Большие сомнения вызывает, впрочем, у исследователей вынесение России знака плюс по индикатору индивидуализма. На характер индекса повлияло в данном случае время завершения исследования Ф. Тромпенаарса — 1994 г., соотносящееся, во-первых, с периодом ломки советской коллективистски ориентированной системы; и во-вторых, с рассмотрением бывших республик СССР в качестве единого культурного пространства. При коммунитаристской идентификации России ее индексная принадлежность целиком бы совпадала с японской. Это позволяет говорить о ней наряду с Японией и США как о полюсе культурных классификаций. Классификационное тождество

с японским культурным типом при очевидном ментальном различии русских и японцев лишь указывает на ограниченность используемых Ф. Тромпенаарсом параметров. Следовательно, несмотря на крайне широкий спектр введенных голландским исследователем индикаторов, индексной полноты достигнуто не было. (Рис. 6.)

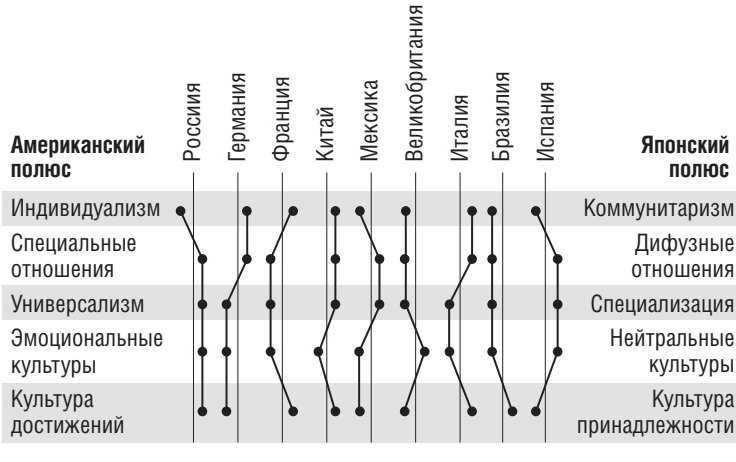

Рис. 6. Индексы «деловых культур» по ряду стран мира (по методологии Ф. Тромпенаарса)

Вариативность ценностных иерархий

Помимо отраженных в классификациях феноменологических отличий различается по странам и иерархия менеджерских ценностных установок. Иллюстрацией их расхождения явилось, в частности, проведенное Дж. Энгландом на базе специальных социологических опросов сопоставление по шкалам организационных ценностей и ценностей, связанных с личными целями менеджеров. В приводимом сравнении американской и индийской деловых культур обнаруживалось, что американцы в большей степени ориентированы на материально и индивидуально выражаемое представление об успешности, тогда как индусы — на нормативы социальной статусности (Рис. 7, 8).

Рис. 7. Иерархия организационных ценностей в США и Индии (в %)

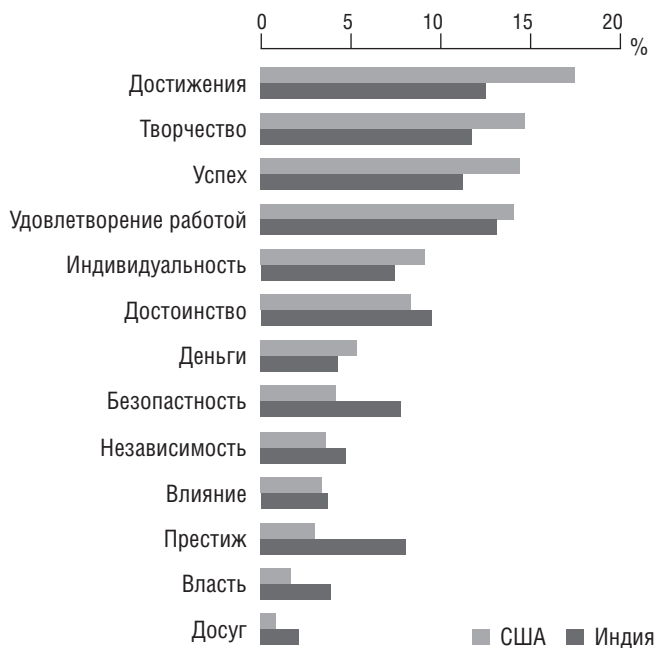

Рис. 8. Ценности, связанные с личными целями менеджеров в США и Индии (в %)

Социокультурное различие базовых мотиваторов

То, что действительно и работает в рамках одной культуры, не всегда оказывается успешным и эффективным в рамках культуры другой. Причем под культурой в данном случае следует подразумевать не только национальные, религиозные и цивилизационные различия, но и непреодолимую пропасть между традиционным и модернизированным обществами. Макс Вебер говорил о существовании ограничителей денежной мотивации для традиционных обществ, для которых прибыль не является стратегической основой хозяйствования.

В российском корпоративном управлении нежелательно делать то, что сейчас воплощается в рецептуре «эффективного контракта», а именно: преимущественно мотивировать отношение работника к труду зарплатой и — как заход с противоположной стороны — штрафами. Такая «растяжка» приводит к культурной разбалансировке: руководитель лишается в глазах работника образа хозяина, происходит десакрализация отношений работника с его коллегами, которые теперь становятся конкурентами. В результате начинается латентный саботаж, происходит подавление мотиваторов общего дела (Рис. 9).

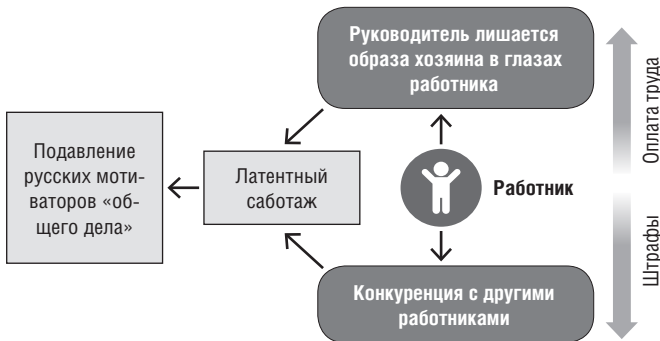

Рис. 9. Что нельзя делать в российском корпоративном управлении

На вершине иерархии мотиваторов в российских традициях управления вовсе не деньги, а потребность решения сверхзада-

чи. Но если главный мотиватор — решение сверхзадачи, то в соответствии с ним должна быть выстроена и вся управленческая система: мировоззрение — философия общего дела; культура — подготовка мыслителя, а не исполнителя; культура — эмоционально-психологическая мотивировка на свершения; идентификация — дихотомия «мы» — «они», образ врага, а не только конкурента; модель управления — идеократия.

В последние годы существования Советского Союза с участием западных социологов было проведено комплексное исследование культурного мира и мотиваций персонала предприятий оборонной промышленности. Исследование наглядно показало онтологическую чуждость советскому человеку исходных принципов отношения к труду и вознаграждения труда на Западе. Все это позволяет говорить об особом типе организации, построенной с адаптацией к российской социокультурной среде (Рис. 10).

Широко распространенные качества:	Мало распространенные качества:
Стремление к совместной, коллективной работе	Способность к монотонному, стереотипному труду
Чувство причастности к общему делу	Предпочтение технологий с заданным ритмом
Профессиональная универсальность, стремление к совмещению профессий	Приверженность индивидуальным формам труда
Склонность к оригинальным решениям, новаторству, рационализаторской и изобретательской деятельности	Высокий уровень личных притязаний, честолюбие
Готовность бескорыстно оказать помощь	
Быстрая реакция на смену обстоятельств	
Готовность подчиниться неформальному лидеру	
Предпочтение свободного индивидуального ритма работы	
Престижность индустриального труда	
Неприязнь к «высочкам», быстрому карьерному продвижению	

Рис. 10. Характеристики русского персонала оборонной промышленности (1990–1991)

Специфика российского управления — в формировании у работников убежденности и ощущения сопричастности к выполнению какого-то общего дела, причем такого общего дела, которое обладает высоким морально-этическим смыслом. Оно идеократично по своей сути. Поэтому для этого типа управления чрезвычайно актуальной, острой и значимой является задача антропологического проектирования, формирование типа лидера, который был бы ориентирован не на потребительские ценности, а на высокие смыслы.

Философия управления в национальном преломлении

В преломлении к национальному менталитету варьируется по странам философия управления. Это различие проявляется, в частности, по определению парадигмальных основ генезиса организационных форм. Вопрос сводится к установлению изначальной категории, послужившей исходной величиной для генерации соответствующей деловой культуры. В соответствии с вариацией философем о первичности организационных форм варьироваться должны сами системы корпоративной деятельности (Табл. 2).

Табл. 2. Национальные парадигмы организационных теорий

Страна	В начале было ...
США	... рынок
Франция	... власть
Германия	... порядок
Нидерланды	... консенсус
Скандинавские страны	... равенство
Китай	... семья
Япония	... Япония
Арабские страны	... заповедь
Россия	... государство (государь)

Ценностный псевдоморфизм

Одни и те же ценности могут иметь исторически различные формы воплощения. Так, фундаментальную основу жизнеспособности государств составляет религия. Вера задает смысл их историческому существованию. Обесмысливание жизни для народов смертеподобно. Все прочие элементы духовного развития этносов так или иначе генетически восходят к религиозному фундаменту.

Материальная парадигма не может служить основанием ценностного строительства. В учениях древних материя — это темное начало, выражение объективизации, первобытного хаоса, пороков плотского удовольствия, биологической смертности. Ценностный императив виделся в духовном освобождении от оков материи (аксиологической материализации). Материализм мог служить основанием объяснительной теории общественных процессов, но не принципом формирования существующей в долгосрочной перспективе историко-культурной общности.

Истории неизвестно ни одного этноса, чей исторический генезис осуществлялся бы на внерелигиозной основе. Речь идет о религиях в широком понимании, включающем и даосизм, и конфуцианство, и буддизм, не содержащих представления о Боге (богах), но имеющих общие дефиниционные составляющие — веру, культ, организацию верующих. Из факта универсальности компонента религии в качестве фактора этногенеза следует вывод о факторной необходимости религиозности населения в обеспечение жизнеспособности этнической (и шире — государственной) системы.

Советский эксперимент заключался в попытке создания общества, базирующегося на парадигме атеистического миропонимания. Казалось бы, опыт СССР свидетельствовал о принципиальной возможности такого миростроительства. В действительности, при реализации конкретных задач государственной политики в сфере управления идейно-духовными потенциалами народа был сформулирован некий квазирелигиозный суррогат. Воссоздавалась сущностно прежняя аксиология государственной религии. Такого рода трансформации определялись О. Шпенглером понятием «псевдоморфизм», выражающим видимость инверсии

при сохраненной парадигмально неизменной культурной основе. Ниже приводится дуальный ряд соотношения традиционных религиозных и советских квазирелигиозных компонентов.

Каждая цивилизация выработала исторически собственный оптимум ценностных имплементаций. Набор ценностей для всех цивилизационных систем един. Где, например, будут отрицать высокое аксиологическое значение любви к Родине или крепости семейных уз? Другое дело, что весомость этих факторов в соотношении друг с другом может быть различна.

Ценностные (факторные) профили цивилизаций. В чем мы не согласны с А. Тойнби и С. Хантингтоном

Взятие на вооружение цивилизационного подхода само по себе еще не является гарантом укрепления жизнеспособности страны. Более того, при определенном формате прочтения он содержит в себе риски, не менее деструктивные для национального государства, нежели стратагеми унифицированного развития мира. Идеологемы теории цивилизационной множественности парадоксальным, на первый взгляд, образом используются сегодня в целях продвижения проекта глобализации.

Завеса над природой этого парадокса отчасти приоткрывается при анализе персоналий научной и политической популяризации теории цивилизаций. Достаточно обратиться к перечню должностных статусов крупнейших общепризнанных фигур цивилизационного дискурса — А. Д. Тойнби и С. Хантингтона. Первый из них являлся руководителем Королевского института международных отношений, директором научного отдела Министерства иностранных дел Великобритании, второй работал в секретариате Правительства, координатором в Совете Безопасности, директором Центра международных отношений США. Почему лица, функционально связанные с задачами строительства архитектуры нового мирового порядка, с реализацией национальных интересов в политике западных государств, оказались увлечены цивилизационной тематикой?

Идея множественности миров противостоит идее цельности. В этом смысле абсолютизация вариативности может иметь деструктивные последствия для осознания духовного единства человечества.

Традиционно-религиозная модель мировосприятия выстраивалась на основе абсолютизированного противостояния полюсов добра и зла. Тойнбивско-хантингтоновская версия цивилизационной вариативности ценностей противоречит этому взгляду. Множественность цивилизаций предполагает, соответственно, и множественность подходов определения добра и зла (в каждом цивилизационном ареале — собственный). Перспективы для духовного единения человечества на основании заложенной в традиционных религиях общности базовых ценностей при такой постановке вопроса упраздняются. Внесение же разобщенности в среду сил, ориентированных на сохранение традиций народов, расчищает дорогу для продвижения проекта либеральной глобализации.

Новый мировой порядок гегемонии западного мира реализуется через два тактически различных, но стратегически связанных между собой проекта. Первый — это проект либеральной унификации человечества. Его целевые установки очевидны. Как правило, продвижение данной проектной линии тактически соотносится с внешнеполитической доктриной Демократической партии США. Второй проект реализуется через логику «цивилизационных войн». Формируется мировая архитектура множественности враждующих и заключающих временные альянсы друг с другом региональных центров. Над всеми ними статусно возвышается третейский арбитр — США. Чаще всего эта линия соотносится с внешней политикой Республиканской партии.

Первый проект предлагает путь прямой глобализации. Во втором случае стратегия глобализма реализуется через опосредованную установку глокализации (идеологема цивилизационной множественности и мультикультурализма). Результатом глокализационной политики являются региональная локализация, подрыв духовного единства человечества, деструктурирование его до уровня атомарных сущностей. Вначале констатируется ценностная автономность цивилизаций, затем — этнических локали-

тетов и, наконец, отдельных групп индивидуумов. Итог оказывается тем же, что и при первом проекте либеральной унификации.

Принятие тойнбивско-хантингтоновского концепта цивилизаций представляет собой стратегическую ловушку для России. Будучи внешне привлекательным для той части российского общества, которая обеспокоена происходящей эрозией российской цивилизационной идентичности, этот концепт ввиду подлога целевых установок сегодня особенно опасен.

Предлагаемое нами понимание природы цивилизаций имеет принципиальное отличие от версии А. Тойнби — С. Хантингтона. Фундаментальные ценности всех исторически сложившихся цивилизаций едины. Народы имеют сущностно совпадающие представления о добре и зле, о ценностной значимости таких категорий, как духовность, патриотизм, любовь, дружба и т. д. Специфичность цивилизаций состоит не в различии ценностей, а в различии форм их воплощения. Эти формы, собственно, и задают самобытность цивилизационного бытия. Другое дело, что исторически каждая из цивилизаций может оказываться на различной стадии удаленности от максимального достижения универсальных для человечества высших ценностных ориентиров.

Так, к примеру, ценностная значимость идеи коллективизма обнаруживается в каждой из цивилизаций. Однако исторически одни из цивилизационных общностей оказывались более коллективистски ориентированными, другие — индивидуумно-ориентированными. Различались, соответственно, и формы воплощения указанной ценности. Различия эти проявились, в частности, в специфичности институтов социальной самоорганизации.

Специфичность форм воплощения ценностей есть производная от средовых условий бытия. Генезис цивилизаций связан с определенным географическим ареалом и особым этническим составом населения. Цивилизационная среда, соответственно, формируется через уникальный набор факторов исторического месторазвития. Для специфичных средовых условий существует свой адаптационный оптимум институциональных форм и механизмов. Отступления от него, увлечение иносистемными экстраполяциями объективно ведет к снижению жизнестойкости всей системы.

Ценностный выбор чаще всего осуществляется не в отрицании каких-либо ценностей, а в определении более значимого. Знаменитая формула Великой Французской революции — «Свобода! Равенство! Братство!» Все компоненты принципиально важны для раскрытия просветительских идеалов и в целом аксиологии модерна. Но какая из компонент наиболее важная? Ответ может быть различный. В зависимости от него были сформированы ценностные системы либерализма, социализма и консерватизма.

Французский идеолог «новых правых» А. де Бенуа выделял три исторических типа демократического устройства, соответствующих каждому из компонентов французского лозунга. Свобода служила знаменем либеральной демократии, отдающей ценностный приоритет правам индивидуума. Равенство провозглашалось высшей ценностью эгалитарной демократии, приоритетом для которой является не индивид, а их совокупность. Советская демократия была лишь иного порядка, чем американская. Наконец, принцип братства реализуется в органической демократии, рассматриваемой А. де Бенуа не механическим сцеплением индивидов, а живым организмом. Народ в ней представляет собой культурно-историческую общность и не может быть расчленен на дискретные единицы.

Общее и различное цивилизационного существования

Так чем же различаются между собой цивилизации? При единстве базовых ценностей, составляющих «белый ценностный пакет человечества», они отличаются друг от друга: по специфичности иерархии ценностных компонентов, по степени их факторной значимости, особенностям менталитета, специфичности форм воплощения, специфике систем и механизмов жизнеобеспечения (Рис. 11).

Признание ценностной общности человечества обладает потенциалом быть воплощенным в некое планетарно значимое послание к миру. Оно указывает на принципиальную возможность диалога цивилизаций и на отсутствие конфликтной предопределенности межцивилизационных взаимодействий. Единство фун-

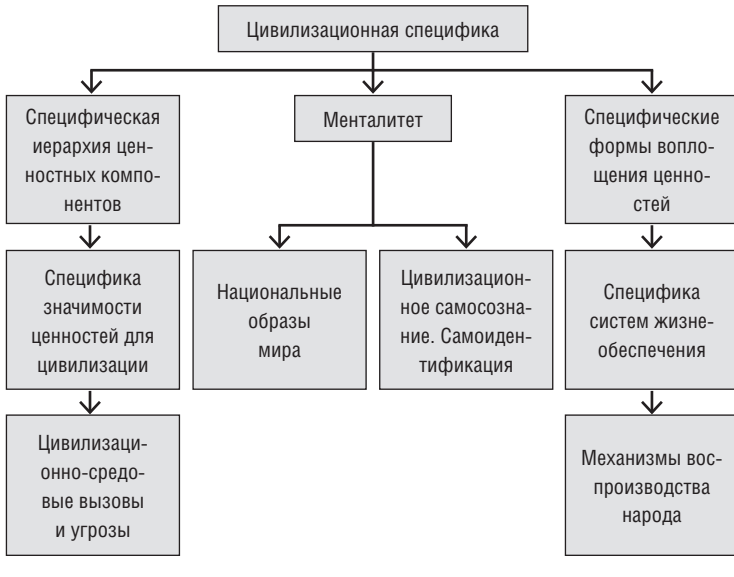

Рис. 11. Факторная декомпозиция цивилизационной специфики

даментальной ценностной матрицы цивилизаций дает, наконец, основания в деле духовной интеграции человечества, консолидации его на решение планетарных задач.

Накопленные в науке результаты комплексно подтверждают положение о цивилизационно-ценностной вариативности моделей управления. При использовании различных параметров состав классификационных групп, в которые входила Россия, изменялся. Устойчивой типологической привязанности к какому-либо государству, как и устойчивой антагонистичности, не обнаружилось. Следовательно, феноменология российской деловой культуры может быть признана цивилизационно уникальной. Данная констатация доказывает справедливость определения России в качестве самостоятельной цивилизации. Отсюда следует вывод о противопоказанности по отношению к ней рецептурных экстраполяций. Это не означает принципиального отказа от обращения к иноцивилизационному опыту в пользу манифестируемой самобытности. Другое дело, что заимствования должны осуществляться по каждому конкретному направлению политики из параметрально близких по соответствующему классификационному критерию стран.

Глава 2.

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ УЧЕНИЯ НИКОЛАЯ ДАНИЛЕВСКОГО: ОСНОВОПОЛОЖНИК ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Ни Тойнби и ни Шпенглер основоположниками цивилизационного подхода не являлись. Первопроходцем в его разработке являлся русский ученый Николай Данилевский. Его книгу «Россия и Европа» можно считать применительно к теории цивилизаций тем, чем стал «Капитал» для марксистского дискурса. В соответствии с этой ролью и тем, что взгляд Данилевского давался сообразно с российским видением проблемы, целесообразно начать разговор о цивилизациях России и Запада с него. О Данилевском, впрочем, в последние годы написано было много. Попробуем посмотреть на его творческое наследие через призму актуальной политической повестки.

Данилевский и Сталин

Существуют свидетельства, что книга Николая Данилевского «Россия и Европа» составляла предмет чтения И. В. Сталина. Мог ли создатель советской империи — а сегодня самый рейтинговый персонаж в российской истории — испытывать на себе влияние основоположника цивилизационного подхода? Такое

влияние как минимум нельзя исключать. Сталин никогда публично не разрывал с марксизмом, хотя и критиковал отдельные работы Ф. Энгельса за очернение с позиций антироссийской пропаганды Европы внешней политики царизма. Всегда с большим пиететом он относился к ленинскому наследию. Но как отдельные высказывания Сталина, так и его конкретные политические шаги и стратегемы позволяют считать, что он искал пути соединения марксизма с славянофильскими воззрениями (прежде всего в версии культурно-исторических типов Данилевского).

Еще в преддверии мировой войны происходит системное переосмысление конфликтов, в которые вовлекалась страна в истории, интерпретируемых ранее с классовых позиций, в пользу подхода цивилизационного. Именно в этом ракурсе совершенно в логике Данилевского был снят в 1938 году гениальный фильм «Александр Невский». Пропаганда периода Великой Отечественной войны раскрывала ее как борьбу с Германией, возглавившей европейский поход против России. Осуждение низкопоклонства перед Западом в послевоенные годы также соотносилось с пафосом осуждения Данилевским преклонения российского образованного класса перед Европой.

Еще более корреспонденты идеям автора «России и Европы» апелляции Сталина к единству славянского мира. Лидер советского государства полагал, что такое единство является единственной гарантией от угроз нового пангерманизма. В прямом противоречии с логикой классового подхода Сталин говорил о запросе на «большевик-славянофилов». Открывались кафедры славяноведения, создавались печатные издания, посвященные славянской тематике. Все эти начинания будут свернуты уже в хрущевские годы. Поворот в языкознании к изучению славянского лингвистического фундамента культуры и критика марризма (псевдонаучное учение о языке академика Н. Я. Марра) тоже соотносилось с позицией Данилевского о языковой первооснове культурного единства.

Сталинская геополитика строилась как будто по лекалам панславистского проекта Н. Я. Данилевского. Границы советского блока в Восточной Европе были близки границам описанной в его книге Славянской федерации. До разрыва с Броз Тито в него входили все славянские республики. Входила в него

и включаемая также Данилевским в Федерацию неславянская, но зато православная Румыния. Не вошла в сталинский советский блок в отличие от проекта, предложенного в «России и Европе», только православная Греция, но и за нее, как известно, шла ожесточенная борьба, вылившаяся в Гражданскую войну. Не удалось, как следовало из плана Данилевского, восстановить цивилизационный контроль над Константинополем, хотя Сталин пытался это сделать и предъявлял соответствующий ультиматум Турции. Как и предлагал автор «России и Европы», было проведено воссоединение с русской цивилизационной общностью Галицийского края.

Объединение проводилось при сохранении формальной самостоятельности каждой из объединяемых в советский блок республик. Так — по федералистскому принципу — предлагал выстраивать объединение и Данилевский. В замыслах Сталина было создание трех славянских государств, объединявших соответственно восточных, западных и южных славян. Восточные славяне объединялись в составе СССР. Особый статус входящих в него Украинской и Белорусской ССР отражался представленностью их наряду с Советским Союзом в Организации Объединенных Наций. Западнославянское государство планировалось создать посредством объединения Польши и Чехословакии, южнославянского — Югославии и Болгарии.

Пытался опереться Сталин в выстраивании политики цивилизационной интеграции и на фактор православия. Всеправославное совещание 1948 года являлось практическим шагом в этом направлении. Так в соединении славянского единения с единением православным видел перспективу интеграционного проекта и Данилевский.

Использовал ли реально Сталин в своей политике рецептуру «России и Европы» — доподлинно не известно. Но если прямого использования и не было, а Сталин пришел к пониманию целесообразности соответствующего курса без обращения к Данилевскому, это только говорит о гениальности автора «России и Европы». Получается, что Данилевский в своем труде предвосхитил сталинскую стратегию за семьдесят лет до ее практического воплощения.

«Россия и Европа» — книга нашего времени

Сегодня в контексте вступления в острую фазу цивилизационного конфликта Россия—Запад Данилевский оказывается востребованным более, чем любой другой российский мыслитель. Ни школьные, ни вузовские современные учебники не объясняют причин этого конфликта. Такое объяснение с позиций мировой истории и отчасти естественных наук представляет «Россия и Европа» Данилевского. Начинать в ситуации системного конфликта надо с двух опций — определения сути самого себя и определения сути противника. Собственно, это и является постановкой вопроса, вынесенного в самом названии труда Данилевского — «Россия и Европа». Данилевский писал свою книгу, когда Соединенные Штаты не играли еще роли полюса западного мира, и ввиду изменившейся с момента ее выхода их роли в мировой политике раскрытие дихотомии могло бы быть несколько скорректировано: вместо Россия и Европа — Россия и Запад. Попытаемся определить направления потенциальной реактуализации творчества историка.

Россия — не Европа

России принадлежит в развитии обществоведения первенство в разработке методологии цивилизационного подхода. Этот пионерский вклад связан с создателем труда «Россия и Европа» Николаем Данилевским. Между тем в западном обществоведении Данилевский совершенно неизвестен, и авторами теории множества цивилизаций позиционируются Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби. От бинарной модели Русь—Нерусь Данилевский переходил к модели множественности историко-культурных сообществ, каждое из которых функционирует на основе собственных принципов жизнеобеспечения.

На вопрос, является ли Россия частью Европы, Данилевский давал категорически отрицательный ответ. Россия не имела в фундаменте своей истории ни одной из определяющих европейский культурно-исторический тип компонент. И главное, Европа никогда не признавала и, полагал Данилевский, никогда не призна-

ет русских европейцами. Она исторически всегда была враждебна России, имея в своем арсенале ряд устойчиво воспроизводимых русофобских мифологем.

«Принадлежит ли... Россия к Европе? — ставил вопрос Данилевский и давал на него однозначный ответ. — К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью — нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево, не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию, не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая (как во время Карла, так и во время своего рыцарского цвета) не имела в себе почти ничего национального, а представляла собой учреждение общеевропейское — в полном смысле этого слова. Затем, когда настал новый век и зачался новый порядок вещей, Россия также не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечениям той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба; не боролась и с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также и воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой».

Польша, Венгрия и Турция являлись, по оценке Данилевского, основными плацдармами западной антирусской экспансии. Запад не любил воевать сам, и ему было нужно «пушечное мясо». Что изменилось в этом отношении со времен Данилевского? Мо-

жет быть, только то, что в роли «пушечного мяса» поляков и турок заменили украинцы.

«Двойные стандарты» Запада

Данилевский открывает свой труд рассуждением на тему, которая бы сегодня была определена понятием «двойные стандарты». «Откуда меряние разными мерами?» — спрашивал Данилевский. И ответ его состоял в том, что разные меры применяются Европой к России ввиду ненависти к ней, как к цивилизации-антиподу.

Запад прибегал к двойным стандартам и в девятнадцатом столетии, так же как он прибегает к ним в настоящее время. Позиция Запада по вопросу о Косово и по вопросу о Крыме, несмотря на то что базовая коллизия имела определенные аналоги, оказалась прямо противоположной.

Данилевский в своей книге приводил различия в реакциях Европы по вопросам о немецком отторжении у Дании Шлезвиг-Гольштейна и о российских действиях против Турции. Очевидная агрессия против Дании никого не интересовала, и на нее европейцы реагировали вяло, тогда как военные шаги России против Османской империи вызвали взрыв негодования во всем европейском мире. Данилевский обнаруживает причину такой двойственности: справедливого решения со стороны Запада не будет никогда, если вопрос касается России. Современному прозрению на этот счет предшествовали колоссальные уступки в пользу так называемого международного права, которых могло не быть, если бы предостережения «России и Европы» были услышаны своевременно.

Феномен западной русофобии: Россия как политический Ариман

Данилевский писал об онтологической ненависти Европы в отношении России — явлении, которое в настоящее время определяется понятием русофобия. Существовала до недавнего времени распространенная позиция, согласно с которой причина соответ-

ствующих фобий является реакцией на «коммунистическую угрозу» и рецидивы «советской тоталитарности». Между тем Данилевский показывал, что фобии в отношении России сформировались еще задолго до прихода большевиков к власти. «Дело в том, — пояснял он причину невозможности вхождения России в общность европейских государств, — что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., — материалом, который можно бы формировать и обделять по образу и подобию своему... Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает, или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу, и притяжение жить своею независимою, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно — чтобы не сказать невозможно — перенести это. Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь... Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости. Для священной цели не все ли средства хороши? Не это ли проповедают и иезуиты, и мадзинисты, — и старая, и новая Европа?.. Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации... Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию. Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации».

Своевременное изучение Данилевского могло бы предупредить от иллюзий западной дружбы. Но в период сближения с Западом читали преимущественно других авторов. Когда в 2014 году

началось новое обострение отношений с Западом, получила распространение другая иллюзия — все дело в актуальной политической элите. Лишь сменится администрация в Белом доме, звучали успокоительные слова на самом высоком уровне, и утраченная «дружба» с западным миром вернется. Увы, русофобия охватывает на Западе не только политическую элиту.

Данилевский показывал в своем труде, что общественность Европы была даже более антироссийски настроена, чем европейские правительства, подталкивая последние к конфликту. Автор «России и Европы» ссылаясь на таких представителей европейской общности, как немецкий либеральный правовед и историк Карл фон Роттек, полагавший, что все идущее во благо России, любые ее достижения наносят ущерб мировому прогрессу. Высказывания европейского профессора вполне определены не просто в своей русофобии, но и в своем латентном расизме: «Направление российской политики осталось враждебным свободе... Россия — заклятый враг свободного развития. Как прежде мы боялись западного деспотизма, так теперь — восточного... Россия внушала страх как своими гигантскими размерами, так и азиатским, автократическим правлением, поэтому любое увеличение её интеллектуальных, военных, экономических сил — это несчастье для всего цивилизованного мира». Как видим по этим высказываниям, в отношении западной «передовой мысли» к России мало что изменилось.

Сегодня Россию представляют на Западе как политический Мордор — полюс зла. Данилевский использует метафору из зороастрийской мифологии — преподнесение России как «политического Аримана». Меняются со временем метафоры, но суть отношения к России как полюсу зла остается константным.

«Русские европейцы»: европейская точка зрения в российской политике как подрыв суверенитета России

Западная русофобия не имела бы никаких шансов на успех при цивилизационно-идентичном политическом классе и общественности. Однако европейцам внешним подыгрывали европейцы вну-

тренние. Данилевский писал о сформировавшихся в России стереотипах смотреть на политику и ключевые вопросы общественного развития с европейской точки зрения (через европейские очки). Во внутренней политике это приводило к разрыву с народной психологией и идеалами, отступлению от православия. Во внешней — подыгрыванию европейским державам, следованию их интересам.

Глава австрийской дипломатии Клеменс фон Меттерних определялся им в качестве основного бенефициара выстроенной после победы над Наполеоном системы. «Вместо того, — оценивал Данилевский политику России в рамках системы Европейского концерта (Венской системы международных отношений), — чтобы быть знаменосцем креста и свободы действительно угнетенных народов, мы сделали рыцарями легитимизма, паладинами консерватизма, хранителями священных преданий версальской бонтонности, — как оно и прилично ученикам французских эмигрантов. Чем искреннее и бескорыстнее усваивали мы себе одну из европейских точек зрения, тем глубже ненавидела нас Европа, никак не хотевшая верить нашей искренности и видевшая глубоко затаенные властолюбивые планы там, где была только задушевная преданность европейскому легитимизму и консерватизму».

Принятие разрабатываемой Данилевским концепции культурно-исторических типов выводило на практические следствие — необходимость для России возвращения к самой себе. Для периода Российской империи такое возвращение подразумевало пересмотр европеизации Петра I (на что и указывал Данилевский), для Советского Союза — отказ левого универсализма Троцкого, для современной России — отказ от установок вхождения в западноцентричный мир Горбачева и Ельцина.

Цивилизационный подход и перспектива многополярности

Переход от однополярной к многополярной модели мироустройства предполагает нахождение соответствующего теоретического обоснования. Критерием для выбора соответствующих концепций должно стать положение о вариативности социально-

го развития человечества. Лучшим образом этому требованию соответствует теория цивилизаций. Данилевский при формировании методологии цивилизационного подхода был первым, предшествуя и Шпенглеру, и Тойнби, и тем более — Хантингтону. Наряду с понятием «культурно-исторический тип» использовал он в «России и Европе» и понятие «цивилизация» — в том самом значении, как его в дальнейшем будет применять А. Дж. Тойнби. Предпочтительность Данилевского состоит в том, что теория цивилизаций давалась им через призму российского взгляда.

Из столпов отечественной мысли только автор «России и Европы» и еще Л. Н. Гумилев обосновывали цивилизационную вариативность развития человечества, имевшую потенциалы соотнесения с многополярным мироустройством. Другие славянофилы говорили скорее о бинарности мира — «мы — они», чем о его вариативности. В этом смысле методология Данилевского отличалась существенно от славянофильской, и причисление его к славянофилам является достаточно условным.

С другой стороны, не каждое из существующих в настоящее время более чем двухсот государств мира могут реально претендовать стать цивилизационными полюсами многополярного мироустройства. Количество цивилизаций в мире, как указывал Данилевский, ограничено — всего 13 (египетская; китайская; ассиро-вавилоно-финикийско-халдейская; индийская; иранская; еврейская; греческая; римская; новосемитская (аравийская); германо-романская (европейская); мексиканская; перуанская; славянская). Если же вычтуть погибшие цивилизации, то полюсов многополярного мироустройства окажется в версии Данилевского всего семь.

В эпоху доминанции Запада, когда восточные страны находились в колониальном или полуколониальном положении, Данилевский отстаивал взгляд о том, что цивилизации не могут быть разделены на высокие и низкие. Он писал, в частности, об уникальных достижениях китайской цивилизации, не позволявших характеризовать ее как сообщество восточной отсталости. «Возьмем, — приводит пример Данилевский в доказательство теории культурно-исторических типов, — самый тип застоя и коснения — Китай, выставляемый как наисильнейший контраст прогрессивной Европе. В этой стране живет около 400 миллионов народа в гражданском благоустройстве.

Если бы имелись точные цифры о количестве производительности китайского труда, то перед ними, может быть, побледнели бы цифры английской и американской промышленности и торговли, хотя китайская торговля почти вся внутренняя. Многие отрасли китайской промышленности находятся до сих пор на недостижимой для европейских мануфактур степени совершенства, как, например, краски, окрашивание тканей, фарфор, многие шелковые материи, лаковые изделия и т. д. Китайское земледелие занимает, бесспорно, первое место на земном шаре... Науки и знания нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае. Неужели же эта высокая степень гражданского, промышленного и в некотором отношении даже научного развития, которое во многом оставляет далеко за собою цивилизацию древних греков и римлян, в ином даже и теперь может служить образцом для европейцев, — вышла во всеоружии из головы первого китайца, как Минерва из головы Юпитера, а все остальные четыре или пять тысяч лет своего существования этот народ пережевывал старое и не подвигался вперед? Не были ли эти успехи, добытые на крайнем востоке Азиатского материка, таким же результатом постепенно накопившегося умственного и физического, самостоятельного и своеобразного труда поколений, как и на крайнем его западе — на Европейском полуострове? И что же это такое, как не прогресс?»

Сегодня слова об отставании Китая прозвучат как абсурд. Но во времена Данилевского все было иначе. Незадолго до выхода «России и Европы» закончилась опиумная война, ставшая точкой максимального падения Китая. В Европе выходили труды, обосновавшие превосходство белого человека, его «цивилизаторской миссии» и права на колониализм.

Почти одновременно с «Россией и Европой» увидела свет книга Чарлза Дарвина «Половой отбор и происхождение человека», в которой тот утверждал идеи расового неравенства. Данилевский, как известно, являлся жестким оппонентом Дарвина, вероятно, главным для своего времени его критиком с позиции науки. Когда на Западе пропагандировался открыто расизм, в России Данилевский доказывал равноценность мировых цивилизаций. Его полемику можно определить в качестве русской альтернативы западной идеологии неравенства.

Каждое сообщество должно стремиться к выдвиганию историософии, в рамках которой ее история приобретает бы осевое значение в мире. Для России нужен, соответственно, россицентричный взгляд на мировое развитие. Периферизация мысли приводит к периферийности геополитической. И в этом отношении творческое наследие Данилевского может быть использовано из арсенала русской общественно-политической мысли наилучшим образом. Ему, пожалуй, одному удалось соединить положение о цивилизационной вариативности с положением об особой всечеловеческой миссии России. Всечеловеческое Данилевский разделял с общечеловеческим. Общих для всего человечества идей не существует, но русская культура в своем цивилизационном появлении может иметь всечеловеческое проявление. Примерно в этом же смысле говорил о всечеловечности русской культуры через десять лет после выхода «России и Европы» в своей знаменитой Пушкинской речи Ф. М. Достоевский, испытывавший, судя по материалам «Дневника писателя», влияние автора «России и Европы».

Представляет интерес в исторической концепции Данилевского и введение им субъектов истории — «бичей Божьих». Бичи Божьи не создают самостоятельного культурно-исторического типа. Их миссия заключается в уничтожении одряхлевших и разлагающихся культур. Применение этой категории к современным миграционным волнам, обрушившимся на постмодернистскую Европу, обладает определенным когнитивным потенциалом.

Цивилизационные основания западного экспансионизма

Столкновение России с Западом актуализирует задачу раскрытия образа врага. Необходимо определить западную цивилизационную парадигму, определяющую его экспансионистские установки и вражду в отношении к России. Что-то, вероятно, исходно содержалось в основании цивилизации Запада, либо по ходу его истории произошел некий системный сбой, следствием чего оказалась цивилизационная патология. Данилевский видел эту основу в эгоцентризме западного человека. От эгоцентризма оказы-

вался произведен насильственный подход в отношении ко всему противоречащему интересам эгоистического субъекта и ко всему инаковому. Данилевский ссылался на жесточайшие западные гонения на еретиков, искоренение всякого инакомыслия. Все иные цивилизации также должны были быть подавлены или искоренены уже в силу своей инаковости. Россия в противоположность Западу всегда была комплиментарно настроена к разнообразию.

Сегодня Запад, казалось бы, перешел на прямо противоположные позиции. Гипертрофированная толерантность устанавливает преклонение перед меньшинствами, переходящее в самоуничтожение и установление предпочтений для представителей меньшинства. Назвать это здоровой реакцией невозможно. Но противоречий с оценкой Данилевского в таких действиях не существует. Как раз наоборот, толерантность обнаруживается как обратная сторона насильственности, проявление психологических комплексов западного человека.

Новая повестка славянского вопроса

Специальная военная операция на Украине обозначила предельно остро вопрос о восстановлении единства славянского и православного мира. Раскол оказался столь глубоким, что объективный процесс восстановления цивилизационного единства приобрел военный формат. Но от этого восстановления зависит судьба всей славянской (как ее определял Данилевский) цивилизации. Вопрос славянский, как и предсказывал Данилевский, оказался важнейшим. Автор «России и Европы» не мог, конечно, допустить, что распадный процесс в славянском мире пойдет столь далеко. Но современный кризис показывает, насколько он был прав в своих оценках славянского фактора для России.

Наиболее критичным для славянской цивилизации Данилевский считал антироссийскую позицию Польши. На момент выхода «России и Европы» польские земли входили преимущественно в состав Российской империи, но русофобские идеи имели среди поляков широкое распространение. К моменту первого издания книги Данилевского прошло всего шесть лет после Поль-

ского восстания. «Из всех славянских стран, — констатировал Данилевский, — одна Польша пользуется ее благорасположением, потому что составляет тип и образец того, как бы Европе хотелось фасонировать и прочих славян для полного порабощения их себе, — даже и в том случае, когда бы им и дана была чисто внешняя политическая самостоятельность, которую истинные славяне всегда ценили ниже внутренней духовной и бытовой самобытности». К настоящему времени минуло уже полтора столетия после Польского восстания, а Польша по-прежнему представляет собой основной плацдарм антироссийской пропаганды.

Впрочем, по оценке Данилевского, антироссийской была шляхта, а не сам польский народ. Элита перешла на позиции европейской идентичности, тогда как народ сохранял приверженность духу славянства.

И даже сейчас в отношении Польши не все потеряно. Исторически в развитии польской государственности выдвигались две стратегические линии — стратегия Пястов и стратегия Ягеллонов. Стратегия Пястов состояла в сдерживании Польшей немецкой экспансии с запада, реализации миссии фронта славянского мира. Стратегия Ягеллонов переносила главное направление приложения сил на восток, где Польша в качестве форпоста Европы сдерживала будто бы агрессивные устремления России. Сейчас, безусловно, польская элита — ягеллоновская, но пястовский вариант потенциально возможен, если его внедрением в национальное сознание заниматься целевым образом. Основание для этого существует — неприятие поляками европейской толерантности и гей-пропаганды, то есть собственно тех ценностей, с которыми и приходит сегодня Европа.

Только Россия в понимании Данилевского могла объективно встать во главе славянской цивилизации. По выведенному им второму закону непременным условием для формирования культурно-исторического типа является политическая суверенность формирующих его народов. В этом отношении славянский культурно-исторический тип мог быть сформирован только на основе обладающей таким суверенитетом России. Естественным устремлением в развитии этого культурно-исторического типа должна была стать постановка задачи освобождения славян из-под власти турок, австрийцев, немцев.

Политическая карта Европы со времен Данилевского, особенно в ее восточной части, сильно изменилась. Сегодня формально существует 14 признаваемых на уровне ООН славянских государств. Однако реальными суверенными потенциалами среди них обладает по-прежнему только Россия. Другие же должны решать — находятся ли они в грядущем цивилизационном конфликте с Россией или против нее.

Творческое наследие Данилевского: избежать догматизации

Реактуализация наследия Данилевского не должна, впрочем, приводить к культу по подобию тому, который сложился в СССР в отношении К. Маркса. Вряд ли был бы полезным подход — заменить «Капитал» «Россией и Европой». Были у Данилевского, как показало время, и неверные прогнозы, и методологически противоречивые положения. Так, к примеру, недооценены были им США как часть западной цивилизации и враждебная России сила, и он писал о взаимных симпатиях американцев и русских.

Вызывает сомнение правильность лингвистической акцентировки Данилевским процесса цивилизационного строительства. Первый заявленный им закон общественного развития утверждал, что народы, имеющие языковое единство, составляют, соответственно, единый культурно-исторический тип. Сообразно с этой логикой в основание культурно-историческому типу, к ядру которого принадлежала Россия, было положено славянское единство. Данилевский выступал в этом отношении как панславист. Однако сам же автор «России и Европы» вносил противоречия в предлагаемый панславистский проект, включая в него, в частности, православных греков и румын, не относящихся к славянам. Получалось, что православие оказывалось в определенных случаях более значимым фактором, чем язык. Попытка перевести дискурс по вопросу о базовых основаниях России с религиозной платформы на платформу естественнонаучную и этнографическую в результате не удалась. Примеров, когда при общей языковой платформе народы принадлежали

к разным цивилизациям, предостаточно. Значит, все-таки дело не в языке, а в ценностях.

Не убеждало и положение четвертого закона Данилевского о том, что полнота, богатство и разнообразие развития достигается только при федеративной модели цивилизационного объединения. История показывает, что государства-цивилизации далеко не всегда являлись федерациями. Не были федерациями ни московское царство, ни Российская империя, создавшие российское геополитическое пространство. Опыт же распада СССР и Югославии — славянских в своей основе государственных объединений — показывает, что федеративное устройство вовсе не является панацеей.

Данилевский в соответствии с влиянием времени увлекался аналогиями между обществом и живыми организмами. В пятом законе он уподоблял культурно-исторические типы «многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу». Из такого понимания следовало, что прошедшее стадию плодоношения общество исторически обречено. Данилевский применял этот общий вывод для доказательства приближающейся смерти цивилизации Запада. Но ведь если признавать плодоношением славянской цивилизации советский исторический прорыв двадцатого столетия, то, оказывается, в этой логике обречена и Россия.

А разве не доказывают сегодня Китай и Индия, что возраст цивилизации не является препятствием для цивилизационного прорыва? Цивилизации — это все-таки не многолетние одноплодные растения. Аналогии с организмами, безусловно, могут быть полезны, но тождества между ними не существует. В основе цивилизационного бытия находятся духовные ценности, которые не стареют. К смерти же цивилизаций приводит не физическое старение, а отказ от собственных ценностей.

2022 год в фокусе теории Данилевского

Несмотря на все возможные и необходимые критические замечания, именно «Россия и Европа» имеет шанс стать главной кни-

гой для российских политиков и обществоведов. На самом высоком уровне заявлено о позиционировании России в качестве государства-цивилизации. И книга Данилевского в этом плане как российская версия цивилизационной теории подходит для этого наилучшим образом. 2022 год стал во всех отношениях годом Данилевского.

Данилевский предсказывал неизбежность нового столкновения России и Европы. Можно говорить о предсказании им новой цивилизационной борьбы, так как должны столкнуться в ней две цивилизации. Причем Данилевский не отчаивался от перспективы такой войны, полагая, что она станет основой русского внутреннего цивилизационного исцеления. «Борьба с Западом, — писал он, — единственное спасительное средство как для излечения наших русских культурных недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями... Рано или поздно, хотим или не хотим, но борьба с Европою (или, по крайней мере, со значительнейшею частью ее) неизбежна... Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только ее желанные результаты..., считаем мы спасительным и благодетельным, ибо только эта борьба может отрезвить мысль нашу, поднять во всех слоях нашего общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, зараженный тем крайне опасным недугом, который мы назвали европейничаньем. Нас обвинят, может быть, в проповеди вражды, в восхвалении войны. Такое обвинение было бы несправедливо: мы не проповедуем войны — уже по одному тому, что такая проповедь была бы слишком смешна из наших слабых уст; мы утверждаем лишь, и не только утверждаем, но и доказываем, что борьба неизбежна, и полагаем, что хотя война очень большое зло, однако же не самое еще большее, — что есть нечто гораздо худшее войны, от чего война и может служить лекарством, ибо «не о хлебе едином жив будет человек». Можно сказать, что в 1869 году при создании «России и Европы» Данилевский в точности описывал ситуацию 2022 года, когда предсказываемая им острая фаза цивилизационной войны началась.

Глава 3.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗАПАДА: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ УГРОЗЫ

Категория «Запад»

Россия сегодня находится в состоянии конфликта с общностью стран, объединяемых понятием «Запад». Конфликт этот имеет глубинные исторические основания. Заявляемая еще в 2014 году на властном уровне позиция, что антироссийские санкции будут скоро отменены, лишь только сменится администрация в Белом доме, оказалась ошибочной. Администрация сменилась дважды, но деэскалации конфликта не произошло. Напротив, были пройдены все критические пороги невозвратности к исходному состоянию. Как-то совсем неуместным стало использование понятия «западные партнеры». Оно и раньше произносилось с долей иронии. Сегодня уже с очевидностью даже для скептиков речь идет о «враге». Неочевидно это, пожалуй, только для тех, кто сам находится на противоположной стороне конфликта. Констатация факта войны предполагает первым шагом изучение противника. Нельзя рассчитывать на победу с врагом, не зная и не понимая, с кем приходится воевать. Нетривиальность задачи такого изучения состоит в том, что противник представляет некое сообщество, для анализа которого нужны свои, особые методики.

Само понятие «Запад», хотя и вошло прочно в лексикон, является по своему происхождению сравнительно недавним. Конечно, существовал во все времена запад как сторона света, вне зависимости от культурного наполнения этого понятия. Существовал Запад и как понятие сакральной географии. Для нее — это пространство заката, а потому смерти, наделяемое, соответственно, негативными коннотациями. В сторону запада — противоположную от алтаря, плюют во время обряда крещения. Но понимание Запада как некоей культурной общности сложилось только в начале XX века. Генератором его была отнюдь не Россия, а Германия, которая себя к Западу не относила и противопоставляла ему. Название современной европейской страны Австрия, то есть буквально восточная империя, показывает историческую подвижность культурных границ, соотносимых со сторонами света. В Германии понятие «Запад» вошло в широкий обиход во время Первой мировой войны. Она, как известно, воевала тогда, как и позже во Вторую мировую, на два фронта. Был враг с запада, был враг с востока. Для каждого из них создавались свои образы. Враг с востока — Россия — искусственно азиатизировался и варваризировался. Война на востоке преподносилась в немецкой пропаганде как война с Азией. Враги с запада объединялись в общность государств, несущих месседж дехристианизации, псевдосвобод, власти толпы и торгашества. И для такого культурного синтеза, надо признать, имелись веские основания. Скоро и сама Германия оказалась втянута в воронку Запада, границы которого расширились.

Проходит время, и в пространство культурного Запада оказываются включены страны, географически, казалось бы, к нему не относимые. Запад, с фактическим включением в него Японии и Южной Кореи, при выведении за западные рамки стран Латинской Америки, перестал быть теперь и цивилизационной общностью, выстроенной на фундаменте постхристианства. Фактически речь идет о группе стран, допущенных на первую ступеньку мирового ресурсного распределения. Допуск на эту ступеньку предполагает единство в решениях по актуальной политической повестке и единство в приверженности условному набору ценностей, соотносимых с идеологией либерализма и «открытого общества».

Отсутствие константности в том, что понимается под общностью противника, определяет задачу реконструкции стратегических акторов, вокруг которых был сформирован современный Запад. Каждый из них имеет свои интересы и свой проект, объединяемые единым западным проектом.

Во-первых, это партия «гвельфов». Исторически Запад складывался вокруг Католической Церкви, реализующей проект создания мировой системы *Pax Christiana*, организующей для достижения своих целей крестовые походы.

Во-вторых, это партия «гибеллинов». Гибеллины представляют собой сторонников идеи мировой Римской империи и поддерживаются преимущественно старыми европейскими аристократическими дворами. Хотя сами понятия гвельфы и гибеллины соотносятся с контекстом Средних веков, но с известными модификациями и под новыми вывесками гвельфский и гибеллинский проекты продолжают существовать.

В-третьих, это «венетианцы» — финансовая олигархия, исторически поднявшаяся на спекулятивной средиземноморской торговле. Исторически олигархическая элита заняла доминирующее положение в западном сообществе, оттеснив на второй план старую родовую аристократию.

В-четвертых, это «иудеи царя Соломона» и «иудеи царя Давида» — этнокультурная группа в мировой элите. Посредством соединения религиозного проекта с мировым финансовым капиталом степень ее влияния оказалась одной из определяющих.

В-пятых, это группа «протестантского израэлизма». Протестантский проект представляет практическое развитие кальвинистского положения о богоизбранности, переносимого на страны Запада — Великобританию и США. Группа приобрела особое влияние на политику Соединенных Штатов, будучи преимущественно связана с Республиканской партией.

В-шестых, это «масоны», или, точнее, сторонники идеологии мирового секулярного проекта. Масонство исторически являлось организационной площадкой сторонников идеологии нового планетарного единения, но сегодня организационное пространство приверженцев нового мира принципиально расширилось.

Что объединяет все перечисленные проекты и дает возможность слиянию в единый западный проект?

В настоящее время слово «проект» пользуется большой популярностью и зачастую имеет вольное употребление. Но западный проект не есть фигура речи. Все основные составляющие проекта — наличие целевого замысла, наличие субъектов реализации, наличие достаточно длительного временного интервала (вся история Запада) — дают основание констатировать его феноменологичность.

Цель проекта состоит в достижении мирового доминирования (в более жесткой формулировке — мирового господства) и установлении мирового порядка по его обеспечению. Идеино-психологическим основанием проекта является представление о превосходстве человека западной общности, получавшее различные теоретические обрамления.

Мировое господство в исторической и футурологической перспективах

Стремление господствовать — это одно из «вечных» искушений человечества. Абсолютизировано это стремление выразилось в императиве «мирового господства», т. е. достижения власти над всем миром. По сути дела, все цивилизации так или иначе прошли через это искушение. Принятие его выражалось в выдвигании концепта строительства «мировой империи». Мировая империя предполагала наличие имперского центра и подчиненной ему периферии, а также наличие субъектов глобальной власти (мирового правительства).

Но при одновременной реализации нескольких проектов мирового имперостроительства человечество объективно обрекается на глобальную конфронтацию. И фактор цивилизационных войн действительно приобрел в период поздней античности парадигмальный характер. Классический пример — древнеримская цивилизация. Ее история — это история непрекращающихся войн. Целевой ориентир состоял в распространении власти Рима до пределов эйкумены. Проект *Rex Romana* мыслился именно как

мировая империя. Еще более кровавой была история Ассирии. Ассирийская столица Ниневия описывается в Библии устами пророка Наума следующим образом: «Он никогда не остается без добычи. Слышен свист плети и грохот колес. Стремительно несутся кони, и подскакивают колесницы. Всадник, пламя меча, молния копья, множество убитых, груды трупов... и нет конца этим мертвым телам. Они спотыкаются об эти мертвые тела».

Очевидно, что ориентир господства завел человечество в период античности в тупик. При столкновении множественности воли к господству должна была наступить эра войн, победитель в которых и становился бы мировым властителем. Выход из тупика был тогда найден. Каждая из цивилизаций прошла ценностную инверсию, связанную с представлением о брэнности власти, о ложности императива господства. Образу царя мира противопоставлялся образ учителя мира. Для Востока такой инверсией стал буддизм, для ареала авраамических религий — христианство. И Будда, и Христос сознательно избрали учительство вместо властвования. Произошел переход на новую, более высокую стадию социальной эволюции человечества.

Однако проектирование мирового господства продолжало находиться в актуальном общественном дискурсе. Эта тема неизменно присутствовала в эсхатологических концептах разных народов. В конце времен должно, согласно этим пророчествам, учредиться мировое государство с единым властителем мира. Это государство станет воплощением зла. Оно может выступить под видом традиционных государств, но в действительности содержать отрицание заложенных в них общежительских оснований. В христианской семантике — это царство антихриста, в исламской — лжемессии Дадаля. Но далее в футурологической перспективе следует вселенская битва сил «света» и «тьмы» — христианский Армагеддон.

Возможностей для практической реализации проектов мирового господства в период античности не было. Появление таких возможностей связано с процессом глобализации. Мировое правительство становится потенциально возможным, когда становится возможным управлять миром в целом, когда такие ресурсы и технологии появляются. В этом смысле распространение мифо-

логем — о девяти мудрецах, или о тамплиерах, или об эзотериках египетских мистерий, тайно управляющих будто бы миром, сами по себе дезавуируют очень серьезную тему. Характерно, что особенно распространились они в свое время в масонской среде, отвлекая внимание от реального участия масонов в политической борьбе. Все эти тайные группы, конечно, могли влиять на то или иное правительство, быть при каком-то правительстве того или иного государства. Но могли ли они управлять миром в целом? Был ли мир един? Были ли технологии, позволяющие осуществлять управление в мировом масштабе? Конечно, правитель любого государства мог попасть в зависимость от тех или иных ростовщиков или эзотериков. Но он мог также учинить разгром такой группировки. Следовательно, самим правительством эти группировки не являлись.

Когда в таком случае появляются условия для реальной реализации проекта мирового правительства? Очевидно, что тогда, когда достигается создание единой мировой системы. Речь идет здесь не об упразднении различий между народами, а о создании единого коммуникационного пространства, когда каждый из народов перестает быть самодостаточным. В выстраивании такой системы и состоит суть глобализации. Формирование ее начинается с эпохи Великих географических открытий. Вначале устанавливается торговое единство мира. Национальные экономики ориентированы теперь в значительной мере на глобальный рынок и оказываются зависимы от него. Следующим шагом появляется латентный механизм мирового управления — единая финансовая система. Далее — единая информационная система. Посредством торговли, финансов и информации, а также военной мощи мировые бенефициары получают реальную возможность управлять человечеством. Они, собственно, уже и управляют. Весь вопрос состоит в институциональной легализации этого управления.

Насколько вообще повестка создания мирового правительства соотносится с тенденциями развития мира? Здесь мы должны ответить на два принципиальных вопроса. Первый вопрос: единство мира в качестве единой мировой системы. Если мы посмотрим в мегаисторической эволюции, то будет очевидно, что связанность мирового пространства определенно возрастает. Вто-

рой вопрос: управляемость миром усиливается или ослабевает? Если мы посмотрим в мегаэволюционной проекции, то опять-таки увидим, что управленческие технологии неуклонно совершенствуются. Помимо директивных методов управления появляются косвенные, а далее и — «мягкие», «контекстные» и иные, связанные с возможностью воздействия на сознание и подсознание человека. Следовательно, основания создания мирового правительства определенно исторически возрастают.

Посмотрим теперь, как исторически формировался этот институт глобального властвования. Итак, начало институционализации мирового правительства совпадает с созданием единой финансовой системы. Вначале создается единое торгово-экономическое пространство, а затем появляются механизмы финансового управления им. Но мир не был един политически. Будучи все более интегрированным в финансово-экономическом отношении, он не имел политического единения. Возникают две параллельные власти — политическая, национальная, и финансовая, мировая. Первоначально это разделение выражалось в конфликте. Это традиционный конфликт, который описан во всех учебниках по всеобщей истории. Дворянская аристократия боролась с буржуазией, попрекая ее низостью происхождения, недоступностью для нее этики рыцарства. Буржуазия долго не допускалась на уровень истэблишмента. Нежелание признавать буржуазию в качестве элиты составляло дух викторианской эпохи в Англии. Вплоть до смерти в 1901 г. королевы Виктории не допускались браки между представителями крупной аристократии и буржуазии. Снятие этого запрета явилось важной вехой формирования новой элиты, которая и выстраивает новую архитектуру мирового управления.

Вначале финансовая власть существовала параллельно с властью политической, но затем все более подчиняет ее своему влиянию. Исторически изменение соотношения между ними совпало со временем формирования финансовой империи Ротшильдов. В начале XIX века пять сыновей Майера Ротшильда основывают финансовые дома во Франкфурте-на-Майне, в Вене, в Лондоне, в Неаполе и в Париже. По сути дела, с наполеоновских войн, а ротшильдовский клан стоял в значительной степени за наполео-

новскими войнами, возникает особый фактор военных кредитов, провоцирующий развязывание войн. С этого же момента начинается феномен мировых финансовых кризисов. За каждым из финансовых кризисов обнаруживается управляющая роль мирового бенефициария. Такая же роль обнаруживается в крупнейших революциях.

Журнал *Forbes*, как известно, ежегодно публикует списки самых богатых людей планеты. Но удивительно, что там нет ни Ротшильдов, ни Рокфеллеров, ни Варбургов, ни Морганов. О чем это говорит? Во-первых, о недостоверности самого списка, указывающего на ложный след в определении «мирового бенефициариата». Во-вторых, о том, что миром правит не капитал индивидуумов, а капитал групповой. В открытых источниках циркулирует информация, что те же Ротшильды владеют капиталом в 1,7 трлн долл. Это состояние клана в целом, тогда как у отдельно взятого из его представителей капитал, по меркам *Forbes*, может казаться не столь значительным. Швейцарские ученые в недавних своих исследованиях показали, что все крупнейшие ТНК встроены друг в друга. Они не просто связаны между собой, но представляют единую систему, в том числе, и в управленческом плане.

Это не значит, что мировое правительство — это некий клан, к примеру, Ротшильдов. Многие исследователи пишут, что на уровне мирового бенефициариата существуют межклановые противоречия. Описывается история борьбы Ротшильдов и Рокфеллеров. Но это не меняет сути дела. Бывают правительства единые, а бывают — коалиционные. Поэтому представленность в мировом правительстве может быть в разных клановых и государственных пропорциях.

Другой вопрос: есть ли столица у мирового правительства? Это вовсе не обязательно. В отличие от государств прошлого новая мировая империя выстроена по сетевому принципу. Мировой бенефициариат по своей природе космополитичен. Он не подчиняется какому-то геополитическому субъекту, напротив, сам использует доминирующий геополитический субъект в своих целях.

Понятно, что есть центр, где в основном размещены структуры мирового правительства. Первоначально, в доротшильдовские времена, в качестве такого центра выступала Венеция. Дальше, когда

возникает угроза со стороны Османской империи, этот центр мирового финансового капитала переносится в Голландию. Многие венецианцы переезжают туда. Дальше — ввиду неустойчивости той же Голландии по отношению к внешним вторжениям — следующей столицей финансового центра мира становится Лондон. Особую лоббистскую группу в Англии, стоящую за свободную торговлю, называли «венецианской партией». Но далее выяснилось, что даже островная Англия имеет высокие риски быть пораженной ударом извне. Эти риски были очевидными уже в период наполеоновских войн и актуализируются снова в Первую и особенно во Вторую мировую войну. После этого центр мирового бенефициариата переносится в США. И по сей день именно США выступают в качестве центра фактически созданной мировой империи. Но исторический экскурс показывает, что никакое из государств, в том числе и североамериканское, не тождественно мировому правительству. Над США, над национальным американским правительством, находится некий надстоящий властный актор. Когда американские президенты забывали о том, кто является подлинным распорядителем их страны, это заканчивалось такими инцидентами, как с Кеннеди или Никсоном. Важна в данном случае фиксация того факта, что для США и для американского народа благостное будущее во главе мира с точки зрения интересов мирового бенефициариата не гарантировано. Центр мира может быть сменен, как это уже не единожды имело место в истории.

Еще вопрос: есть ли непосредственная институция мирового правительства? Чаще всего в таком качестве в последние годы определяется Бильдербергский клуб. Раньше в этой роли постоянно фигурировали различные масонские ложи. Здесь принципиально важно не путать форму и содержание. Формы функционирования мирового бенефициариата могут быть любыми. Масонство было, в частности, достаточно удобной формой для консолидации западных элит в XVIII–XIX вв. Но сегодня говорить о том, что именно масоны или Бильдербергский клуб управляют миром, — означает подмену формой содержания, направление дискурса о перспективах мирового правительства по ложному следу.

Итак, мировое правительство фактически уже сложилось. Но возникает вопрос: будет ли оно всегда находиться за ширмой

мировой? Насколько оно будет закамуфлировано в будущем? Несколько столетий, если мы посмотрим, вся история идет не только по пути усиления власти мирового правительства, но и по пути его легализации. Если эта тенденция верна, то мировое правительство будет во все большей степени предъявлено миру. Уже в мировых сценарных прогнозах (в частности, в сценарных прогнозах ЦРУ) хотя и не используется термин «мировое правительство», но говорится о некоем международном органе (которым будет не ООН), становящемся центром принятия глобальных управленческих решений. Этот международный орган будет в постоянно действующем режиме решать насущные проблемы мира. А что это по своим функциям, как не мировое правительство?

Удивительным образом выстраиваемая архитектура нового мира совпадает с содержанием эсхатологических пророчеств. Возвращаясь к исходной постановке проблемы, вновь, как во времена Нагорной проповеди, обнаруживается дихотомия — с одной стороны, стремление к мировому господству — биологическая интенция бытия, с другой — христианская альтернатива — не мирового господства, а мирового спасения.

Генезис существующей на сегодня системы имеет длительную историю и соотносится с основными вехами развития и модификации цивилизации Запада. Идея превосходства составила один из главных компонентов реализации западного проекта. Именно в ней проявляется историческая девиация Запада от общего ценностного содержания развития остального человечества. Лучшие умы человечества протестовали против существующей модели мироустройства, легитимизирующего неравенство народов и индивидуумов. На этом протесте выстраивалось мировое социалистическое и мировое коммунистическое движение.

Идеология превосходства в античной Греции

Неоднократно утверждалось, что истоки цивилизации Запада следует искать в Древней Греции. При этом акцент делается на двух положениях — древнегреческом антропоцентризме и полной демократии. Оба оппонируют традиционной модели тео-

центрического и теократического Востока. Констатация основных специфических черт древнегреческой цивилизации с их последующим отражением в цивилизационогенезе Запада, в сущности, правильна. Но она нуждается в пояснении. Действительно, человек помещается греками в центр аксиологической системы. Отсюда проистекает идея ценности человеческой свободы и человеческого волеизъявления, отраженная в политическом концепте демократии. Однако необходимо уточнение, что понималось древними греками под «человеком».

Эта категория не имела универсального применения ко всему населению. Человек определялся Аристотелем как «политическое животное». Ему соответствовало понятие «политес».

Греческая антропология ограничивалась рамками политической культуры. Она была, по сути, эквивалентна полисному гражданству, выводя неграждан в особое положение. Негражданин не есть человек. Для этой части населения, отрешенной от участия в политической жизни, предусматривалось понятие «идиотес». Неграждане также дифференцировались между собой по уровням превосходства. На низших социальных ступенях (а соответственно, и антропологических) в иерархии полиса находились, в частности, «метеки» и «периеки». Низший уровень занимали рабы (Рис. 1).

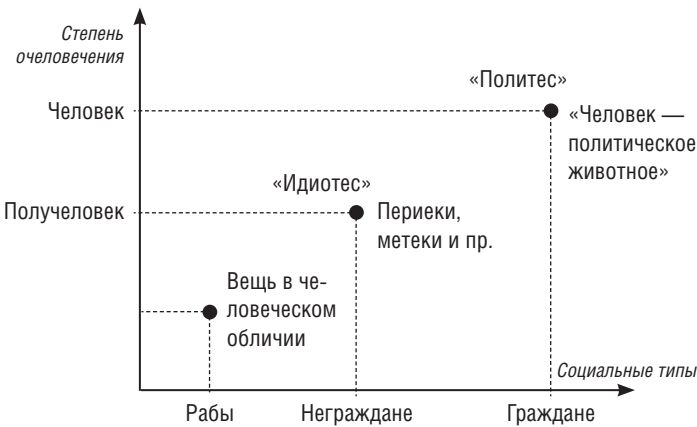

Рис. 1. Антропологическое неравенство в античном полисе

То, что раб не может рассматриваться в качестве человека, было для древних греков нечто само собой разумеющееся. За всю древнегреческую историю не обнаруживается ни одного значимого идейного протеста против системы рабовладения. Впервые с таким протестом уже в римские времена выступил Сенека. Да и то его, по-видимому, неправильно поняли. Слова Сенеки интерпретируют таким образом, что и раб тоже человек. В действительности же пафос его знаменитого высказывания был прямо противоположным — все рабы. А коли так, то рабского обращения заслуживают не только рабы природные, но и римские граждане, и даже патриции. Именно так воспринял интенции Сенеки его ученик император Нерон.

Греческое понятие «демократия» традиционно переводится как власть народа (народовластие). Но что такое народ? Греки имели по меньшей мере четыре понятия, соотносимые с современным понятием народа — «демос», «лаос», «этнос» и «охлос». Демос в отличие от лаоса подразумевал достаточно узкий слой избранных. Греческая демократия в этом смысле была элитаристски ограниченной. Она основывалась на допущении принципиального антропологического неравенства. Преемство по отношению к ней современных западных демократий, сочетающих декларацию принципа народовластия с дифференциацией на элиту и массы, достаточно очевидно. К античной полисной демократии восходит и феномен «гражданского общества». Социум в нем тождественен гражданственности. А что в таком случае с негражданами? Для них, как и в античные времена, уготовлено положение метеков.

Неравенство существовало и в странах древнего Востока. Но его идейное обоснование было принципиально иное. Теократический Восток обосновывал превосходство одних над другими через выстраивание иерархической лестницы от мира человеческого к миру божественному. Глава государства являлся главой, как медиум. Его власть легитимизировалась особой божественной харизмой (Рис. 2, 3). Низшие социальные слои оказывались внизу дифференцированной по ступеням восхождения к трансцендентному уровню пирамиды. Но, что принципиально, они не исключались из нее, не являлись религиозно отверженными.

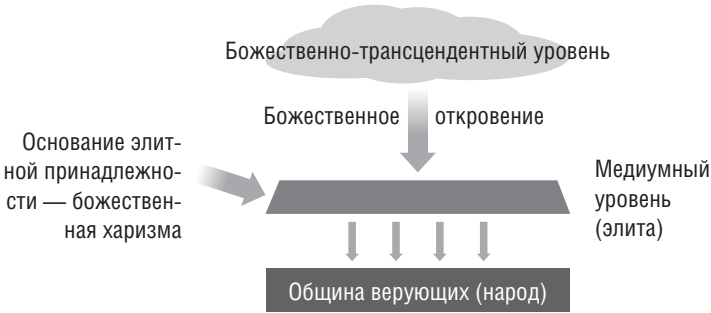

Рис. 2. Неравенство в теократической модели общественного устройства Востока

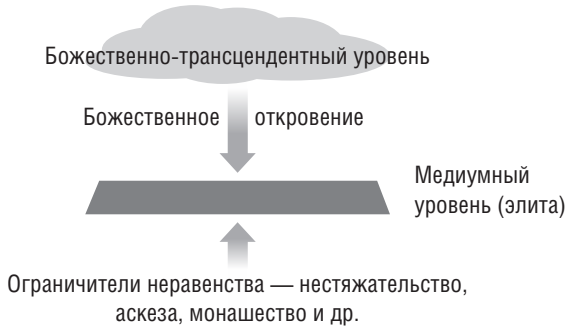

Рис. 3. Механизмы ограничения неравенства в рамках теократической модели

Принципиально иным было положение рабов античного Запада. Греческая система, как отмечалось выше, являлась антропоцентричной, а не теоцентричной. Социальная иерархия в ней выстраивалась не по степени близости/удаленности от Бога, а по отнесению/неотнесению к категории человека. Раб являлся вещью, а потому не имел субъектности.

Западная античная демократия имела рабовладельческую природу. Свободы для меньшинства, включая возможность участия в политической жизни, занятия философией и искусствами, опирались на рабстве большинства. Отсюда корнями то явление, что современные права и свободы человека назначены отнюдь не для

всех. Именно на почве греческого античного полиса сложился феномен рабовладельческого строя. Когда-то во времена К. Маркса было принято считать, что стадию рабовладения как доминирующего способа производства прошли все народы. Однако в дальнейшем была доказана исключительность рабовладельческого строя для западного цивилизационного ареала. Рабский труд был известен и в странах Востока, но доминирующей социальной группой там были не рабы, а свободные крестьяне-общинники. В масштабах всей неоднородной громадной Римской империи (в отличие от самого Рима) рабы, как показывают современные исследования, не превышали 8% совокупной численности населения.

Принципиальное отличие в разных регионах имело и отношение к рабам. В средневековой Руси тоже существовала категория населения, идентичная рабской социальной страте, — холопы. Однако холопам никогда не отказывалось в признании в качестве человека. Раб в древнерусский период зачастую включался на правах младшего члена семьи в структуру большой общинно-патриархальной системы. Ничего подобного ни в Греции, ни в Риме быть не могло.

Тезис «человек — политическое животное» имел соответствующие проекции в выстраивании системы неравенства. Из него следовало, что, не будучи политически субъектным, человек человеком не является. Он — животное, и, таким образом, очеловечение определялось в данной постановке через степень политической включенности, занятие соответствующего уровня социальной иерархии.

Неравенство имело у греков не только внутрполисное, но и внешнее проявление. Основная идея тут — превосходство эллинов над варварами. «Варвар и раб, — пояснял Аристотель, — по природе своей понятия тождественные». К варварам относились все без исключения неэллинские народы. Эллинство представляло собой не столько этническую (к грекам относились дорийцы, ахейцы, ионийцы), сколько культурную общность.

Главной философской проблемой для греков было преобразование хаоса в космос. Греческие мыслители пытались ответить на вопрос, как из беспорядка (хаоса) возникла гармония (космос). Многие из них предлагали версии космогенеза с акцентом

на первостихиях воды, огня, апейрона. В мифологии эта проблема отразилась в сюжете о титаномахии. Боги-олимпийцы, выступающие аллегорией гармонии, сошлись в величайшем сражении с титанами, символизирующими силы первоначального хаоса. Микрокосмос понимался как отражение макрокосмоса. Мир гармонии сообразно с этой схемой представляла эллинская культура. Ее расширение в порядке греческой колонизации подразумевало и расширение границ света.

За рамками эллинского мира находилось темное пространство хаоса. Именно там проживали варвары. Приписываемые им эллинами черты — бескультурье, грубость, невежество, неправильная социальная и политическая организация являлись якобы природными качествами варварского мира. Разграничение на эллинов и варваров задавалось, таким образом, космогонически (Рис. 4). Отсюда тот ценностный вызов, интеллектуальное и психологическое напряжение, который представлял для греков проект Александра Македонского по эллинизации варварского мира.

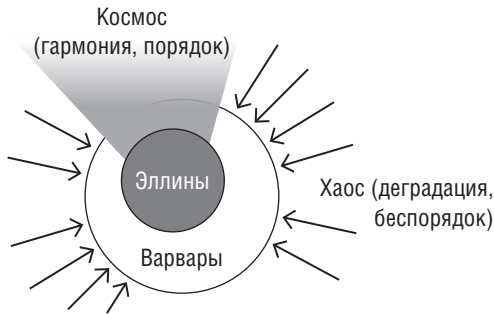

Рис. 4. Эллинская модель превосходства

Еще одной аллегорией, служащей у греков обоснованием дифференциации на эллинов и варваров, являлся сюжет космогонического антагонизма Земли и Неба. С разделения Геи — Земли и Урана — Неба, согласно греческой мифологии, начался процесс формирования мироздания. Изначально он определялся противостоянием темных хтонических и светлых небесных сил. Титаны, противостоящие богам-олимпийцам, считались именно детьми

Геи. Титаномахия представляла мифической кульминацией обозначенного противостояния. Модель теогонии по аналогии переносилась на процессы человеческих отношений.

Варварский мир соотносился с темным хтоническим началом. Боги варваров в интерпретации греков — это низвергнутые олимпийцами титаны. Имея хтоническую природу, варвары в отличие от детей неба — эллинов не имеют правильной духовной организации, не обладают чувством гармонии, невосприимчивы к красоте. Они живут инстинктами, а не разумом. Их природа близка к животным, связанным по происхождению с матерью Геей. Небо-ориентированы, а соответственно, духовны, нравственны, эстетичны, разумны одни только эллины. Их превосходство над варварами оказывалось, таким образом, определено самим процессом образования Вселенной. Лучше быть человеком, чем животным; лучше быть мужчиной, чем женщиной; лучше быть эллином, чем варваром — звучал традиционный девиз греческой культуры. В нем декларировалась идея естественности неравенства (Рис. 5).

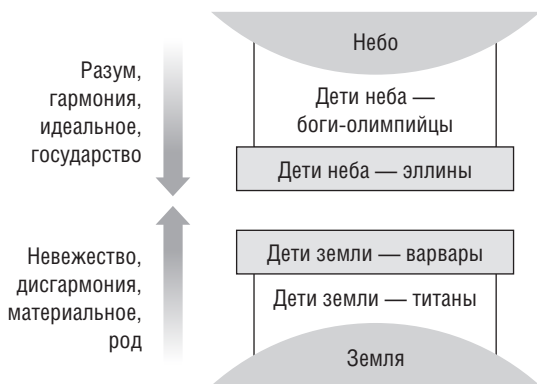

Рис. 5. Космогонические основания антропологического неравенства в греческой мифологии

В пространственном отношении мир в представлении эллинов дифференцировался на три категории земель:

1. собственно Эллада;
2. эллинская ойкумена;
3. пространство вне ойкуменических пределов.

Только эллины являются людьми в собственном смысле слова. Соответственно, только Эллада представляет собой страну очеловеченного бытия. Там находятся сакральные центры мира — гора Олимп, храм Аполлона в Дельфах, связывающие людей с богами. За пределами Эллады проживают полулюди — варвары. Но зона их проживания — это еще пространство греческой ойкумены. Олимпийский свет, пусть и в ослабленном виде, заполняет ее собой, создавая перспективу торжества над варварской силой и невежеством.

Однако существует пространство, куда он не проникает. Это земля «за Геркулесовыми столпами». Там нет ни людей, ни полулюдей, но есть антропоморфные чудовища, монстры. Само объединение в их облике животных и человеческих черт — например, «собакоголовые» — отражает мышление греков в рамках модели антропологической иерархии.

Отсюда берет свои истоки западная просветительская схема противопоставления цивилизации Европы варварству и дикости периферийного мира (Рис. 6).

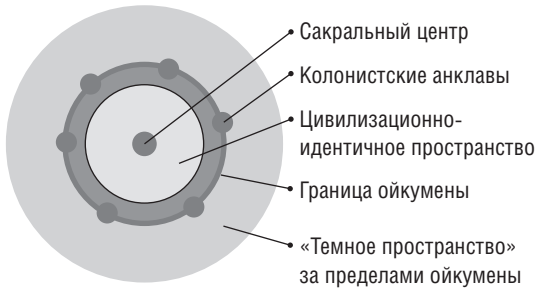

Рис. 6. Античная модель мироустройства

Божественный уровень в традиционных религиях Востока представлял собой трансцендентное инобытие. Установление иерархии между богами и людьми не имело смысла ввиду различия связанных с ними онтологических реальностей. Дифференциация на «высшее» и «низшее» предлагает наличие сопоставимости. Но как может Абсолют быть сопоставлен с любой из тварных производных?

Другое дело — у древних греков. Онтологическая реальность для них едина. Инобытия не существует. Боги существуют не в ином метафизическом измерении, а во вполне географически локализуемой местности — на горе Олимп. Подземное царство Аида — это тоже географически определенная территория. Вход в него находится в земле за «Геркулесовыми столпами». Отдельным греческим героям, таким как Геракл, удавалось проникнуть в подземное царство. Проникнуть не мистическим образом, а именно физически. Даже душа была для греков не более чем одной из комбинаций материи, сцеплением атомов. Существование души в отличие от других традиционных религий не подразумевало наличия инобытия. Поэтому подземное царство у греков — это не царство душ умерших, а всего лишь царство теней. Тень же — это не более чем отражение облика физического объекта.

Боги греков были теми же людьми, но только бессмертными и более совершенными. Следующую иерархическую ступеньку занимали герои — сверхлюди. Они являлись детьми богов и смертных. От них вели происхождение рода греческих царей и знати. Далее в данной иерархии шли собственно люди — граждане полиса. После них полулюди — неграждане и, наконец, нелюди — рабы. Боги греков включались, таким образом, в человеческую систему (Рис. 7).

Рис. 7. Система антропологического неравенства в представлении древних греков

Неравенство, безусловно, было и на Востоке. По многим своим проявлениям оно превосходило греческие эквиваленты. Но принципиально важна здесь специфика. Неравенство греков было не-

равенством антропологических типов. Из этой специфики произошло антропологическое неравенство, заложенное в основание всего западного проекта. Не случайно, что в качестве парадигмы мир-системы она была установлена с переходом к секулярному обществу. Если в рамках теократической системы высший уровень существования представляло трансцендентное инобытие, то в условиях секуляризма им становится ступень максимальной индивидуальной успешности. В первом случае осознавалась тщетность земного превосходства над другими, во втором — в нем и обнаруживался смысл самореализации любого индивидуума.

Гесиод в своей историософской схеме пояснял, что человечество не представляет собой видового единства. Последовательно в истории, согласно гесиодовской концепции, менялись четыре антропологических типа. Их смена определялась общим процессом человеческой деградации — люди золота, люди серебра, люди меди и люди железа.

Типы человечества были неравны между собой как в интеллектуальном, так и в нравственном отношении. И это неравенство не исчерпывалось проблемой исторической стадильности. Отдельные группы представителей высших антропологических типов сумели пережить свою эпоху. Потомки их, «дожив до железного века», определили актуальную модель иерархии человеческих видов. Представители высших антропологических типов — люди не из нашего времени, и потому их численно меньше, чем людей железа. Дабы избежать дальнейшей ускоренной деградации, царствовать, формировать политическую и культурную элиту должны именно высшие антропологические типы. Их доминирование становится возможным при правильной форме организации жизни полиса. В условиях же охлократии доминируют низшие антропологические типы и соответствующее общество ускоренно деградирует (Рис. 8).

Следствием осознания фундаментального неравенства человечества стало развитие различных эзотерических систем посвящения. Знания, согласно представлениям о дифференциации антропологических типов, не должны иметь всеобщей адресации. Не каждый из человеческих видов для этого пригоден. Для получения сакрального знания не у всех есть надлежащие интеллек-

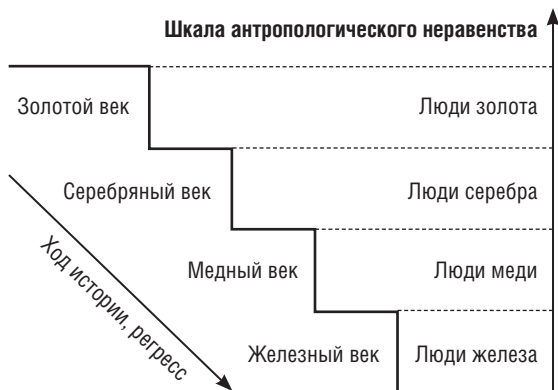

Рис. 8. История человечества по версии Гесиода

туальные и нравственные задатки. В одних случаях посвящение в глубины генезиса ведет к совершенствованию человека, в других же, напротив, оборачивается его деградацией. Вооруженная духовно не воспринятыми и не осмысленными знаниями толпа становится фактором глобальных катаклизмов. Поэтому, учили эзотерики, ремесленника следует учить ремесленным знаниям и воздерживаться от обучения его знаниям трансцендентным.

Механизмом уровневой дифференциации антропологических типов в практике эзотерики выступала система инициаций (посвящений). Человечество сообразно с ней дифференцировалось по степени продвижения к высшему знанию на профанический, экзотерический и эзотерический уровень. Люди профанного уровня мыслят крайне примитивно, наглядно, действенно. Они не понимают и не способны понять смысла вещей и процессов. Люди, находящиеся на экзотерической ступени, уже способны к оперированию абстрактными категориями. Их знания адекватны визуальной картине мира, материальному уровню мироздания. Но сакральное, трансцендентное знание им неведомо. Оно постигается человеком на экзотерической ступени познания.

Множественность уровней эзотерики («градусов» — в лексиконе поздних неоокультиных организаций) отражает многоступенчатость подлинного гнозиса. На каждой новой ступени посвящения постигаемые неопитом категории обретают новый

для него, более глубокий смысл, чем прежде. Зачастую на высших уровнях эзотерической пирамиды значения и смыслы могут представлять прямо противоположным образом относительно ситуации на нижних этажах посвящения.

Одним из главных мотивов инициационного гнозиса при всей вариативности систем посвящения являлась именно тема антропологического неравенства. Эзотерическая модель по большому счету и выполняла функцию легитимизации иерархии человеческих типов (Рис. 9).

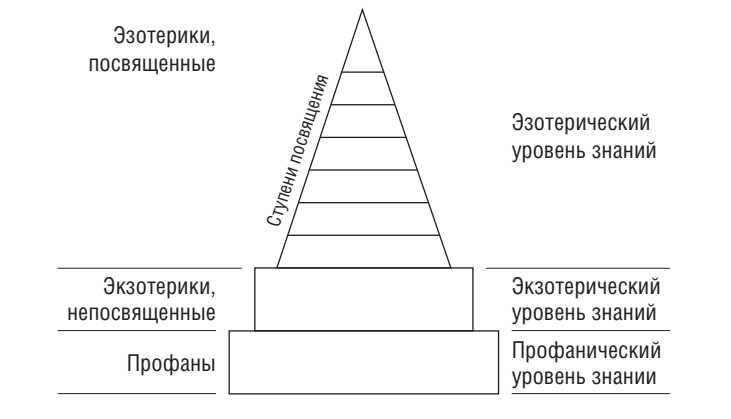

Рис. 9. Модель гностического неравенства эзотерических учений

Различного рода сообщества эзотериков распространяются по всему античному миру. Значительное внимание в истории эзотерики уделялось, в частности, пифагорейским школам. Восприятие образа Пифагора в античности не ограничивалось репутацией математика: пифагорейцы почитали его в качестве величайшего учителя, полубога. Легенда приписывала посвящение Пифагора в тайные знания жрецами Египта.

Принципиальное значение для эллинского восприятия и модификации на западный лад эзотерики Востока сыграл герметизм. Последующая европейская оккультная традиция, включая мистифицированную версию происхождения масонерии, апеллировала к наследию тайного культа Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего).

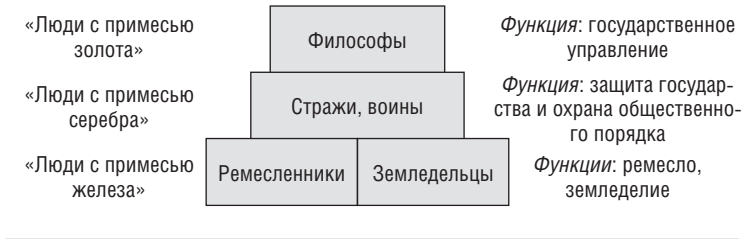
Функцию сбора посвященных адептов соответствующего культа выполняли эзотерические мистерии. На них допускались только лица, имеющие должный статус избранничества. Наиболее известная из материальных практик античности — Олимпийские игры. Круг допуска на Олимпиады, как известно, ограничивался гражданами (политес) эллинских полисов. В других мистериях спектр избранничества был гораздо более ограничен, что и определяло их меньшую известность.

Отдельные из эзотерических структур древности сумели пережить античную эпоху и обнаруживаются уже в средневековье. И это при том, что политическая карта изменилась принципиально. Античные эзотерические общества оказались, таким образом, более устойчивыми объединениями, чем античные государства. Это свидетельствует прежде всего об идейной трансляции, историческом преемстве в формировании западного проекта на уровне интеллектуальной элиты.

Концептуально целостно в рамках античной мысли модель антропологического неравенства была представлена Платоном в теории «совершенного государства». Население в нем функционально разграничивалось на три касты — «философов», «стражей», «ремесленников и земледельцев». Философам предписывалось реализовать функции общественного управления; стражам — охранять общественный порядок и обеспечивать защиту от внешних врагов; ремесленникам — заниматься ремеслом, а земледельцам — земледелием.

Не только общественные функции, но и воспитание, а также поведенческие стереотипы жестко соотносились с кастовой принадлежностью. Касты имели закрытый характер. Дети с рождения наследовали кастовую принадлежность родителей. Подобно Гесиоду, Платон говорил о создании различных антропологических типов из различаемых по степени благородства металлов. К природе философов, утверждал он, относится примесь золота, стражей — серебро, ремесленников и земледельцев — железо. Речь, таким образом, шла о неравенстве природном, дифференциации человечества в силу не социальных, а именно антропогенных причин (Рис. 10).

Сочинение Платона о государстве не относилось к разряду политической фантастики. Выдвинутые в нем идеи были контекст-

Рис. 10. Антропологическое строение платоновской модели совершенного государства

ны для античного обществоведческого дискурса. Предпринимались попытки их практической имплементации в государственной политике. Наиболее известна попытка реализации платоновской схемы в Сицилийской державе тирана Дионисия Старшего.

Сам Платон реализовывал идею эзотерического обучения, создав систему Академии. В ней — в отличие от аристотелевского Лицея — осуществлялось ступенчатое посвящение в «тайное знание». Пройдя ряд реорганизаций, Платоновская Академия в Афинах просуществовала более 900 лет. Упразднена она была уже в средневековую эпоху указом византийского императора Юстиниана I. Однако в дальнейшем Платоновские Академии возрождаются в период Ренессанса в Западной Европе. Платоновские идеи окормляли в значительной мере европейскую мысль эпохи Возрождения. Об идейной связи греко-римской античности и Ренессанса говорилось достаточно много. В идейном преемстве находился и концепт антропологического неравенства.

Неравенство в Древнем Мире было не только на греко-римском Западе. Но в данном случае исследуется именно та модель «превосходства», которая, реализуясь исторически через западный проект, составляет парадигму современного миростроительства.

Феномен рабовладения фиксируется фактически во всех древних цивилизациях. В различных цивилизационных ареалах обнаруживаются рабовладельческие анклавы и фактории работорговли. Однако почти везде эти феномены имели периферийный характер, не определяя социальной структуры соответствующих сообществ.

Совершенно иное дело — древнегреческая цивилизация. Категория рабов в эллинских полисах была численно доминирующей. Рабский труд выступал основой полисных экономик. Наиболее распространенной в историографии является оценка соотношения свободных граждан к рабам в пропорции один к трем. И это не считая метеков. Существуют вместе с тем и более высокие оценки удельного веса рабов в греческом населении. Согласно ссылке на народную перепись 309 г. до н. э., численность рабов в Аттике превосходила почти в 20 раз количество свободных граждан.

В имевшей специфическое общественное устройство Спарте в положении рабов находилось, как известно, автохтонное недорийское население Лаконики — илоты. И в данном случае рабы занимали количественно доминирующее положение. Численность илотов приблизительно в семь раз превосходила численность спартанцев. Отличие илотов от одиноких рабов заключалось в том, что они являлись собственностью не властных лиц, а всего государства, которое могло передать их в пользование отдельным гражданам. В сходном положении находились пенесты в Фессалии и кляреты на Крите. Рабство в Греции являлось, таким образом, цивилизационно образующим фактором.

Но если современная западная цивилизация восходит по своим истокам к древней эллинской цивилизации, то и ее понимание невозможно без должного осмысления феномена отношений «раб» — «господин». Неравенство в христианскую эпоху находилось в диссонансе с утверждаемой системой евангельских ценностей. Опираясь на этот диссонанс, многие выдающиеся мыслители поднимали свой голос против установленных отношений господства — подчинения.

Никакой сходной критики на предмет моральной неприемлемости рабства в Греции не существовало. Величайшие умы эллинского мира, принятые сегодня в качестве основоположников теории демократии, считали рабовладение естественным и целесообразным установлением. Максимум, до чего дошла греческая философская мысль в лице Платона, было провозглашение неестественности распространения рабства на эллинов. Споры о рабах ограничивались идеей о том, что собственная природа или судьба предопределяет их к рабскому положению.

У апологета афинской демократии Аристотеля было 13 рабов. Рабство обосновывалось им как проявление закона природы. Аристотель исходил из представления о вещественности, неодушевленности раба. Но будучи неодушевлен, он не может обходиться без власти над собой господина. Аналогией для Аристотеля выступали отношения души и тела. Тело, полагал он, получает деятельностное проявление только благодаря поучительности души. Так и для материального субстрата — раба — необходимо наличие придающей ему онтологичность обладающей разумом и душой субъектности господина.

Аристотелевские рассуждения в отношении рабов признавались классическими. Девятью рабами обладал Теофраст, возглавивший после смерти Аристотеля афинскую философскую школу перипатетиков. Еще один видный апологет афинской демократии, Демокрит, говорил, что пользуется рабами как частями собственного тела, где каждая часть работает в соответствии с определенной функцией. Живший в период заката древнегреческой цивилизации писатель-сатирик Лукиан Самосатийский высмеивал тех, кто работает и обслуживает себя сам, а не пользуется для этого рабами. Применяемые к рабам свирепые методы истязаний во время допросов находили соответствующее обоснование. Поскольку раб обладает только «телом», то ни к разуму, ни к душе его обращаться бессмысленно. Допрашивалось именно «тело». Отсюда исключительно «телесные» средства дознания. Демосфен прямо говорил об особом типе свидетельствования — «свидетельских показаниях тела».

Вход для рабов, как недочеловеков, оказывался воспрещен даже в царстве теней. Лодочник Харон отказывает в сочинении Аристофана умершему рабу в переправе его через реку Стикс в страну мертвых. Даже смерть не уравнивала людей. Система антропологического неравенства переносилась, таким образом, и на сферу танатологии (загробного существования).

«Рабство, — резюмировал итог развития древнегреческой цивилизации исследователь истории рабовладения, известный ирландский ученый XIX века. Дж. К. Ингрэм, — совершенно убило свободный труд в Греции, а бедные граждане должны были искать иные средства к существованию, — помимо труда. Свободные

классы обессилили в праздности и лени, а место народа, живущего трудом, заменила та испорченная и продажная чернь, которую застали при своем появлении римские легионы».

Идеология превосходства в античном Риме

Восприняв влияние греческой культуры, Римская цивилизация продолжила развитие сложившейся на эллинской почве модели антропологического неравенства, усилив жесткость иерархической дифференциации человеческих типов.

Главным индикатором идейного преемства выступает в данном случае феномен вещного понимания рабства. Римский философ Варрон совершенно в аристотелевской традиции определяет раба как вещь, говорящее орудие труда. Характерно, что переход к классической системе рабовладения в Риме четко соотносится с усилением греческого культурного влияния. До этого римское рабство развивалось преимущественно в формате патриархальных отношений. Установление парадигмы рабовладельческих отношений в Риме определялось, таким образом, не столько экономической логикой, сколько принятием соответствующей ценностно-мировоззренческой платформы.

Фактически воспроизводилась эллинская модель общественного устройства, хотя на уровне массового сознания отношение римлян к эллинам было достаточно презрительным. Но именно греки выступали учителями философии, формируя римское представление о должном. Именно греки являлись основными организаторами работоторговли в империи. Греческий остров Делос выступал главным центром торговли рабами во всем античном мире. Вместе с тем римляне привнесли в формирование западного проекта и собственную лепту.

Впервые в истории идеологическое оформление получила доктрина «мирового господства». Не мировой империи, а именно мирового господства. Идею собственной вселенской миссии формулировала фактически каждая цивилизация. Но эта миссия приобретала различные формы воплощения. Одна из таких форм — концепт ми-

ровой империи. Но имперскость могла соотноситься с различными ценностно-целевыми ориентирами. Отдельные цивилизации брали на себя историческую миссию — воплотить обращенные ко всему человечеству мессианские цели. Но в случае античной Римской цивилизации речь шла не о спасении народов, а об установлении господства над ними. Формулировался стратегический императив политики древнего Рима — дойти до предела земель. И эта стратегия методично реализовывалась на протяжении столетий.

Первая апробация идеи мировой экспансии пришлось на походы Александра Македонского. Мировоззренчески они были подготовлены всем ходом развития эллинской мысли. Характерно, что «отец истории» Геродот открывал свое повествование происторическим экскурсом, свидетельствующим об извечности борьбы Европы и Азии, эллинов и варваров. Учителем самого Александра Македонского был, как известно, не кто иной, как Аристотель.

Александровы походы на Восток были прямым политическим воплощением аристотелевского учения. Главное в них — торжество антропологически более совершенного типа, который представляла эллинская цивилизация. «Лучшие» должны господствовать. Провал аристотелевского проекта состоял в том, что гипотеза антропологического неравенства не подтвердилась. Греки в новой эллинистической империи не получили доминирующего положения ни в политическом, ни даже в культурном отношении. Бывшие «варвары» демонстрировали по многим параметрам превосходство над эллинами.

Однако, несмотря на провал самого замысла, походы Александра Македонского вызвали широкую рефлексию на предмет осуществимости мировых завоеваний. Многочисленные легенды сообщали о битвах Александровых войск с отрядами человекоподобных монстров на окраинах ойкумены. Изображения такого рода сражений обнаруживаются даже в средневековый период. Именно так и мыслился поход Александра Македонского на Восток — не как обычная конфронтация государств или даже цивилизаций, а как война антропологического содержания.

Внешняя военная экспансия являлась ценностной установкой существования Римской цивилизации. Бог войны Марс почитался в качестве главного покровителя Рима. Ромул и Рем являлись,

согласно римской мифологии, его сыновьями. Только два года за всю тысячелетнюю историю Рима ими не велось хотя бы одной войны. Идея римского мирового господства имела принципиальное для последующего формирования западного проекта значение. Рим — «вечный город». Римская империя должна не просто существовать, но иметь характер мирового царства.

В средние века это положение воспринималось как политическая аксиома. Споры касались лишь того, что истолковывать под Римской империей и Римом в их современном воплощении. В жестком оппонировании друг другу столкнулись западная и восточная версии. На Западе само государство под названием Римская империя просуществовало вплоть до 1804 г., пока не было упразднено Наполеоном. Но и далее идея мировой империи не исчезает из проектных политических постановок. Одну линию в попытках утверждения данного идеологического проекта представляли Наполеон I, Наполеон III, Муссолини и Гитлер. Другая реализовывалась в рамках глобализационной политики Британской империи (крупнейшего государства за всю историю человечества) и неоимперии современности — США.

На заложенное в западном проекте имманентное свойство постоянной внешней экспансии указывали многие мыслители прошлого. Среди них один из основоположников теории историко-культурных типов Освальд Шпенглер. «Фаустовская культура, — рассуждал автор «Заката Европы» об онтологии Запада, — была в сильнейшей степени направлена на расширение, будь то политического, хозяйственного или духовного характера; она преодолевала все географически-материальные преграды; она стремилась без какой-либо практической цели, лишь ради самого символа, достичь Северного и Южного полюсов; наконец, она превратила земную поверхность в одну колониальную область и хозяйственную систему».

Возразить О. Шпенглеру можно только в одном — практическая цель западной экспансии существовала. Исторически она реконструируется с достаточной очевидностью. Эта цель — мировое господство. Сам О. Шпенглер признает ее наличие в других частях своего исследования: «Все фаустовское стремится к господству; европеец хочет управлять миром по своей воле».

Даже С. Хантингтон писал об особой экспансионистской установке западной цивилизации. Развитие Запада диссонировало в этом отношении с традиционным типом цивилизационогенеза. «Случайные, непродолжительные и разноплановые контакты между цивилизациями, — констатировал С. Хантингтон изменение характера мировых системных отношений в связи с глобализацией западного экспансионизма, — уступили место непрерывному, всепоглощающему, однонаправленному воздействию запада на все остальные цивилизации». Истоки формирования этих особенностей цивилизации Запада идеологически и ментально уходят ко временам древнего Рима.

Греческая установка отождествления человека и гражданина получила в Риме дальнейшее развитие. Наличие гражданства являлось главным критерием статусной и — шире — антропологической дифференциации. Существовали соответствующие уровни гражданственности. Высший статус давало римское гражданство. Обладание им служило основанием для разграничения римлян и неримлян. Первоначально оно распространялось исключительно на потомков родовой римской общины — патрициев. Плебеи, ведущие происхождение от пришлого в Рим населения, долгое время гражданами не являлись. По законам 12 таблиц запрещалось даже вступление в брак между представителями патрицианского и плебейского сословий. Борьба плебеев за получение прав гражданина Рима заняла несколько веков. Но собственно римским гражданством система гражданских статусов не исчерпывалась.

Следующий уровень иерархии после римлянина занимал латинянин. Латинское гражданство являлось в республике гражданством второго сорта. Оно распространялось главным образом на италиков — союзников Рима. Но уже при Августе существовала практика предоставления латинского гражданства целым провинциям, находящимся за пределами Аппенинского полуострова.

Подавляющее большинство населения Римского государства статусом гражданственности не обладало. Но оно не было, как считалось еще во времена К. Маркса, рабским. Рабы, согласно современным оценкам, составляли в целом, в масштабах страны, не более 8% населения. Гипертрофированным в численном отно-

шении было их представительство только в самом Риме, Италии и ряде анклавов, но не в применении ко всей империи. Рабы были главным образом там, где были рабовладельцы. А рабовладельцами являлись преимущественно римские граждане.

Доминирующую социальную группу в масштабах империи составляли перегрины — лично свободные, но не обладающие гражданскими привилегиями. Не являясь гражданами римскими или латинскими, они были подданными Рима. В сходном правовом статусе находилась категория населения, определяемая как «сдавшиеся». Эта иерархия соотносилась со шкалой антропологического «качества». Если римские граждане были людьми высшего, а латинские — второго сорта, то подданные — полулюдьми (или, точнее, недостаточно людьми).

Раб, как и в Греции, находился на нижней ступени антропологической лестницы. Как и у эллинов, он воспринимался в Риме в качестве вещи в человеческом облике (Рис. 11).

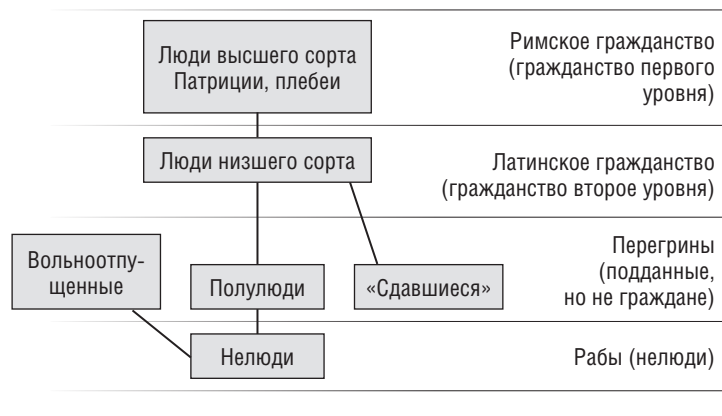

Рис. 11. Модель гражданского неравенства в Римском государстве

Диссонанс в стройную римскую систему антропологической иерархии вносило распространение феномена либертинов (вольноотпущенников). Получалось, что раб, будучи отпущенным на волю, мог стать человеком. Признать это римская знать принципиально не могла. К вольноотпущенникам сохранялось крайне презрительное отношение со стороны нобилитета, как к псевдо-

людям. Но в социальном и правовом отношении они находились на более высоких ступенях. Многие из либертинов скапливали значительное состояние и сами становились рабовладельцами.

Имелись многочисленные прецеденты покупки римского гражданства. Это означало, что за деньги можно было улучшить свою антропологическую природу. Прежняя система иерархии начала распадаться. Борьба за расширение своих прав богатых, но не статусных либертинов представляла собой едва ли не точный аналог борьбы буржуазии с феодальной знатью. В конце концов, эдиктом императора Каракаллы 212 г. гражданство Рима было в фискальных целях распространено на все население империи, за исключением рабов.

Принципиально значимым в данном случае для дальнейшего развития западного проекта была связь идеи антропологического превосходства с гражданством мирового политического центра. Характерно в этом отношении название знаменитого идеологически резонансного документа, принятого на волне Великой Французской революции, — «Декларация прав человека и гражданина». Апелляция к наследию античности в тот период имела, как известно, тотальное по всем преобразуемым сферам бытия распространение. Человек и гражданин в представленном документе правовым образом не разграничивался. Подразумевалось, что «человечность» и «гражданственность» были каузально связаны друг с другом. Но как быть, например, с «дикарями» — выходцами из французских колоний в Африке или Америке? Не будучи признаваемы цивилизованными людьми, они не считались и гражданами.

Похожая картина наблюдается на Западе и сегодня. Гражданство западных государств оказывается пропуском на высшие этажи многоэтажного человечества.

Развитие рабства в Риме вместе с разращением элиты привело к широкому распространению практики садизма и изуверства по отношению к рабам. Достаточно указать на популярность особых гаданий по внутренностям умерщвленного раба. Существовали и особые «эксперты», различавшие по строению внутренних органов антропологический статус.

О разращающем влиянии рабства на римское общество сказано довольно много. В Риме, как и в Греции, для разных антро-

пологических типов была предусмотрена своя система поведенческих нормативов. Раб, как животное, должен был своеобразно с этим представлением руководствоваться не разумом, а инстинктами. Разврат в этом отношении являлся коннотатом рабского состояния. «Распущенность, — писал историк рабства Дж. К. Ингрэм, — считалось преступлением для свободнорожденного, обязанностью для отпущенника и необходимостью для раба». Но предписание распущенности рабам вело в итоге к развращению самих хозяев.

Одновременно с наличием представления о «недочеловеках» в рефлексии римской элиты формировался концепт «сверхчеловека». В сверхчеловеческом качестве позиционировались, в частности, многие римские императоры. А кто может быть выше человека? Римский ответ состоял в выведении фигуры человекобога. Онтологически и ценностно она будет противостоять христианскому богочеловеку. С одной стороны, человек, претендующий на обожение, с другой — Бог, пришедший в человеческом облики.

Иудаизм и концепт богоизбранности

Свою определенную лепту в формирование западного проекта превосходства внес иудаизм. Споры ведутся о ее весомости. Так, Вернер Зомбарт в полемике с М. Вебером, отстаивавшим тезис о протестантских истоках капитализма в Европе, связывал его генезис с иудейским (еврейским) фактором.

В контексте темы исследования имеет значение сформировавшийся на ветхозаветной почве концепт существования «богоизбранного народа». Из множества народов потомков Ноя, населяющих Землю, есть народ особо отмеченный, избранный Богом. Только он, сообщает Книга Второзакония, является Божьим. Из него, согласно Книге Исхода, в мир явится Мессия, или его спаситель. С избранным народом Богом заключен завет — особый договор, свидетельство избранничества. Скрижали завета хранились иудеями в Иерусалимском храме. Разрушение его стало поэтому фундаментальной трагедией иудаизма. Отсюда происходит футурологическая миссия — восстановление завета (Рис. 12).

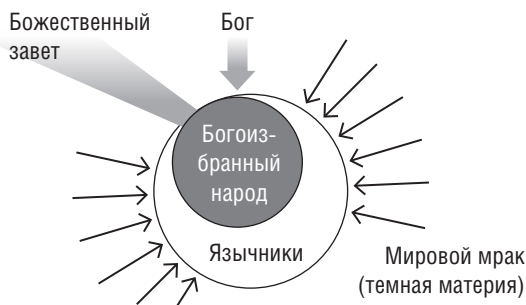

Рис. 12. Ветхозаветная модель божественного избрничества

Но если есть богоизбранный народ, то значит, остальные народы лишены соответствующей божественной благодати. Категории «богоизбранности» и «богоотверженности» соединены друг с другом. «Гои» в Талмуде не просто враги, чужеродный элемент, но и низший антропологический тип. В талмудической традиции используются и иные, трактуемые в ракурсе антропологической дифференциации обозначения неиудеев. Это «аккум» (буквально звездопоклонник) и «нохри» (чужестранец).

Используемые в отношении них характеристики в иудейских литературных источниках, таких как, например, «Шулхан-Арух», традиционно служили основанием для развертывания обвинительной темы еврейского расизма. В действительности негативизм оценок инородцев присутствует не только в иудаизме, но фактически во всех этнических религиях. Идея сакрализации определенного этноса предполагает инфернализацию иноэтнического окружения. Иудаизм в этом отношении не исключителен. Так, в религии синто существует не менее акцентированное обожествление японского народа и фактически расовая негативизация образа неяпонца. Талмуд, как известно, был сформирован уже в период еврейского рассеяния, и конфронтационность отношений иудеев с инорелигиозной средой не могла не отразиться на его содержании.

В современном раввинизме утверждается отсутствие жесткой связи богоизбранности и этничности. Богоизбранный народ — это не только прямые потомки Иакова (Израиля), но и все принявшие его Бога. Соответственно, возникает вопрос о возможно-

сти распространения избранничества на нерелигиозных евреев. Однако расхождения трактовок непринципиальны. Что изменится в идеологии превосходства от того, что богоизбран был не этнос, а некая более широкая когорта вне этнической привязки. Важно другое — есть люди, превосходство которых над остальными определяется тем, что их избрал Бог. Не они своими усилиями достигли Божьей благодати, а сам Бог изначально предопределил их к ее обретению.

Но как тогда быть с множеством «неизбранных»? Они оказываются не более чем средовым субстратом для реализации миссии избранного меньшинства. И дело здесь не в национальности. Для дальнейшего развития западного проекта превосходства был важен выдвинутый в рамках иудаизма концепт дифференциации человечества по критерию избранничества.

Определение круга избранных могло исторически варьировать. На Западе он был уже существенно иной, чем в изложении Талмуда. Но сохранялась сама идея антропологической дифференциации. В случае этнической трактовки избранничества следовало признание возможности существования народов высшего и низшего сорта. Это направление формирования превосходства модифицировалось в конечном итоге в европейский колониализм и расизм.

Место избранного народа вариативно, его, например, могла занять англосаксонская раса. Неэтническое избранничество дифференцировало людей по степени их индивидуальной успешности. Подобное развитие идеи превосходства нашло с определенными модификациями свое воплощение в идеологии либерализма (Рис. 13).

Рис. 13. Исторические модификации концепта богоизбранного народа

Нравственный упадок античного мира

Широко распространенная в современной историографии и преподносимая как последнее слово науки теория модернизации существенно деформирует представление о ходе мирового исторического процесса. В предлагаемой ею схеме имеются две модели общества — традиционного и современного типа. Переход от первой системы общественного устройства ко второй и определяется понятием «модернизация». Развитие исторического процесса оказывается сугубо однонаправленным. Игнорируются периоды нелинейности развития. Но они важны как свидетельство недетерминированности социальной эволюции человечества, ее зависимости от ценностного выбора самого человека.

В теории модернизации оказался, в частности, скрыт феномен глобального упадка античного мира. Он охватил фактически все уровни цивилизации. Многие черты этого упадка с удивительной точностью повторяются в кризисе современной миростроительской парадигмы. Деграция античного мира началась с его нравственного разложения. Хронология в данном отношении выстраивается достаточно четко — вначале тотальный упадок нравственности и только вслед за тем кризис экономики.

Одним из проявлений нравственного кризиса античного мира стало выстраивание системы антропологического неравенства. Устанавливалась жесткая иерархия человечества с фактически непреодолимыми границами рангов в социальном распределении. Представитель нижестоящей страты был ниже не просто социально, но и антропологически. Разные сословные (варновые) сообщества воспринимались едва ли не в качестве различных видов. Каждому из них соответствовала своя культура, зачастую своя религиозная доктрина и язык. «Касты (варны), — поясняет А. Г. Дугин, — это не сословия, не классы, не социальные слои. Кастовое учение индусов основано на принципе, что человек относится к той или иной касте потому, что сама его душа органически принадлежит к определенной онтологической сфере, имеет ту или иную внутреннюю природу».

Первоначально по своему генезису варновая дифференциация имела функциональный (разделение труда), а не рангово-иерархи-

ческий характер. За каждой варной закреплялись соответствующие общественные функции. На брахманов возлагалась задача религиозного генезиса, на кшатриев — военных свершений, на вайшьев — ремесло и земледелие. Шудры-рабы в первоначальной системе трудового распределения вовсе отсутствовали. Однако со временем принцип равноценности любого вида труда был нарушен. Горизонтальная модель варнового распределения перестраивается в вертикальную. Складываются соответствующие мифологические и философские системы обоснования неравенства варн (Рис. 14).

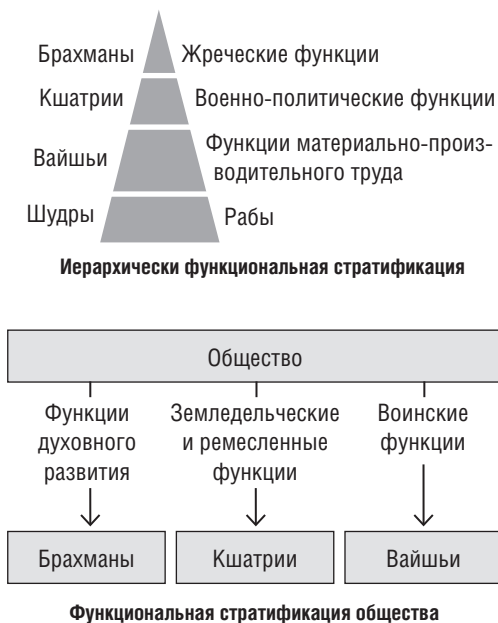

Рис. 14. Феномен неравенства в рамках генезиса сословного общества

Одна из распространенных индуистских мифологий гласила о сотворении людей, праотцов варн из разных частей тела космического первочеловека Пуруши. Брахманы были сотворены из его уст, кшатрии — из рук, вайшьи — из бедер, а шудры — из ступней ног. Но существовала ещё категория населения, находящаяся антропологически ниже шудр, — чандалы. Им индуистская мифо-

логия антропогенеза отводила происхождение из пыли под ногами Пуруши. Чандала, таким образом, оказывался ниже грани, отделяющей человека от нечеловека (Рис. 15).

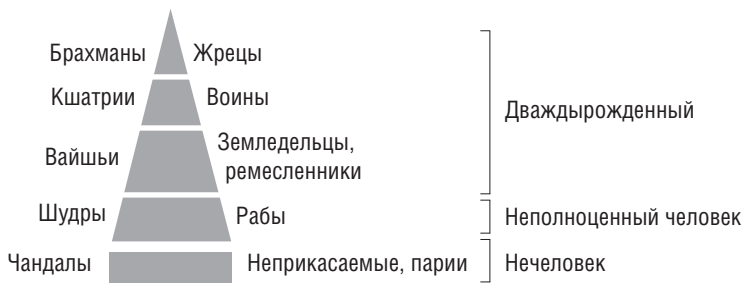

Рис. 15. Система варнового неравенства

Варновое устройство воспринимается сегодня как нечто принципиально иерархическое. Но если приглядеться внимательно к современным тенденциям развития мира, то можно усмотреть выстраивание модифицированной модели варн. Выдвигается и обоснование целесообразности и естественности их восстановления. Открыто с этими идеями выступал, в частности, в 1970-е гг. французский социолог Л. Дюмон.

«Перманентисты, — излагает позицию сторонников данного направления А. Г. Дугин, — видят в институционализированных кастах и сословиях выражение более общей закономерности — объективного наличия определенных типов людей, остающихся социальными константами независимо от эпохи и конкретной модели общества». Меняется лишь идеологический фасад варн. Жрецы, например, становятся медиадеятелями, но само варновое устройство воспроизводится в виде системы антропологического неравенства.

Нагорная проповедь Христа как декларация антропологического единства человечества

Тренд системной деградации античного мира мог быть остановлен только посредством принятия принципиально новой, разры-

вающей с реалиями эксплуатации человека человеком миростроительской парадигмы. Это предполагало выдвижение универсального солидаристского мировоззрения. Потребность в его формулировании осознавалась многими мыслителями античности. «Не быть на земле порядку, — пророчествовал Платон, — если только Сам Бог, скрывшись под образом человека, не разъяснит нам и наши отношения к Нему, и наши взаимные обязанности друг к другу».

Процесс усугубляющегося социального и этнического распада, переходящего в распад антропологический, должен был быть остановлен. Центральное место в новом мировоззрении должно было отводиться идее единства человечества. Неравенство если и не упразднялось непосредственно, то рассматривалось теперь как порок, объективная издержка земного бытия. Сохраняясь как социальный феномен, оно уже более не преподносилось в «беспорных» категориях антропологического превосходства.

В провозглашении антропологического единства человечества заключалась великая миссия мировых религий — буддизма, христианства и ислама. Каждая из них привнесла эту центральную идею в соответствующем цивилизационном ареале. Мир древних цивилизаций был идеологически обновлен. Вектор нравственной деградации по мере проникновения содержания новых учений в массовое сознание замещался вектором духовного подъема. Это был переломный этап во всей истории человечества. Хронологическое несовпадение его по разным цивилизациям лишь подчеркивает объективный, неэксцедентный характер произошедшего нравственного обновления мира.

Раб, провозглашало христианство в диссонансе с античной традицией запада, есть тоже человек. Он имеет душу. А если так, то он уже не вещь и не животное. Убийство раба — это убийство человека, издевательство над рабом — это унижение человеческого достоинства. Конечно, убийства и издевательство сразу не прекратились. Но после Евангелия они лишились характера моральной нормативности.

Сам Христос был распят на кресте — точно так, как умертвляли рабов в древнем Риме. «Я знаю, — говорит раб в комедии Плавта, — что моим последним жилищем будет крест: на том покоятся мой отец, дед, прадед и все мои предки».

«Нет ни раба, ни свободного, — излагал суть христианского учения апостол Павел, — ибо все вы одно во Христе Иисусе». Единственным видом рабства объявлялось рабство греха. После принятия христианской ценностной парадигмы рабовладение как институт утрачивает свою легитимность. От вызова христианства, провозгласившего раба человеком, римские власти не могли отмахнуться. Смягчение законодательства в отношении рабов начинается еще при языческих императорах. При Траяне запрещается торговля детьми, при Адриане — устанавливается запрет на убийство раба, а при Домициане — нанесение ему увечий. Однако инерция системы неравенства обусловила рецидивы рабовладельческих отношений даже при занятии христианством положения государственной религии.

Еще одним элементом христианской пропаганды антропологического единства человечества стало преодоление стереотипа этнической иерархии. Христианство оппонировало прежде всего концепту «богоизбранного народа». «Здесь, — пояснял апостол Павел в Послании римлянам, — нет различия между иудеем и эллином, потому что один Господь у всех...» Прежние представления о высших и низших народах для новой мировоззренческой системы являются неприемлемыми.

Впоследствии, главным образом в иудейской среде, возникло направление, в рамках которого утверждалось, будто бы подлинное содержание учения Христа было искажено его адептами, в первую очередь апостолом Павлом. Идеология христианской вселенскости (интернационализма) определяется в данном подходе как паулинизм. Ведущий широкую образовательно-просветительскую деятельность в Российской Федерации Открытый Университет Израиля в одном из предлагаемых учащимся заданий формулирует контрольный вопрос следующим образом: «В чем отличие учения Иисуса (по «Нагорной проповеди») от учения Павла?» В самой постановке вопроса закладывается утверждение об искажении Павлом сути Иисусова учения.

Как известно, для христиан никакого особого паулинистского христианства нет. Апостол Павел в точности излагал содержание Христова послания миру. Христианство, как указывалось выше, исторически было направлено в своем корне против складываю-

щейся в античном мире системы антропологического неравенства. По этой логике непринципиально, идет ли речь о неравенстве социальном или этническом. И то и другое при постановке вопроса о единстве человечества во Христе противоречило духу Евангелия.

Идеология превосходства в средневековом еретичестве

Традиция нераспространения на раба понятия «человек» была передана от Рима именно средневековому Западу. На востоке бывшей Римской империи, окормленном влиянием христианства, рабы приобретают субъектность. На них распространяются личностные характеристики. Бывший раб в Византии признается в качестве человека. Это был величайший прогресс в сравнении с временами античности. На парадигме всечеловечности выстраивается модель православной цивилизации.

Другое дело на средневековом Западе. По салическим законам франкских королей за убийство раба компенсация родственникам не платилась, а выплачивался штраф в пользу рабовладельца, штраф, аналогичный выплате за историческую вещь. В России XVII века, несмотря на все проявления крепостничества, нельзя было убить ни холопа, ни инородца. В то же время в соседней Речи Посполитой убийство паном холопа являлось обычной практикой. Массовые расправы над инородцами со смертельным исходом в колониальных империях Запада также имели практически нормативный характер.

Христианская Церковь в средние века заняла, казалось бы, доминирующее положение в определении общественных умонастроений. Однако, на этом фоне были сформулированы и фундаментальные мировоззренческие альтернативы. Оппонирование принимало форму ересей. Соответствующий раскол произошел по принципиальному для рефлексии христианства вопросу об антропологическом неравенстве. Критика, выражаясь современным языком, обнаружилась как слева, так и справа.

Левое-еретическая альтернатива основывалась на тезисе о невоплощенности христианского завета всеобщего братства в уста-

новленной в средние века модели социального устройства. Это течение было идентифицировано впоследствии как религиозный коммунизм. Его адепты указывали на сохранение социальной иерархии как принципиальное противоречие духу Евангелия. Многие из них выступали за общность имущества, обнаруживая в собственности одну из главных причин неравенства. Наиболее радикальные доходили в этом вопросе до прокламации общности жен. Чаще всего идеи религиозного коммунизма в средневековой Европе соотносились с идеями хилиазма.

Необходимость упразднения социальной иерархии аргументируется таким образом, что наступают последние времена. Грядущее Царство Божье было в представлении хилиастов идеальной моделью воплощенного братства. Хилиастическая левая альтернатива в еретичестве была представлена в разное время «братьями свободного духа», «апостольскими братьями», вальденсами, таборитами, анабаптистами и др. В хилиастическом коммунизме берет свои истоки коммунистическая идеология эпохи модерна.

Существовала и «правая» альтернатива христианству. Ее ядро составляло направление гностицизма. Гностики оппонировали христианской идее равенства человечества. Согласно гностическим учениям, люди не равны между собой не только социально, но и природно, что проистекает из дуализма мироздания (Рис. 16).

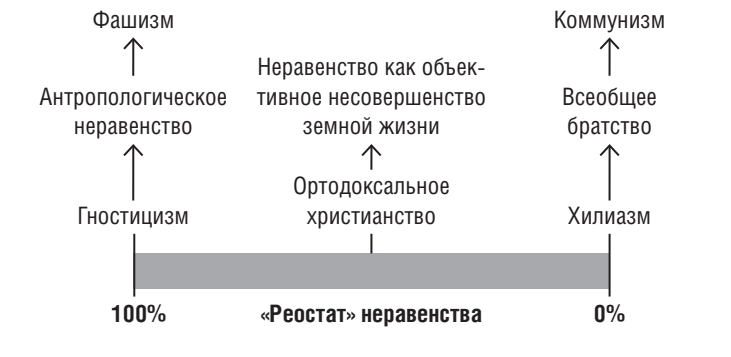

Рис. 16. Еретические альтернативы христианству по проблеме неравенства

В предвечном антагонизме в понимании гностиков находятся два начала бытия — Высочайший Дух и Материя. Духовная субстанция продуцирует из себя посредством эманации (истечения) множество эонов — световых сущностей, совокупность которых определяется понятием «плерома» (или пневма). Это мир ангелов. В отличие от мира людей он нематериален. Человек же произошел в результате смешения духовного и материального начал. Один из нижних эонов, далеко отстоящий от своего источника Высочайшего Духа, погружается в материю. Одухотворяя ее, с одной стороны, он, с другой, становится пленником темной материальной субстанции.

Однако существуют разные степени погружения животворящего эона в материю. В соответствии с этими степенями существуют разные типы человека. Различие между ними определено космогонически. Представители высшего антропологического типа — пневматики — существуют преимущественно в духовном (псوخе) и рациональном (логос) измерениях бытия. Эоническое начало в них доминирует над плотским. Им антропологически противостоят гилики — существа с материальной доминантой жизни. Спаситься духовно могут только люди высших антропологических типов. Для гиликов в гностических представлениях спасение не предусмотрено (Рис. 17, 18).

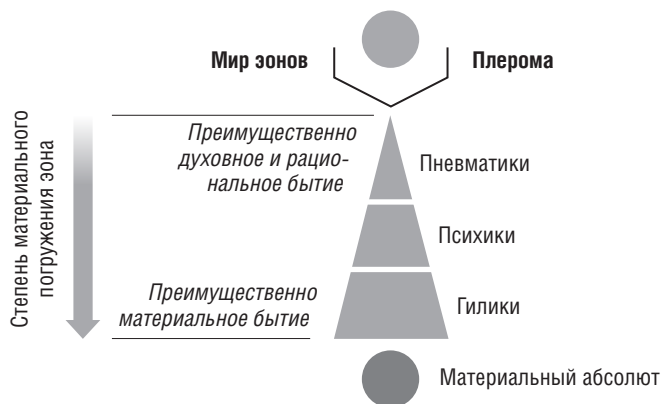

Рис. 17. Модель антропологического неравенства в гностицизме

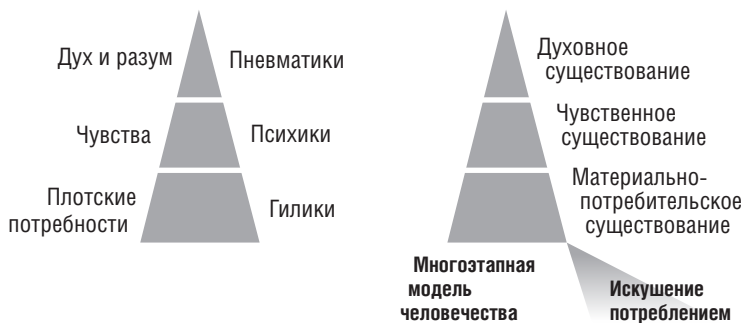

Рис. 18. Гностическая (противолиберальная) модель человечества

Вместо всеобщего братства во Христе гностиками отстаивалась необходимость жесткой антропологической иерархии. У воспринявших традицию гностического дискурса катаров высший тип человечества представляют не люди, а облаченные в материальную оболочку ангелы. Принципиальной ошибкой, полагали они, является рассмотрение и тех и других как единое человечество. Люди-ангелы и люди-человеки имеют принципиально разные сущности. Принципиально различается ангелическая и человеческая онтология. Соответственно, и спастись могут только души людей-ангелов. Природа же большей части человечества сугубо греховна, а потому к спасению оно не предназначено. Пропуск в Царство Божье оказывался антропологически ограничен (Рис. 19).

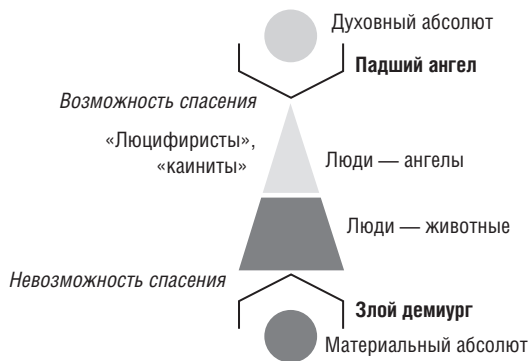

Рис. 19. Антропологическая модель неравенства у катаров

Гностицизм являлся альтернативой интеллектуалов. Он апеллировал к особым тайным знаниям, противопоставляемым профанности обыденного бытия. Способность к восприятию этих знаний являлась признаком пневматиков. Гилики не могут мыслить иначе, чем в парадигме обыденности. Христианству ортодоксальному, с идеей равенства для профанов, гностики противопоставляли христианство эзотерическое.

Гностицизм включал в себя множество течений. Каждое из них имело свои особенности. При общности утверждения фундаментального неравенства человечества различались версии антропологических иерархий. Так, в концепте Александрийской школы гностиков была широко представлена тема богоизбранного народа. В Сирийской школе она отсутствовала, зато развивались идеи об особом антропологическом типе слуг злого Демиурга. В качестве высших типов человека в определенных направлениях гностицизма номинировались «люцифериты» и «каициты».

Исторически гностицизм воплощался в ересьх богомилов, альбигойцев, катаров, павликиан, манихеев. Особое значение в развитии средневекового еретичества имел его синтез с манихейством. Борьба с манихейской ересью составляла один из главных мотивов инквизиционных процессов. Но то, что ортодоксальная Церковь победила в этой борьбе, — не очевидно. В модели общественного устройства, которая в итоге утвердилась на Западе, обнаруживаются многие положения гностической альтернативы.

И дело не только в идеологическом воплощении гностицизма в дальнейшем развитии западного проекта. Известно, сколь значима была роль различных тайных обществ оккультного и полуюльтного толка в революциях Нового времени. Среди них эзотерические структуры различных систем масонства и квазимасонства. Между тем сами масоны выводят генезис лож вольных каменщиков из гностических школ. Заговор низших против высших, подмастерьев, желающих узнать пароль мастеров, против Великого Архитектора Адонирама составляет, как известно, основную сюжетную линию масонской легенды. При посвящении в каждую из степеней масонства апеллируют именно к этой легенде, фабула которой состоит в утверждении высшей целесообразности иерархизма, дифференциации посвященных и непосвященных.

Концепт богоизбранности и западное христианство

Западный проект формировался не только в еретической, контркультурной среде. Важную компоненту в его развитие внесло официальное богословие. Большое значение имело в этом отношении принятие западной теологией концепта избранничества. Мироззренчески это сближало Запад с позицией иудаизма. Поправка состояла в том, что в качестве «богоизбранного народа» идентифицировалась не этническая группа, а община верующих. Принятие человеком христианства в этой трактовке было не основанием, а следствием богоизбранности. Соответственно, и распространение христианского учения среди одних народов и нераспространение среди других оказывалось проявлением избранничества.

Именно по вопросу о богоизбранности произошло принципиальное историческое расхождение между католиками и православными. Впоследствии оно перешло в ценностный антагонизм между Россией и Западом. Дискуссия началась в IV–V вв. Ее основу составила проблема предопределения. Бог всемогущ. Он, как Демиург, детерминирует все происходящее в мире. Концепт всеобщей Божьей предопределенности был развернут в трудах Августина. Он составил фундамент всей католической теологии. Но из принятия тезиса о тотальном предопределении следовало противоречие определения первоисточника зла. Получалось, что праведники и грешники изначально определены самим Богом. Значит, Бог есть источник зла. Значит, есть богоизбранные, а соответственно, и богоотверженные. Богоизбранность оказывается основанием антропологической дифференциации. Грех Евы, соблазненной змием, как и грех Хама по отношению к Ноне, был предопределен. Соответственно, предопределенным является нижестоящее в антропологической иерархии положение согрешивших. Женщина ставилась в ней ниже мужчины, а потомки Хама — хамиты — ниже семитов и яфетидов.

Но тогда получается, что зло, включая грех падшего ангела, является частью Божьего замысла. Следовательно, самой дихотомии, абсолютной противоположности добра и зла не существует.

Отсюда прямой путь к их смешению, а соответственно, и последующей нравственной инверсии в развитии Запада, а через него и большей части остального мира.

Православная теология принципиально не приняла августиновский подход. На этом основании католики обвиняли православных в принятии ереси пелагианства. Современник Августина британский монах Морган Пелагий утверждал, что человек обладает свободой воли и достигает спасения не в силу предопределения, а путем собственных усилий. В православии отвергалась тотальность католического детерминизма. Указывалось, в частности, что августиновский фатализм снимает моральную ответственность с самого верующего.

Бог в православии не предустанавливает грешников и праведников, характерной для западной церкви дифференциации на богоизбранных и богоотверженных. В православном богословии человеку дается свобода выбора между добром и злом. При выборе добра душа его спасается, зла — гибнет. Альтернатива такого выбора актуальна каждое мгновение человеческого земного бытия. Формируется постоянно действующий механизм мотивации: быть человеком.

Главное здесь для темы исследования — отсутствие в православии априорного неравенства антропологических типов и его наличие в католицизме. Именно отсюда у православных более высокая предрасположенность к коллективизму, тогда как у католиков — к индивидуализму (Рис. 20, 21).

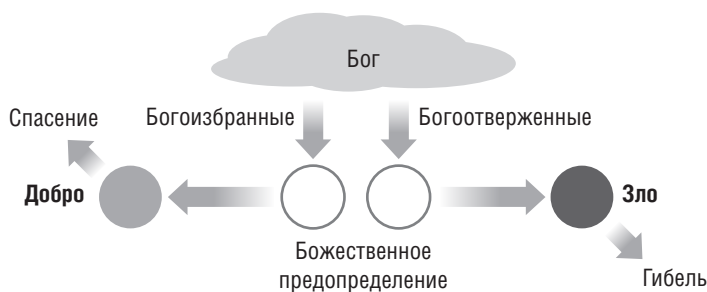

Рис. 20. Предопределение к индивидуальному спасению в католическом богословии

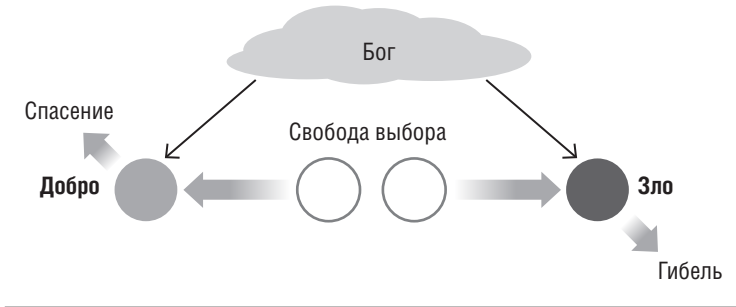

Рис. 21. Непредопределенность индивидуального спасения в православном учении

В западном христианстве вопрос о спасении был вопросом о том, относится ли человек к меньшинству богоизбранных. Это предполагало, что есть большинство богоотверженных. Спасти, таким образом, можно только индивидуально. Твое индивидуальное спасение связано с неспасенностью многих других. Именно на этой почве формируется в дальнейшем либеральная идеология, утверждающая принципом жизни всеобщую конкуренцию индивидуумов.

В православном христианстве существует идея, совершенно нехарактерная для католическо-протестантского Запада, — идея коллективного спасения. Она выразилась прежде всего в концепте преображения. Преображенный человек — это уже не индивид (адамический тип), а соборная личность. Личностное во Христе становится коллективным (в сакральном измерении — соборным).

На западе даже нет адекватного смыслового перевода слова «преображение». Оно переводится в западных языках как «трансформация», что деформирует смысл самого учения. Спасти в православии ввиду отсутствия дифференциации на избранных и отверженных можно лишь на условии братского христианского единения. Вместо конкуренции за вхождение в обойму спасаемых в православии выдвигается принцип всеобщей солидаризации. Для такого ценностно-мировоззренческого контекста либерализм не естественен. Идеологическим воплощением православного солидаризма, акцентированного в нем христианского равенства стал, по сути, советский проект (модель русского коммунизма).

Тема дифференциации человечества на богоизбранных и богоотверженных получила дальнейшее развитие в рамках протестантского учения.

стантизма. Ключевая роль здесь принадлежала фигуре Ж. Кальвина. Кальвинизм стал идейным мостом к утверждению новой модели общества буржуазного типа. Буржуазность подразумевала не только характер социальных отношений, но и соответствующие ценности. Кальвинизм через религию обосновывал систему буржуазного неравенства. Вместо превосходства аристократического утверждалась модель превосходства по критерию экономической успешности (объемов оборотного капитала).

Дифференциация человечества на богоизбранных и богоотверженных имела у Августина принципиальную оговорку о том, что замысел Божий для человека недоступен. Кто богоизбран, а кто богоотвержен — никому знать не дано. Но каждому человеку следует верить, что избран именно он.

Ж. Кальвин принес в августиновскую этику избранничества кардинально новое положение. Существуют, указывал он, индикаторы избранничества. Эти индикаторы есть успешность человека. Успешный — богоизбран, неуспешный — богоотвержен. Успешность при этом понимается предельно тривиально, как прежде всего денежный успех. Если человек смог заработать деньги, то он, вероятно, и есть избранник Божий. Бедный же, соответственно, зачислялся в разряд отверженных (Рис. 22).

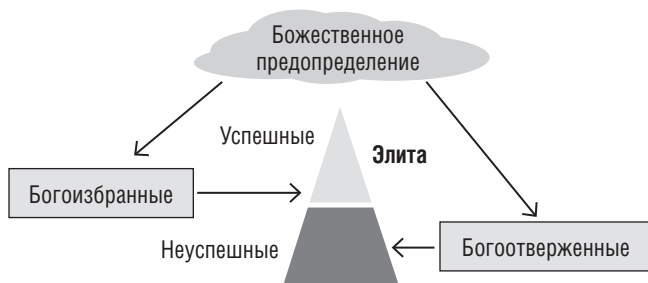

Рис. 22. Кальвинистская (протолиберальная) модель избранничества

Происходил принципиальный разрыв с христианской традицией апелляции к праведности низших и убогих. «Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому попасть в рай», — говорил евангелический Христос.

Для Ж. Кальвина, напротив, в рай мог попасть только богатый. С работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» была заложена традиция рассмотрения генезиса труда через призму кальвинистского утверждения. Ключевая роль отводилась здесь связи экономической успешности с представлением о богоизбранности человека. Трудись, преуспевай в экономике — и ты подтвердишь свое избранничество. Утверждение кальвинистской этики труда предопределило, согласно позиции сторонников веберовского направления, мировой исторический прорыв Запада.

Все это правильно. Трудовая этика протестантов действительно была важнейшим фактором западного экономического рывка. Напротив, ее выхолащивание обернулось стагнацией и соответствующими кризисными процессами.

Но это не вся правда о кальвинизме. Главное в выдвигаемом им этическом концепте был не труд сам по себе, а раскрытие высшего замысла человеческого неравенства. В раскрытии веберовской школой категориальной сущности капитализма через апологию труда состояла принципиальная подмена.

Трудовая этика утверждается в любой из традиционных религий. Без нее само общество было бы невозможно. И не в ней, соответственно, заключалась основная характеристика капиталистической системы. Главное было в другом — в дифференциации общества по степени экономической успешности. Буржуазия оказывалась избранным общественным классом, пролетариат — отверженным. Гуманитарный аспект этой дифференциации был ярко описан ранним К. Марксом.

Идеология превосходства в теории и практике либерализма

Принятая в современном западном дискурсе как самоочевидная модель общественного строительства теория элит имеет вполне определенные религиозные основания. Связь ее с кальвинизмом очевидна. Но кальвинистский концепт крайне специфичен. Тезис о богоизбранности бизнеса диссонировал фактически со всеми цивилизационно-значимыми религиозными традиция-

ми. Православие, как уже указывалось выше, отвергает саму идею избранничества. Соответственно, для православного понимания должного типа общественного устройства дифференциации на элиту (буквально — «избранных») и массы не существует. Тем более абсурдно было бы для православия отнесение к категории богоизбранных финансово успешной страты общества. О быстро разбогатевшем человеке на Руси говорили, что он не иначе как заключил договор с дьяволом или ему черти помогают. Тут не о богоизбранности шла речь, а о прямо противоположном — дьявольском искушении.

Советская аксиология сохранила и усилила православный негативизм в отношении к любого рода элитаристским проекциям. Понятие «элита» принципиально не использовалось. Теория элит рассматривалась в СССР исключительно в рамках критики «буржуазного» обществоведения. Сущность инверсии конца 1980-х — начала 1990-х гг. в России заключалась в переносе западной модели общества с характерной для нее дифференциацией на элиты и массы, успешных и аутсайдеров. Элитой (в диссонансе с прежней традицией негативизации «делячества») номинировалась преуспевающая часть бизнес-класса. Формируется его самопозиционирование в качестве особой избранной группы. Религиозной, в духе кальвинизма, апелляции здесь нет (пока нет), но все выводы, производные от концепта избранничества, были заимствованы без существенной корректировки.

Идея избранности в секулярном дискурсе получила развитие в рамках теории либерализма. Значительное место в ее генезисе сыграло распространение в просветительской среде пантеистического мировоззрения. Бог у пантеистов переставал быть трансцендентным существом и растворялся в природе.

Наиболее развернуто этот концепт был представлен, как известно, у Баруха Спинозы. И не случайно спинозианство исторически возникло в Голландии — главном наряду с Англией центре тогдашнего капитализма. А. Луначарский относил Б. Спинозу к представителям левой идеи, предтече марксистского социализма. Будучи наркомом просвещения, Луначарский провозглашал бой с буржуазией за отвоевывание у нее бесосновательно присвоенного наследия великого философа. Но из спинозианского пан-

теизма вовсе не следовало утверждение социалистического равенства человечества. Б. Спиноза убежденно отстаивал целесообразность института частной собственности и ниспровергал доктрину Томаса Мюнцера. Новое по отношению к прежней иудейской и кальвинистской теологии состояло в том, что основания естественности неравенства выводились не с «неба», а с «земли». Сама природа, а не трансцендентный Бог, задает неравенство всего сущего. Неравны между собой и люди. Но как в таком случае определяется превосходство одних людей над другими?

Новый концепт апеллировал к естественным основаниям неравенства. Само понятие «естественное право» возникло как противопоставление прежнему доминирующему учению о божьем праве. Прежде считалось, что человек получал право по соизволению Бога. Это была особая Божья благодать (божественная харизма). Теперь в праве обнаруживались естественно-природные основания. Но гражданскими и политическими правами наделялись далеко не все. Следовательно, естественное право подразумевало естественность и человеческого неравенства.

Утверждается превосходство одних над другими в борьбе. Борьба есть естественное состояние природы. Данный тезис был принят в западной мысли задолго до Ч. Дарвина. Тот, кто побеждает в борьбе, оказывается выше в естественно-природной иерархии, проигравший — ниже определенной границы аутсайдерства — обрекается на утрату права физического существования.

Человек в борьбе за существование побеждает представителей фауны. Неприиспособленные к борьбе определенные виды животных вымирают. На тех же «естественных» основаниях выстраивается человеческое общество. На вооружение в качестве нового императива общественного строительства берется интенция Плавта «человек человеку — волк». Американский президент Т. Гамильтон выдвигал сходную аналогию, называя народ одним большим зверем. А коли так, то борьба индивидуумов друг с другом неизбежна. Первоначально, учил Гуго Гроций, человечество существовало в состоянии войны всех против всех. Но далее ввиду перспективы взаимоистребления заключается общественный договор и учреждается институт государства. Вытекающая из «договора» общественная иерархия отражает достигнутое по-

ложение по итогам «войны». На вершине пирамиды оказываются наиболее «сильные», внизу — наиболее «слабые». Далее задача государства — обеспечить цивилизованные формы борьбы индивидуумов. Саму борьбу упразднить нельзя, но можно и должно задать ей определенные законом правила. Выдвигается принцип равноправия, подразумевающий равенство прав в соперничестве, но неравенство — как итог дозволяемого противоборства. Отсюда был прямой шаг к разработанному в просветительской среде концепту правового государства.

В теории либерализма борьба применительно к социуму была поименована конкуренцией. Общественные отношения рассматривались через парадигму глобального рынка. За основу моделирования социума был взят особый антропологический тип — «человек экономический». Получение прибыли для него — основной и едва ли не единственный ценностный мотиватор. Вступая в рыночные отношения, люди конкурируют друг с другом. Государство — «ночной сторож» — лишь следит за честностью конкуренции. Одни объективно побеждают в конкурентной борьбе, другие проигрывают. Конкуренция не ограничивается

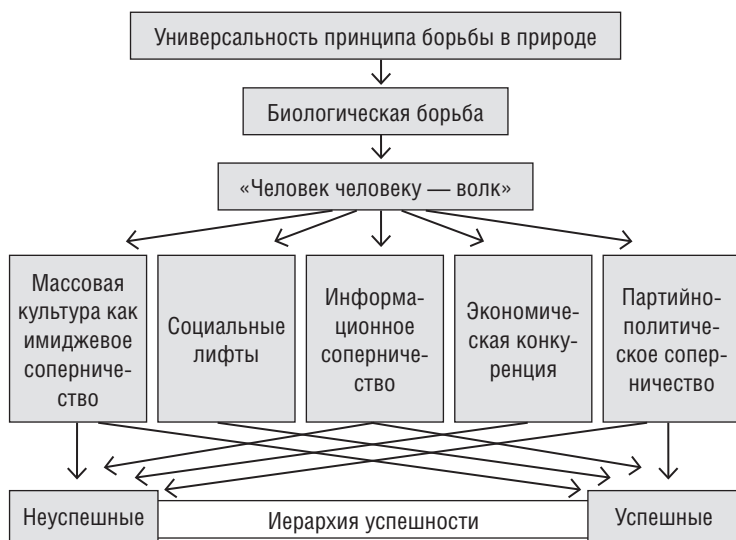

Рис. 23. Мир как поле глобальной конкуренции

только сферой экономики, распространяясь на политику, культуру, науку. По результатам конкурентной борьбы формируется общественная иерархия (Рис. 23).

«Сверхуспешные» занимают верхние этажи пирамиды. Это уровень элиты. От них онтологически отделены «неуспешные» — массы. Это те, кто не смог пробиться на уровень истеблишмента.

Но этажом масс общественная пирамида не заканчивается. Есть еще и социальное дно, уровень аутсайдеров. Это те, кто не смог вообще встроиться в парадигму рыночных отношений. Их удел — безработица, нищенство, тотальный негласный остракизм. Наличие дна имеет принципиальное для либерализма значение. Без него самой системы всеобщей конкуренции, в которой есть победители и побежденные, уже не будет существовать.

«Социальное дно» самим своим наличием есть демонстрация того, что будет с теми, кто не желает жить по законам рынка. Безработица необходима для либеральной модели как фактор мотивации работающих через страх потери работы. Теряющий работу в условиях капитализма теряет едва ли не все. Он оказывается в состоянии социально отверженного изгоя общества.

Когда-то нищие воспринимались как носители высшей правды, сокрытой для дворов и официальной церкви. Теперь бож становится фигурой абсолютно презираемой, существом низшей антропологической природы, недочеловеком. Сегодня в формируемом в России образе Запада низшая ступенька западного общества оказалась искусственно сокрыта. Между тем даже в странах золотого миллиарда «социальное дно» охватывает до 10%, а в кризисные периоды — до 15% населения.

Только во второй половине XX века — не без влияния советского проекта — в ряде стран Европы реализуется попытка ликвидации «дна». Концепт «правового государства» обнаруживает для решения данных задач свою нефункциональность. Выдвигается модель нового типа государственности — «социального государства». Но это уже, по сути, принципиальный пересмотр либерального проекта. Да и ликвидировать «дно» в итоге так и не удалось. Оно даже расширилось за счет перманентных вливаний «цветной миграции».

Период утверждения капиталистической модели на Западе дает множество иллюстраций «антропологического ренессанса» в отношении неуспешной части общества. Чего хотя бы стоят английские законы о нищих, получившие эпитет «кровавые». Российская история такого типа жестокости никогда не знала. Процесс первоначального накопления капитала в Англии привел к разорению значительной части крестьянства и распространению нищеты. Ответом же английского законодательства была не защита разоренных, а организация в отношении них системной репрессивной политики. Бродяг в соответствии с законом подвергали пыткам и клеймению железом. Пойманный бродяга должен был быть отдан в рабство богатым соседям или лицам, представившим донос о факте бродяжничества. В случае трехкратного рецидива бродяжничества человек подвергался смертной казни. Количество казненных по этому закону англичан оценивается в 72 тысячи человек. Детей бродяг отбирали у родителей и передавали в услужение, что прямо подразумевало детское рабство.

Смертность от голода в раннекапиталистической Европе имела обыденный характер. «Мы, — свидетельствует экскурс в историю Шотландии 90-х гг. XVII века, — никогда не узнаем, сколько людей умерло [в эти годы]: современники поговаривали об одной пятой, одной четвертой населения, даже об одной трети и более в некоторых областях, где жители вымерли или бежали». Итак, минимум каждый пятый шотландец умирает от голода за пять неурожайных лет. И при этом их предприимчивые соплеменники продолжают богатеть. Оказание помощи умирающим отсутствовало даже как тема в национальном дискурсе. Рынок есть рынок, и в нем побеждает сильнейший. Пройдет некоторое время, и потомок преуспевающих шотландцев Адам Смит создаст системную апологию самоорганизующейся силе капиталистического рынка.

Либерализм и рабовладение

Удивительный парадокс генезиса капитализма состоял в реанимации при переходе к капиталистическому способу производства

феномена рабовладения. Возрождение рабства в новое время прямо противоречит всем многочисленным теориям, утверждающим доминанту идеи свободы в историческом развитии Запада. А тут в действительности появление миллионов рабов в ареале западной цивилизации. С одной стороны, провозглашение идеологии либерализма, с другой — одновременно жесточайшее рабовладение (Рис. 24).

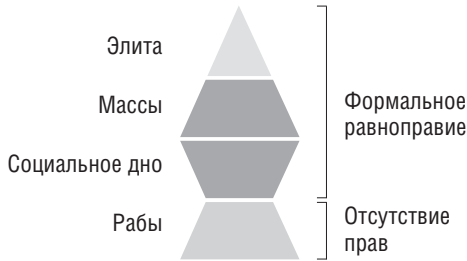

Рис. 24. Модель антропологического неравенства в колониальный период развития Запада

Многие видные идеологи либерализма сами были связаны с рабовладением. В невольничий рынок вкладывал средства, в частности, «отец» либеральной теории Джон Локк. Обладателем рабов являлся автор концепта «правового государства» Шарль Монтескье. Рабовладельцами были все первые президенты Соединенных Штатов Америки. Рабы к началу XIX века составляли около 20% населения «самого свободного государства мира». И никакой рефлексии о противоречии рабства идеалам свободы в головах отцов-либералов не возникло.

Раб, как и в древнем мире, не считался человеком. А соответственно, гражданское либеральное право на него не распространялось. Свобода одних оказывалась сопряжена с несвободой других. Первое не могло быть реализовано без второго. За апелляцией к свободе реконструировалась более значимая целевая установка либеральной доктрины — антропологическое неравенство. Раб оказывался ступенькой ниже «социального дна» западного общества. Ему отказывалось не только в равенстве, но и в равноправии, какой-либо гражданской субъектности.

В систему рабовладельческих отношений в США была включена даже церковь. Находились священники, которые обосновывали рабство проявлением божьего замысла. В 1862 г. протестантские пасторы многих американских штатов адресовали христианам всего мира манифест, призывавший к защите рабовладения. «Аболиционизм, — провозглашалось в нем, — есть преграда планам Божиим, ... существование рабов дает нам лишний повод благословлять Господа».

Журналистика США вносила пояснение, что рабство не только не противоречит идеям либерализма, но и является его логическим развитием. Рабство, разъяснялось в одной из американских газет, есть не только божеское учреждение, но и «краеугольный камень нашей гражданской свободы». Равноправие ограничивалось категорией свободных. Характерно в этом отношении признание американского журналиста Ричмонда Энквирера, сделанное в период Гражданской войны в США: «Рабство справедливо, естественно и необходимо. Если кому и быть рабами, так черным, потому что они способны только работать, но не повелевать ... Право равенства мыслимо только между равными. Для остальных же это не что иное, как хаос. Есть племена, рожденные для рабства, и есть другие племена, рожденные повелевать. Таковы принципы и античного мира. Мы защищаем их своей жизнью».

Рабство было законодательно отменено в странах Запада только в девятнадцатом столетии. Этот процесс растянулся не на одно десятилетие. В США, как известно, для отмены рабства потребовалась кровопролитнейшая гражданская война. При этом Соединенные Штаты Америки не были вопреки распространенному мнению последним из западных государств, законодательно допускающих рабовладение. Да и после юридического упразднения рабство де-факто продолжало существовать, приобретая иные формы и модификации. Эксплуатация рабочих, ввозимых из цветных континентов в страны — метрополии на основании долгосрочных контрактов, мало чем в действительности отличалась от эксплуатации рабского труда. Отказ в XIX веке от прямого легального рабовладения имел несколько причин. С одной стороны, изменяется ресурсная парадигма экономики. Значение физического рабского труда снижается.

С универсализацией денежных отношений силовые механизмы замещаются экономическими. Но суть самого принуждения от этого не меняется.

Определенное влияние на упразднение рабства оказало и давление со стороны набирающего силу революционного движения. Эгалитарная альтернатива теории социализма становилась фактором, заставляющим капитал идти на уступки.

Но главную роль сыграло изменение в XIX веке конфигурации геополитических сил в мире. После побед над Наполеоном державой № 1 становится Россия. Священный Союз наций представлял собой фактически российский проект миростроительства. И показательно, что первая международная декларация о запрете работорговли была провозглашена Венским конгрессом 1815 г., учредившим Священный Союз. В России, как известно, существовало крепостное право, но не было рабства. Неравенство в крепостнической России не имело, как на Западе, черт антропологической иерархии. Торжество Российской империи подразумевало актуализацию восточнохристианской коллективистской альтернативы развития. С этим, как минимум, Западу приходилось считаться (Табл. 1).

Табл. 1. Хронология законодательной отмены рабства в странах Западе

Страна	Год законодательной отмены рабства
Великобритания	1833 г., завершение переходной системы в 1838 г.
Франция	1848 г.
Голландия	1863 г.
Португалия	1858 г., вступил в силу в 1878 г.
США	1865 г.
Испания	1870 г.
Куба	1886 г.
Бразилия	1888 г.

Колониализм и идеология Просвещения

Колониальная политика Запада и утверждаемая им система превосходства в мире требовала соответствующего идеологического обоснования. Такое обоснование было сформулировано в просветительской среде в рамках западнцентристской теории прогресса. Провозглашенная Французской революцией триада принципов «свобода, равенство, братство» не имела универсального распространения, ограничиваясь исключительно западным цивилизационным ареалом. Шарль Монтескье рассуждал о неприменимости к странам Востока модели «правового государства» и об имманентности для них деспотизма.

Век европейского Просвещения был одновременно и веком колониальной экспансии. Зверства колонистов в отношении цветных автохтонов колоний воспринимались западным обществом как норма. Человечество в просветительской версии прогресса дифференцировалось на три ступени: дикость — варварство — цивилизация (Рис. 25).

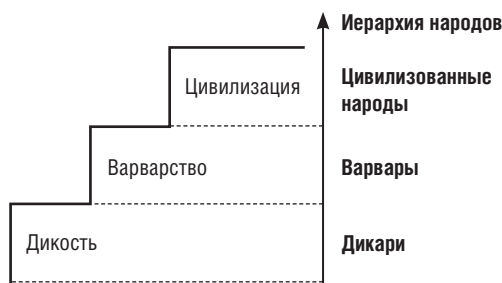

Рис. 25. Просветительская модель неравенства

Образ «дикаря» пользовался широкой популярностью для иллюстрации первобытного природного, полуживотного состояния. Дикие народы не могли иметь государства. Максимум, что они могли достигнуть в социальном плане, — это племенная организация. Инциденты каннибализма среди дикарей гиперболизировались, преподносились как универсальная черта их бытия. По оценке современных исследователей, захлестнувший

«просвещенный Запад» вал соответствующей информации был «не столько указанием на широкое распространение каннибализма за пределами высокоразвитого общества, сколько свидетельством жадного интереса к теме». Людоедство среди дикарей легитимизировало в глазах западного человека жестокость в отношении самих каннибалов.

Концепт о «дикарях» являлся, в частности, идеологическим обоснованием геноцида индейцев в Северной Америке. Некоторые исследователи используют сегодня по отношению к нему понятие «американский холокост». В ряде штатов за убийство индейца, подтверждаемое скальпом аборигена, предполагалось денежное вознаграждение. Индейцы, как дикари — недочеловеки, не являлись субъектами права. Согласно сформулированной Верховным Судом США в 1825 г. Доктрине, открытые индейские земли должны были принадлежать «открывшим» их колонистам. Вплоть до 1924 года индейцы не являлись американскими гражданами. К тому моменту, когда гражданство США на них все-таки распространилось, они уже представляли собой реликтовое меньшинство американского общества.

На следующей ступеньке просветительской антропологической иерархии находились народы, живущие в состоянии варварства. Варварскими считались сообщества, находящиеся за рамками исторического Запада. На дальней ступеньке развития уже возникают институт государства и определенная социальная дифференциация. Но это не западное «правовое государство» и не западное «гражданское общество». Варварская модель примитивна во всех аспектах своего бытия и не доходит до уровня цивилизации. И Китай, и Индия, и Россия — все номинируемые сегодня незападные историко-культурные типы цивилизациями в просветительском понимании вообще не являлись. Цивилизация, полагали просветители, существует лишь в единственном числе. Отсюда дихотомия «цивилизационный человек» — варвар. Отсюда же допущение применения к варварам тех средств и приемов, которые невозможны в отношении к «цивилизированному человеку».

Известно, что большой интерес к практике «американского геноцида» проявлял впоследствии А. Гитлер. «Гитлер, — указывал

в биографии лидера национал-социализма американский историк Дж. Толанд, — утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из истории... США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления — голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил».

В Индии британские каратели истребляли население целыми деревнями. Широко использовались увечья, пытки, недопустимые в отношении англичан. Когда-то богатейшая страна мира Индия вследствие тотального разграбления со стороны колонизаторов пребывала в состоянии перманентного голода. Только за последнюю четверть XIX века от голода умерли 26 млн индусов. Вот настоящий «голодомор», который, казалось бы, следует осудить мировому сообществу. Общее число жертв английского колониализма в Индии за девятнадцатое столетие сопоставимо с количеством жертв в мире периода Второй мировой войны. А между тем Британская империя в период своего расцвета имела в своем составе помимо индийских земель еще около пятидесяти колоний.

Характерно, что, несмотря на нещадную эксплуатацию, индусы не использовались англичанами в качестве рабов. Рабовладение и работорговля, широко распространенные в английских колониях в Африке, не были перенесены в Индию. Очевидно, антропологическая дифференциация на «дикаря» и «варвара» имела для колонизаторов актуальное значение.

Приобщать к наркотикам «цивилизационного человека» в Европе, и в частности, в пуританской Англии, считалось аморальным. А вот сделать наркоманом китайца было не только допустимым, но и с коммерческой точки зрения целесообразным. Британский опиумный импорт принял в Китае масштаб общенациональной катастрофы. Прибыль британских олигархических кругов от торговли опиумом превышала, по оценке экспертов, «прибыль Дэвида Рокфеллера на несколько миллиардов долларов ежегодно».

В качестве прикрытия наркоторговли использовались даже христианские миссионерские организации. Когда китайские власти решились предпринять ряд мер по конфискации нарко-

тиков, Запад ответил двумя «опиумными войнами». Официально эти войны велись под девизом защиты «свободной торговли». По факту же легитимизировалось мировое неравенство. То, что запрещалось в отношении западного человека, разрешалось применительно к азиату. Только после коммунистической революции в Китае по наркоторговле был нанесен решительный удар посредством тотального физического истребления наркоторговцев.

Деление человечества на ступени «дикости», «варварства» и «цивилизации» не следует понимать таким образом, что бывший «дикарь» может развиваться до уровня «цивилизованного человека». «Дикарь» остается дикарем, а «варвар» — варваром. Мировой прогресс есть не преобразование прежних сообществ, а выход на авансцену истории новых народов. Именно так преподносилось историческое развитие Гегелем.

Мировой Дух последовательно воплощался в разные сообщества, идя в направлении от варварского Востока к цивилизованному Западу. Китай, Индия, Персия — страны, выходявшие в свое время на авансцену истории, остались в той же парадигме развития, в рамках которой они и реализовали однажды свою миссию. Самопознание Мирового Духа завершается, по Гегелю, на исторической ступени германского мира. Главное состоит в раскрытии реализованной германцами идеи свободы. А что же до народов Востока? Они по-прежнему остаются в парадигме несвободы. Получается, что в масштабах всего мира свобода одних, исторически высших, связана с несвободой других — низших (Рис. 26).

Потребовалась ревизия К. Маркса, устранившего из базировавшейся на просветительской традиции Гегельянской схемы прогресса мотив историко-культурного неравенства. Но даже в трудах Маркса это наследие идеологии западного антропологического превосходства обнаруживалось не единожды. Примером служат высказывания К. Маркса по русскому вопросу.

Для России выбор был между тем, чтобы принять концепт антропологического неравенства, примкнув к «цивилизованному» западному миру, или консолидироваться с «варварами» Востока и «дикарями» Юга. Обольщение этой перспективой определяет в значительной мере генезис российского западничества. Но дело

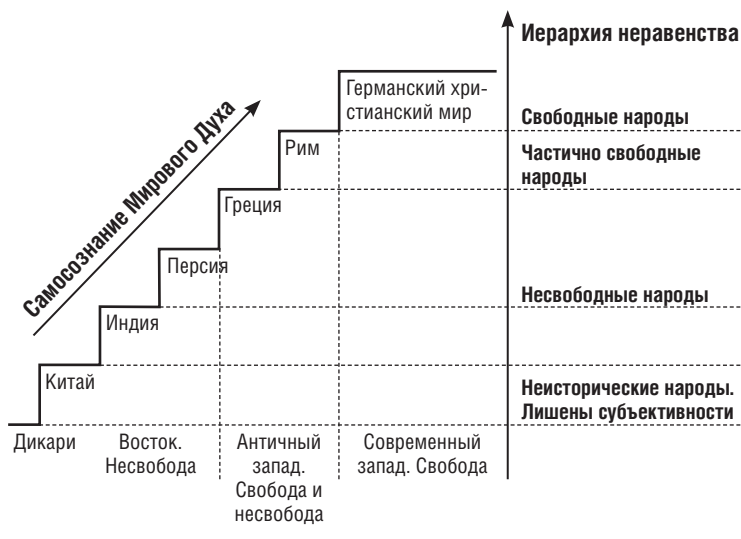

Рис. 26. Просветительская модель неравенства

в том, что на самом Западе Россию к западной цивилизации не относят. Она есть для него варварская страна. За русским человеком, как за варваром, не признается равенство с западным «цивилизованным» человеком. Отсюда все исторические провалы попыток превращения России в страну Европы. Европа не желает считать Россию своей составной частью и признавать за русскими европейскую идентичность.

От либерализма к фашизму

Либерализм при логическом развитии заложенного в нем неравенства и превосходства меньшинства над большинством вел западный проект в направлении фашизма. Данная тенденция имела как внутринациональное, так и межнациональное проявление. Тут обнаруживается различие в деталях двух моделей фашизма — итальянского и немецкого (Рис. 27).

Номиналированная модель всеобщей конкуренции постепенно трансформировалась в систему страновой и индивидуальной иерархии. Накопленный элитой буржуазного общества капитал

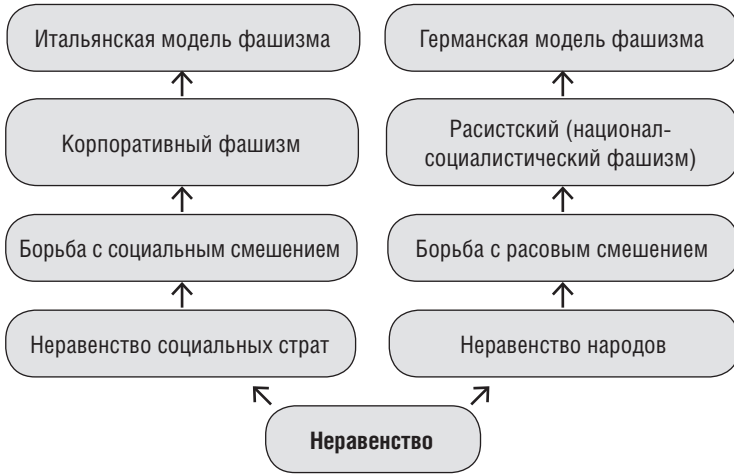

Рис. 27. Различные модели фашизма

передавался по наследству, что приводило к последовательному усилению социальной дифференциации. Разрыв между полюсами богатства и бедности достигает астрономических величин. Происходит распад онтологического единства существования буржуазных наций. В этих условиях ни о какой свободной конкуренции индивидуумов уже не могло быть и речи. Бытие различных стран также приобретает фундаментальные различия. Страны де-факто оказываются неравны друг другу. Возникает идея институционального и правового закрепления новой реальности. Вопрос стоял, по сути, о легитимизации неокастовости. Идеологическое воплощение данный подход нашел в теории «корпоративного капитализма».

Классический вариант фашистского корпоративизма представляла Италия периода Б. Муссолини. Превосходство элит фиксировалось официально, оно противопоставлялось разрушительной, с точки зрения корпоративистов, доктрине «смещения» социальных слоев. Характерно, что большинство фашистских государств Европы 1930-х гг. ориентировалось именно на итальянскую корпоративистскую, а не на немецкую нацистскую модель государственности.

После Второй мировой войны апелляция к опыту «корпоративного капитализма» стала невозможна. Однако де-факто модель неравенства социальных страт реализуется в той или иной степени во многих государствах мира. Наиболее очевидна ее имплементация в латиноамериканских режимах хунт. О чертах корпоративного капитализма, фактически кланового неравенства, многие эксперты говорят и применительно к современной России. Элита и в США, как и в других странах Запада, является фактически закрытым сословием. Пропуск из нижестоящей страты общественной иерархии в вышестоящую в правовом смысле свободен, в фактическом — маловероятен. То, что в итальянском фашизме провозглашалось публично и формировалось как идеология, негласно реализуется сегодня в мире по существу.

Германский фашизм (национал-социализм) был акцентирован, как известно, на идее расового превосходства. Связь его с либеральной идеологией, казалось бы, неочевидна. Однако фашизм основывался на том же фундаменте — универсализации принципа борьбы, что и либерализм. Различие состояло лишь в несовпадении номинации субъектов борьбы.

Либерализм ведет речь о конкуренции индивидуумов. По результатам ее происходит дифференциация людей на успешных и аутсайдеров. Фашизм говорит о том же применительно к борьбе народов. Избранность индивидуумов в одном случае и избранность рас в другом. Итогом борьбы за существование оказывается дифференциация человечества на народы высшей расы, расово несовершенные и «унтерменши» (недочеловеки). Это четко соотносится с либеральной моделью дифференциации на элиту (сверхуспешных), массу и отверженных (неуспешных, социальное дно) (Рис. 28).

Кроме того, прослеживается столь же четкое соотношение с просветительской версией деления на цивилизацию, варварство и дикость. И, наконец, не менее очевидна корреспонденция с современными концептами мировой системы, структурирующими народы по принадлежности к геополитическому центру, полупериферии и периферии. В этом смысле фашизм контекстен развитию западного проекта. Общий, по существу, подход, основанный на антропологическом неравенстве, различался лишь по формам

Рис. 28. Модели избранности в фашизме и либерализме

воплощения. Если фашизм акцентирован на биологической парадигме неравенства, то либерализм — на экономической, просветительство — на культурной, а современное миростроительство — на геополитической парадигме.

Как связующее звено между либерализмом и фашизмом может рассматриваться фигура Томаса Мальтуса. Понятие «борьба за существование» использовалось им задолго до Ч. Дарвина, являясь методологическим ключом мальтузианской концепции. Т. Мальтус писал как о борьбе индивидумов, так и о борьбе на-

родов. Впервые им ставился вопрос о производности неравенства в мире от ограниченности мировых ресурсов. Характерна и еще одна идеологическая связь с фигурой Т. Мальтуса. Автор «Опыта закона о народонаселении» был священником англиканской церкви. Протестантская теология, очевидно, не вступала в его понимании в противоречие с идеей борьбы за существование. Через Т. Мальтуса прослеживается наличие единой линии, ведущей от протестантизма к либерализму и от либерализма к фашизму.

Выдвижение расистского концепта неравенства в национал-социалистской Германии не было, как зачастую представляют сегодня, девиацией в развитии западной общественной мысли, необъяснимым потемнением рассудка. Фашистская инверсия произошла не вдруг. Исторически к ней вело многое в развитии Запада, в преодолении идеи вселенского равенства и единства человечества, что следовало из учения Христа. Соответственно, требовалось утвердить два противостоящих христианству положения:

- 1) Человечество в видовом отношении не едино;
- 2) Люди антропологически не равны.

Откровенно расистские позиции занимали многие американские президенты, даже самые либеральные из них. Так, Томас Джефферсон, один из столпов американской демократии, автор Декларации о независимости США, рассуждал о естественном превосходстве «белых» над «черными» следующим образом: «Что касается сравнения по таким способностям, как память, разум и воображение, то мне кажется, что по памяти они равны белым; по разуму они стоят гораздо ниже, так как, я думаю, они вряд ли способны начертить и доказать теоремы Евклида; а их воображение безрадостно, безвкусно и ненормально. Их воображение дикое и экстравагантное, оно всегда избегает любого контроля со стороны разума и вкуса, а его причудливый характер так же эксцентричен и так же далек от логического мышления, как небесная траектория метеора. Их зависимое положение должно вызывать у них горькие размышления; однако, мы обнаруживаем, что они всегда заменяются чувствами, выставляемыми напоказ... Я высказываю только как предположение, что черные, независимо от того были ли они первоначально отдельной расой или время и обстоятельства выделили их, стоят ниже белых по физическому и духовному развитию».

Сотни «черных невольников» обрабатывали четыре тысячи гектаров земли, принадлежащей третьему американскому президенту. А четвертый президент, автор Конституции США Джеймс Мэдисон сообщал, что при затратах 12–13 долларов на содержание одного раба каждый из них приносит ему прибыль в 257 долларов. И даже Авраам Линкольн — освободитель негров из состояния рабства, будучи противником рабовладения, не был сторонником расового равенства. Его рассуждения по антропологическим вопросам — это точка зрения типичного американского расиста. «И я скажу, — пояснял А. Линкольн свою позицию, — что я никогда не выступал и никогда не буду выступать за социальное и политическое равенство двух рас — черной и белой, я никогда не подерживал точку зрения, что негры должны получать право голоса, заседать в жюри, занимать какую-нибудь должность или иметь возможность заключать браки с белыми... добавлю, что между белой и черной расой есть физическая разница... и, как любой человек, я за то, чтобы белая раса занимала главенствующее положение».

Массовая практика «судов Линча» в США прекратилась только в президентство Г. Трумэна. Последний же из законов расовой сегрегации был отменен лишь в 1964 г. Обвинения СССР со стороны Запада в политике массовых репрессий выглядят в этой связи как попытка идеологической защиты посредством нападения. Репрессивность американской либеральной демократии была также масштабна. Репрессии в США являлись механизмом реализации антропологического превосходства. Либерализм сочетался в Соединенных Штатах Америки с расизмом. В чем принципиальное отличие американской либеральной модели от германского расового фашизма? Вся разница состояла в том, что номинировались различные жертвы расовых гонений: в одном случае евреи, цыгане и азиаты, в другом — негры и индейцы.

Расистское обоснование неравенства

Если разные расы это в действительности разные виды живых существ, то универсальность заповеди человеколюбия лишается смысла. Человеком в подлинном значении является только

определенный расовый тип. После принятия этого тезиса стало моральным истребление представителей других видов. Ведь истребляются же в борьбе за существование иные видовые представители биологической жизни. Да и охота, рыболовство, мясокомбинаты не вызывают особых сомнений. Политическое оформление системы неравенства таким образом сопряжено с необходимостью доказать, что единство вида *homo sapiens* — это фикция.

Существенным препятствием этому была инерция христианской традиции. Единство человечества для Христа утверждалось через единство душ. Противники христианского подхода сознательно переводили дискурс от проблемы души к телу. Биологически люди различны. Через утверждение значительности этих различий выводилось положение о существовании под общим маркером «человек» нескольких его видов. Вопрос о том, что помимо биологического есть еще социальный и духовный уровень жизни, в этой постановке принципиально игнорируется. Формируется концепция антропологического полигенеза.

Первоначально оппонирование христианскому подходу осуществлялось в рамках религиозного дискурса. Оппоненты пытались доказать, казалось бы, малое, что не все населяющие Землю люди являются потомками Адама. Из признания неадамического происхождения части человечества следовала нераспространяемость на него культурных нормативов. Одним из первых о невозможности отнесения аборигенов колонизируемых территорий к потомкам Адама заявил видный эзотерик эпохи Ренессанса Теофраст Парацельс. Пропаганда идей полигенеза, а вовсе не, как считают многие, представление о том, что Земля круглая, была главным основанием суда над Дж. Бруно. Он заявлял, в частности, будто расы неевропейского мира только внешне похожи на людей, а в действительности людьми не являются.

В том же духе высказывался другой кумир европейских вольнодумцев Дж. Ванини. Негры, полагал он, не ведут своего происхождения от Адама, а произошли от обезьян. Исаак де ла Пейрер противопоставлял белым «адамитам» «преадамитов» — представителей цветных рас, являющихся подделкой под человека. Далее полигенез развивался уже в дискурсе секулярной науки.

Деление человечества на виды и подвиды было представлено в классификации одного из основоположников эволюционного подхода Карла Линнея. Подвидам *homo sapiens* давались характеристики, подразумевающие превосходство одних над другими (Табл. 2).

Табл. 2. Характеристики подвидов *homo sapiens* в классификации К. Линнея

Подвид	Тип характера	Ментальная характеристика	Общественное устройство
Americanus rufus Американец	Холерик	Упорен, самодоволен	Подчиняется традиции
Europaeus albus Европеец	Сангвиник	Остроумен, избретателен	Подчиняется закону
Asiaticus luridus Азиат	Меланхолик	Жесток, скуп, любит роскошь, одевается в широкие одежды.	Подчиняется мнению общества
Afer niger афроамериканец	Флегматик	Хитер, равнодушен	Подчиняется производству

Биологические различия определяли в линнеевской модели соответствующий ранжир культурных типов. К. Линней говорил также о существовании промежуточных между обезьяной и человеком антропоморфных существ, к которым он относил пигмеев, сатиров, троглодитов, хвостатых людей и иные дикие народы. «Многим, — пояснял свою позицию автор знаменитого классификатора природы, — может казаться, что различие между человеком и обезьяной больше, чем между днем и ночью; однако, если бы эти самые люди сравнили между собой величайших героев Европы и готтентотов Мыса Доброй Надежды, то с трудом уверили бы себя, что те и другие имеют одинаковое происхождение; ... то едва ли бы могли помириться с мыслью, что оба они принадлежат к одному и тому же виду».

Расистами были многие видные теоретики эволюционизма. К. Фогт, Л. Бюхнер, Ч. Дарвин, Э. Геккель. Расистские воззрения не противоречили в их понимании идеологии либеральной демократии. «Мы не понимаем, — оппонировал К. Фогт позициям моногенистов, — отчего нельзя производить различные виды американцев от американских обезьян, негров — от африканских и, наконец, хоть негритосов — от азиатских».

Дж. Мортон в США, исходя из концепта полигенизма, обосновывал правовые аспекты практики рабовладения. Западная наука на протяжении полутора столетий последовательно обосновывала западный колониализм. «Разум, — писал классик дарвинистского направления Э. Геккель, — является большей частью достоянием лишь высших человеческих рас, а у низших весьма несовершенен или же вовсе не развит. Эти первобытные племена, например ведда и австралийские негры, в психологическом отношении стоят ближе к млекопитающим (обезьянам, собакам), чем к высокоцивилизированному европейцу». Отсюда напрямую следовало, что убийство туземца — это одно и то же с убийством, к примеру, собаки. Фашизм в этом отношении также основывался на подобной «научной» традиции Запада.

Следующим за отрицанием видового единства человечества шагом было установление иерархии видов. Пафос многочисленных разработок данного направления состоял в доказательстве биологического превосходства западного человека. Показательно в этом отношении наименование работы классика европейского расизма Ж. А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас». В Германии периода национал-социализма фрагменты оттуда широко цитировались в школьных учебниках. Одно время Ж. А. де Гобино возглавлял канцелярию в Министерстве иностранных дел Франции, имея возможность для практической имплементации своих теоретических разработок.

Дарвинизм и идеология превосходства

Фундаментальное значение в генезисе претендующей на универсальность идеологии неравенства сыграла теория дарвинизма.

Она создавала видимость опоры их на естественнонаучную основу. К учению Ч. Дарвина апеллировали ведущие теоретики социализма, либерализма, фашизма.

Специфика дарвинистской версии состоит в определении в качестве движущей силы эволюционного процесса борьбы за существование, приводящей в действие механизм естественного отбора. Каковы могут быть выводы из этой теории в социальном отношении? Они очевидны. Если в биологической среде определяющим фактором является борьба за существование, то и в биосоциальной проекции движущей силой прогресса выступает борьба. А сам прогресс состоит в естественном отборе — победе сильных над слабыми.

Сообразно со своим пониманием эволюции Ч. Дарвин констатировал естественность истребления нежизнеспособных организмов. Что это означало применительно к человеку? При последовательном применении дарвиновского концепта все закрепленные религиозной этикой традиционные ценностные ориентиры социального бытия должны были быть опровергнуты.

Осознавая очевидный аморализм дарвиновского учения, его универсализм в применении к человеку пытались несколько ограничить. Такая тенденция была характерна, в частности, для советской школы интерпретации наследия Ч. Дарвина. Понятно, что от естественного отбора и борьбы за существование переход к заповедям морального кодекса строителей коммунизма был, мягко сказать, неочевиден. Поэтому в дарвинизм в СССР вносилась принципиальная поправка — выведенный Ч. Дарвином закон эволюции не распространяется на социальную историю человечества. Вернее, он действует на ранних стадиях антропогенеза — иначе бы и человек как новый вид не мог возникнуть, а затем сходит на нет.

Соответственно, и биологическая эволюция с возникновения *Homo sapiens* завершается. Приверженцы применения теории естественного отбора к человеческому сообществу были определены как социал-дарвинисты и противопоставлены собственно дарвинистам. То, что сам Ч. Дарвин был убежден в целесообразности объяснения социальных процессов выведенным им законом борьбы за существование, и более того — пришел к понима-

нию биологической эволюции, отталкиваясь от социологической доктрины Т. Мальтуса, приводило их в некоторое замешательство. При отказе от распространения дарвиновского универсального эволюционизма к человеку утрачивался весь очевидный для К. Маркса и Ф. Энгельса изначальный смысл обращения к естественнонаучным основаниям эволюции.

Различие подходов по инкорпорации дарвинизма в те или иные идеологии сводилось к вопросу об акцентах интерпретации содержания дарвиновской борьбы за существование. Для либерализма учение Ч. Дарвина служило естественнонаучным обоснованием идеи всеобщей конкуренции. В конкуренции же побеждает сильнейший. Формула Плавта «Человек человеку волк» выдавалась теперь за научный факт. В версии одного из столпов либеральной идеологии Г. Спенсера это положение перефразировалось следующим образом: «Универсальный Закон природы: существо, недостаточно энергичное, чтобы бороться за свое существование, должно погибнуть». Опираясь на дарвинизм, У. Самнер оправдывал существование социального неравенства и выступал противником вмешательства государства в экономику. Дарвинистское обрамление получали, таким образом, базовые положения идеологии либерализма.

Наиболее острую форму, полагал Ч. Дарвин, имеет борьба за существование внутри вида. Когда организмы обладают сходной организацией и имеют единую структуру потребностей, конкуренция между ними приобретает максимально жесткий характер. Дарвинистская абсолютизация данного тезиса приводит к отрицанию значимости социальной кооперации. Через дарвинизм обнаруживается неочевидная на первый взгляд биологизаторская парадигма либерализма.

Применение теории естественного отбора в масштабе мировых международных отношений давало оправдание колониальной экспансии и истреблению колонистами туземцев. Колонизация Северной Америки, сопровождавшаяся геноцидом местного населения, служит классической иллюстрацией модели дарвиновской селекции. Характерно, что Г. Спенсер, позиционируемый в качестве либерала, соотносил степень развитости социального устройства с физической, умственной и моральной развитостью

народов. «Отсталые культуры», согласно ему, были созданы отсталыми народами, которые ничего иного, более прогрессивного биологически создать не в состоянии.

Данная сторона дарвинизма получила акцентированное развитие в идеологии фашизма. Прямых ссылок на Ч. Дарвина в «Майн кампф» не содержится. Однако изложение основного фашистского манифестационного произведения, по сути, повторяет концепт борьбы за существование. «Майн кампф» изобилует дарвиновскими понятийными конструктами — «естественный отбор», «природная селекция», «борьба за выживание между расами» и т. п. Ницшеанский императив «падающего подтолкни» получал дарвинистское естественнонаучное обоснование. И это не было фашистским извращением дарвинизма. Сам Ч. Дарвин являлся без оговорок убежденным расистом. В его теории естественного отбора выстраивалась не только эволюционная иерархия видов, но и иерархия рас. Книга «Происхождение человека и половой отбор» не оставляет на этот счет никаких сомнений.

Для объяснения роли, которая была отведена в идеологическом дискурсе дарвинизму, важна реконструкция исторического контекста его происхождения. Введением в рассмотрение могла бы стать следующая цитата. В шестой главе своей книги «Происхождение человека и половой отбор» Ч. Дарвин давал, отталкиваясь от открытого им эволюционного закона, такой прогноз: «В недалеком будущем, возможно, уже через несколько сотен лет, цивилизованные расы целиком вытеснят или уничтожат все варварские расы в мире».

Первоначально Ч. Дарвин представлял себе эволюционный процесс в соответствии с учением Ж. Б. Ламарка. Определяющими факторами эволюции, по Ламарку, выступали внутренняя витальная сила организмов, задающая их стремление к совершенствованию (ее существование связывалось с идеей Творца), и внешняя среда. Выдвижение Ч. Дарвином положения о естественном отборе произошло после его ознакомления с «Опытом о законе народонаселения» Т. Мальтуса. Хронологическая последовательность в формировании дарвинистского концепта в данном случае принципиально важна. Вначале был принят мальтузианский концепт, а уже затем ищется его подтверждение в сфере биологии.

Таким образом, в начале формирования теории естественного отбора находилась не эмпирика борьбы в животном мире, а представление об имманентной борьбе в социальном мире. Теория мальтузианства, как известно, непосредственно подводилась под практику английского колониализма. На ту же идеологическую установку стал работать и дарвинизм.

Еще один концептуальный источник дарвиновской теории естественного отбора также имел обществоведческое происхождение. Этим источником стало экономическое учение А. Смита. Исследователи указывают на акцентированное внимание Ч. Дарвина к смитовскому положению об универсальности принципа свободной конкуренции индивидуумов. Осуществленный в дарвинизме перенос его на животный мир породил идею всеобщности борьбы за существование и осуществляемого через нее естественного отбора. Развитие теории Ч. Дарвина оказывается от первых идей до практических выводов корреспондентно идеологии либерализма.

Главная книга Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» увидела свет в 1859 г. В чем состоял исторический контекст данной публикации? К этому времени окончательно устанавливается модель мировой колониальной системы. Она зафиксировала глобальную гегемонию Запада. Колониальной державой № 1 выступала, как известно, Британская империя. Характерно, что именно в год выхода «Происхождения видов» англичане подавили сипайское восстание, устанавливая окончательно свое господство над Индией. Волна шовинизма и расизма захлестывает Великобританию. Ультрарасистские высказывания позволяет себе даже Чарльз Диккенс. Новая мировая система требовала научного обоснования. И тут как нельзя кстати появляется теория Ч. Дарвина. Господствующее положение в мире западного человека объяснялось его видовыми преимуществами над другими расами и народами в борьбе за существование. Вторая по известности и значимости книга Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» вполне подходила бы сегодня под гриф экстремистской литературы. Деление на высшие и низшие, цивилизованные и нецивилизованные расы составляет один из главных содержательных моментов этого сочинения. Остается удивляться ее неоднократному

переизданию в Советском Союзе. Между тем Ч. Дарвин утверждал, что разные расы есть разные биологические виды. В пользу своего утверждения он приводит, в частности, довод о различиях вшей, не переносимых будто бы от одной расы к другой. Более развитое обоняние у неевропейских народов по сравнению с европейцами есть, по Ч. Дарвину, прямое свидетельство их большей близости к животным. Как признак расовой иерархии отмечались различия в строении черепов (короткоголовые, длинноголовые). Обезьяньими проявлениями у низших рас считал создатель теории естественного отбора распространенный среди них феномен несовпадения цвета волос на бороде и голове индивидуума. Такое явление, указывал Ч. Дарвин, достаточно распространено у азиатов и обезьян, но среди европейцев встречается в исключительных случаях.

Но, как известно, скрещивание разных видов не может давать потомства. Между тем уже во времена Ч. Дарвина межрасовая брачность была явлением достаточно массовым. Пытаясь снять это противоречие, автор «Происхождения человека» выдвигает невесть откуда взявшееся утверждение, будто бы плодовитость метисов и мулатов значительно ниже, чем у несмешанных рас. Он пишет об их сравнительно низкой жизнестойкости. Отсюда дарвиновский прогноз в отношении метисизированной Южной Америки и о ее депопуляции. Эта гипотеза полностью опровергнута. В современности репродуктивность южноамериканских метисов значительно выше, чем, например, европейцев.

Наследственным путем, согласно Ч. Дарвину, передаются даже нравственные качества народов. Отсюда якобы низшие расы менее нравственны, чем европейцы. И итог — низшие расы должны объективно вымереть, как вымерли в свое время человекообразные обезьяны.

Евгеника

Дело не ограничивалось теоретическими выкладками. Признание антропологического неравенства вело к распространению на Западе евгенических идей. Если люди неравны по своей природе, то для улучшения качества людского материала следует огра-

ничить участие в воспроизводстве представителей низших антропологических типов. Для этого возможны два пути: либо установление жестких цензов в брачности, либо стерилизация неполноценных индивидуумов.

Доктрина евгеники была разработана в XIX веке Френсисом Гольденом. Значительный вклад в ее становление внесло направление французской психиатрической медицины, акцентировавшей внимание на наследственности душевных болезней. Одним из лидеров этой школы, психиатром Б. Морелем, был сформулирован «закон прогрессивного вырождения». Под влиянием этих идей Эмиль Золя пишет эпопею «Ругон-Маккары», посвященную истории фатальной наследственной дегенерации одной семьи. К началу XX века евгеническое движение приобрело мировой характер. В Лондоне (1912) и Нью-Йорке (1921, 1932) созывались международные конгрессы евгенистов. Евгеническими идеями были увлечены Бернард Шоу и Герберт Уэллс.

Наиболее известна сегодня практика реализации евгенического проекта в нацистской Германии. Нюрнбергский закон 1933 г. запрещал, как известно, браки арийцев с «расово неполноценными народами». Следующим шагом стал закон о насильственной стерилизации, распространявшийся на душевнобольных немцев. И это в контексте 1930-х гг. для западного мира было вполне нормально. Если сегодня евгеническая идеология оценивается как наиболее яркая иллюстрация нравственной порочности фашизма, то это конкретное обвинение в фашизации можно адресовать всему тогдашнему Западу. Так, в Соединенных Штатах Америки к 1935 г. законы о принудительной стерилизации приняли 26 штатов, а еще 10 штатов ожидали его принятия. Только в Калифорнии по соответствующему законодательству были стерилизованы 12 тыс. человек. В Индиане под действие соответствующего закона попадали не только душевнобольные, но и эпилептики. Под влиянием евгенической пропаганды Конгресс США ввел в 1924 г. селективные ограничения на иммиграцию, дифференцируя иммигрантов по цвету кожи. Среди европейских стран законы о принудительной стерилизации в конце 1920–1930-х гг. были приняты Данией, Норвегией, Швецией, Финляндией, Исландией, Эстонией, одним из швейцарских кантонов. Проект закона

о «добровольной» стерилизации обсуждался парламентом Великобритании.

Победа над нацизмом подорвала моральные основания евгенических проектов. Однако законодательство о стерилизации, идеологически, впрочем, не афишируемое, продолжало применяться с некоторыми модификациями в ряде стран Запада. В США законы о стерилизации, распространявшиеся на 32 штата, были отменены только в 1973 г. По данным специального исследования, за период с 1907 по 1960 г. по решению суда подверглись стерилизации 60 тыс. «нежелательных» лиц. При отмене евгенических законов ни в одном из штатов им не была дана оценка по аналогии оценок соответствующей практики в фашистской Германии — как преступления против людей. Прошло два десятилетия, и в США вновь стали разрабатываться законопроекты, по которым преступникам предлагается стерилизация в обмен на сокращение срока заключения, а бедным — в обмен на предоставление финансовой помощи.

В Швеции евгенические законы продолжают применяться в настоящее время. Традиция установления законодательного ограничения брачности «неполноценных» индивидуумов восходит там к середине XVIII в. «В Швеции, — свидетельствует журналист М. Заремба, привлекая в своих статьях внимание общественности к моральной стороне закона о стерилизации, — если избавляются от какого-либо маргинала, то, в принципе, никто не выражает протеста». Сравнение шведского законодательства в вопросе о стерилизации с законодательством фашистской Германии привело его к заключению, что они «отличаются только в деталях».

Тенденции неофашизма

Возникновение фашизма определялось, таким образом, всем ходом исторической эволюции западного проекта, его внутренней логикой, однако первая попытка фашизации мира была сорвана. Решающая роль в ее срыве принадлежала СССР. Наличие советской альтернативы имело для подавляющего большинства

мира спасительное значение. После 1945 г. публичное оперирование концептами антропологического неравенства стало восприниматься как принципиально неприемлемое. Вместе с фашизмом был осужден и расизм. Расистские сегрегационные законы отменяются, утверждаются принципы расовой толерантности. Был остановлен рост экономического диспаритета. В социальной природе вместо концепта естественности борьбы за существование утверждается модель социального государства. Происходит глобальный крах мировой колониальной системы.

Однако, как оказалось, победа над идеологией антропологического неравенства не была окончательной. Соответствующий проект не прекратил своего существования. «Могло показаться, — свидетельствовал французский этнограф М. Лейри, — что с падением Адольфа Гитлера расизм умер; однако такое мнение крайне односторонне, ибо оно основано на предположении, будто в мире не свирепствовало никаких форм расистского зла, кроме той, действительно крайне реакционной и самой злобной его силы, которую представлял собой гитлеровский расизм. Думать так — значило бы забывать о том, что идея врожденного превосходства глубоко укоренилась в сознании большинства белых, даже тех, кто не считает себя расистом».

Изменилась технология. Вместо прямого объявления о том, что люди антропологически неравны, стали возникать идеи косвенной реализации того же положения. Колониализм сменился неоколониализмом, расизм — неорасизмом. Формально бывшая колония стала суверенна, но де-факто эксплуатировалась западным капиталом зачастую еще в большей степени, чем прежде. Формально законы расовой сегрегации были отменены, но де-факто «цветные» были в значительной мере вытеснены на низшие ступени и социальное дно западного общества. Гуманитарная наука на Западе, осудив фашизм и Холокост, продолжала активно работать на проект антропологического неравенства. После распада СССР он обрел реальные очертания. Сформировалась не просто однополярная, но многоэтажная модель мироустройства. Статус человека в ней напрямую зависит от принадлежности к соответствующему этажу мирового здания. Дело осталось за малым — легитимизировать уже существующую де-факто систему антро-

пологического неравенства. Это, по сути, будет означать не что иное, как новую фашизацию мира.

Исторически Советский Союз стал главным препятствием на пути фашизации мира. Либеральные демократии Запады обнаружили в условиях нацистской экспансии низкую способность противостоять фашизму. И дело здесь заключалось не только в отсутствии в модели либерализма должных мобилизационных механизмов для противостояния тотальному агрессору. Причина была глубже — в генезисе самого фашистского режима. Фашизм генетически восходил к либерализму и капиталистической модели экономики. Он доводил до логического завершения заложенный в либеральной платформе императив всеобщей конкуренции как межгрупповой борьбы за существование и максимизировал принцип неравенства. Естественно, вытекающее в либерализме право Запады на мировое господство в фашизме формулировалось прямо.

Еще В. И. Ленин в своем ставшем классическим для марксистской теории труде определял империализм как высшую стадию развития капитализма. В свою очередь, фашизм, вышедший на мировую авансцену через два десятилетия после публикации знаменитой ленинской работы, был определен в СССР как высшее проявление империализма. Выстраивалась, таким образом, генезисная цепочка: либеральный капитализм — империализм — фашизм. Акцентированная на императиве достижения всеобщего равенства коммунистическая идеология была в этом отношении антиподом фашистской, тогда как либеральная идеология обнаруживала с ней явные преемственные связи.

Итак, в 1945 г. фашизация мира была остановлена. СССР и возглавляемая им система мирового социализма выступали противомесом новой правонационалистической трансформации западного мира. Но вот Советский Союз распался. И стала все явственнее обозначаться перспектива новой фашизации в мире. Резко обостряются межэтнические отношения. Беспорядки на национальной почве прокатились по ряду европейских столиц — Парижу, Лондону, Москве. Еще сравнительно недавно это считалось невозможным. Резко возрос градус мигрантофобии.

Система Запады трещит под напором иммигрантов из третьего мира. Ради защиты западноевропейской идентичности предлага-

ется пойти на ограничение в правах и свободах. В свою очередь, среди цветного населения усиливается ненависть к белым. В противовес белому расизму широкий размах приобретает движение цветного расизма. Реальных механизмов в рамках либеральной модели государства сервисного типа для предотвращения надвигающегося глобального столкновения пока не обнаруживается. Идея европейского мультикультурализма потерпела крах.

К моменту распада СССР наличие националистов на уровне политического истеблишмента европейских государств воспринималось как нечто невозможное. Организации фашистского толка в Европе если и существовали, то на уровне глубокого подполья. Прошло немного времени после разрушения советской системы, и националистические партии не только действуют вполне легально, но даже представлены в парламентах многих государств Европы.

Идеология «золотого миллиарда» и система глобального антропологического неравенства

Широкое распространение в гуманитарном дискурсе приобретает теория элиты. Элита стала общепотребимым в гуманитаристике понятием. На заложенное в нем идеологическое содержание внимания не обращается. А между тем выделение в обществе группы «избранных», «лучших» предполагает, что есть и «отверженные», «худшие». Элита существует только в соотноении с другой категорией «масс». Характерно, что в советском обществоведении понятие «элита» не использовалось. Его стремительное распространение в отечественной гуманитаристике происходит только в 1990-е гг. Принятие теории элиты означало де-факто принятие модели неравенства. Показательно, что наибольший вклад в генезис данной теории был внесен в свое время в предфашистской и фашистской Италии. К итальянской политологической школе принадлежали, как известно, и В. Парето, и Г. Моска, и Р. Михельс.

Общественная дифференциация объяснилась В. Парето неравенством индивидуальных способностей индивидуумов. «Главная

идея термина «элита», — пояснял он, — превосходство. В широком смысле я понимаю под элитой сообщество таких людей, которые свойствами ума, характера, ловкостью, самыми разнообразными способностями обладают в высшей степени... Может быть аристократия святых или аристократия разбойников, аристократия ученых, аристократия преступников и т. п.».

Р. Михельс считал олигархизацию естественной тенденцией в организации групповой жизни. «Организация, — сформулировал он «железный» закон олигархии, — порождает господство избранных над теми, кто их избирает, господство уполномоченных над теми, кто дает эти полномочия». После войны концепт элиты был взят на вооружение как мягкое терминологическое замещение расистских и социал-дарвинистских концептов антропологического неравенства. Но суть подхода осталась при этом прежней.

В модернизированном в соответствии с новой парадигмой мирового развития виде представлена и просветительская теория дифференциации народов по ступенькам «дикости», «варварства» и «цивилизации». Один из вариантов такого мягкого замещения представляет собой концепт постиндустриального общества. Ступеньками развития в данном случае номинируется триада аграрное общество — индустриальное общество — постиндустриальное общество. Из самой по себе череды сменяемых технологических укладов никакой проекции неравенства, казалось бы, не следует. Однако в действительности речь шла об объяснении преференционного положения западного «золотомиллиардного» сообщества в мире. Запад получил свои материальные преференции не в силу осуществляемой экспансии, а якобы в результате естественного выхода на более высокую стадию развития.

О том, что постиндустриальная модель Запада стала возможна только благодаря вынесению материального производства (индустриального и аграрного) за рамки западного мира, принципиально не говорилось. Фактически же постиндустриализм «золотого миллиарда» выстраивался на основе существования мировой модели странового неравенства. Для того чтобы Запад мог реализовать постиндустриальные направления развития, должны быть

страны, берущие на себя функцию его материального обеспечения (Рис. 29).

Рис. 29. Страновое неравенство в теории постиндустриализма

Еще более очевидная дифференциация человечества по уровням бытия представлена в валлерстайновской теории мир-системы. И. Валлерстайн прямо говорил то, что в концепции постиндустриального общества только подразумевалось. Приблизительно с 1500 г. вместо множественности региональных систем стала складываться единая мир-система. В ней существует свой центр, полупериферия и периферия. Различия в их положении выражаются материальными и политическими предпочтениями. В качестве центра валлерстайновской системы, естественно, позиционировался Запад. Изменить положение страны в центр-периферийных отношениях, утверждал И. Валлерстайн, фактически невозможно. Следовательно, неравенство неизменно. Периферия приговорена к своему периферийному статусу.

Предложенное И. Валлерстайном рассмотрение в плоскостной развертке центр — периферия нивелировало установившееся иерархическое разграничение. Запад занимал в мир-системе не просто положение центра, но еще и «высшего этажа» мирового здания. Для периферии же более значима была не геоэкономическая удаленность от центра, но ее «поражение» по параметрам качества жизни населения (Рис. 30).

Другим принципиальным искажением явилось утверждение о моноцентричности мира применительно к периодам, когда единый

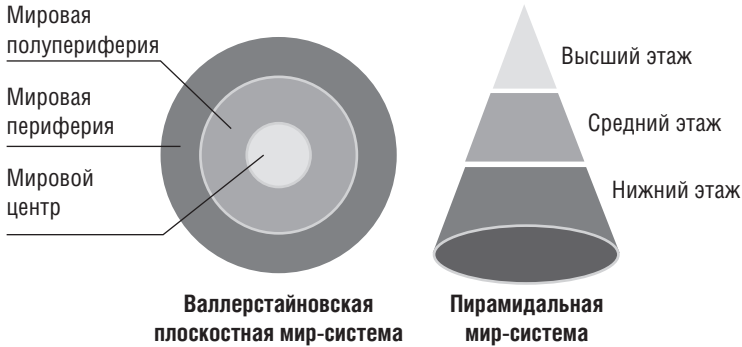

Рис. 30. Валлерстайновская модель как деформация реального мироустройства

мировой центр еще отсутствовал. Первые фундаментальные труды И. Валлерстайна появились в 1970-х гг. Единой мир-системы тогда, как известно, не существовало. Модель мироустройства имела бинарную, а не моноцентричную конфигурацию. В глобальном плане друг другу противостояли две системы. Значит, никакой исторической фатальности неравенства не существует. Советский Союз, вопреки валлерстайновским утверждениям, смог создать собственную альтернативу мир-системы. И только после распада социалистической системы моноцентричная модель мироустройства стала реальностью. Значит, валлерстайновские работы не столько описывали реальность (она была иной), сколько проектировали будущее.

Тема грядущих экологических угроз активно использовалась в трудах «Римского клуба». В первых выступлениях представителей организации начала 1970-х гг. вступление в фазу глобальной катастрофы прогнозировалось на 20-е годы третьего тысячелетия. Пафос серии аналитических докладов «Римского клуба» определялся прежде всего вызовом несоответствия ресурсных потенциалов Земли и возрастающей численности населения. Существует распространенное мнение, что предостережение не было практически воспринято. Однако ход развития мира после оглашения прогнозов «Римского клуба» позволяет оценивать многие принципиальные глобальные изменения как реакцию на сформулированные вызовы.

Идея «органического роста», перехода к системе распределенных между мировыми регионами функций предполагала осуществление глобальных политических изменений в мире. Сформулированные идеи представляли собой альтернативу апеллирующему к равенству всего человечества советскому проекту. Из докладов «Римского клуба» следовало, что принцип равенства в глобальном масштабе нереализуем. Для его практической реализации всех ресурсов Земли было бы недостаточно.

Советский проект отвечал на этот вызов декларацией о необходимости объединения человечества для осуществления перехода к новым ресурсным парадигмам. «Римский клуб» предлагал прямо противоположную идеологию. Согласно сценарию «органического роста» страновое неравенство закреплялось как статус-кво. Сверхпотребление — для одних, ограниченное — для других, минимально достаточное — для третьих. Шире вопрос стоял о легитимизации модели «многоярусного человечества». Однако для того чтобы эта модель практически состоялась, требовалось первоначально установление соответствующего контроля стран нижних ярусов мировой пирамиды.

Таким образом, в соответствующих разработках актуализируется перспектива глобального кризиса дефицита ресурсов. Ответом на данный вызов в планетарном масштабе могут быть две альтернативные модели.

Первая состоит в организации прорыва к новым ресурсным парадигмам бытия. Реализация этих задач требует усилий всего человечества, его всеединства. Русский космист Николай Федоров формулировал такой подход в рамках «философии общего дела». Исторически первый проект ответа на вызов ресурсной ограниченности был представлен идеологией коммунизма.

Второй подход состоит в легитимизации модели неравного доступа к ресурсам различных сообществ. Более того, при особо остром ресурсном дефиците возможен сценарий регуляции численности населения, сокращения, в том числе принудительного, размеров человеческих популяций низшего сорта. Именно для этого должно быть идеологически утверждено, что антропологически люди не равны и единства человеческого вида не существует. Права человека не отменяются, но распространяются не на всех.

Одно из препятствий на пути реализации этого подхода составляет инерция традиций мировых религий. Человек не может быть убит так же, как убиваются животные. Но если категория «человек» распространяется не на всех, тогда моральные ограничители по типу «не убий» могут быть сняты. Исторически модель решения проблемы ресурсной недостаточности через утверждение принципа антропологического неравенства была наиболее последовательно представлена в рамках идеологии фашизма. Сам термин «фашизм» после Второй мировой войны стал неприемлемым, что не упразднило сам фашистский проект, выступающий сегодня под новыми идеологическими и научно-теоретическими маркерами.

Сегодня как некая данность, как положение, не требующее доказательств, преподносится вступление мира в эпоху постмодерна. Конечно, как проект постмодерн существует. Главное в нем — идея релятивности бытия. Все субъективно и потому относительно. А если так, то никаких ценностей применительно к большим социальным системам быть не может. Для подрыва любого социума постмодернистский инструментарий весьма эффективен. Но появился этот инструмент задолго до номинации мыслителями Запада наступления эпохи постмодерна. Через релятивизацию массового сознания были разрушены многие цивилизационные системы прошлого. Так, в частности, пал древнегреческий полис, деформируемый в ценностном отношении релятивизмом софистов. Релятивизм годен только для разрушения. Конструировать на его основе какую-либо устойчивую социальную систему невозможно. Релятивизм, соответственно, не может быть парадигмой миростроительства.

Обратимся к внешней политике США. Ничего близкого постмодернистской рефлексии в ней нельзя обнаружить. Четкое преследование американских интересов во всех уголках мира. В явном противоречии с рефлексией постмодерна является номинация Белым домом геополитической «оси зла». Для постмодерна, как известно, ни добра, ни зла не существует, ибо эти категории всегда индивидуальны и контекстны. Кто не принимает американскую модель мира, как Югославия, Ирак или Ливия, тому уготовлены бомбы. Постмодерн является, таким образом, не пара-

дигмой нового миростроительства, а его идеологическим прикрытием.

В реальности за этим прикрытием реализуется другой проект, прямо противоположный по содержанию. Заключается он в реализации идеологии глобального антропологического неравенства. Прикрытие нужно ввиду явного диссонанса его содержания с традиционными, связанными с христианством и другими мировыми религиями ценностями. Использование идеологического прикрытия вытекает также из прежнего опыта, когда в период неудачной попытки фашизации мира проект антропологического неравенства провозглашался открыто.

Таким образом, из исторической реконструкции вполне видно, что исторически сквозной западный проект как идеологически преемственный концепт существует. Истоки его формирования обнаруживаются еще в античные времена. Целевой ориентир этого проекта состоял при всех различных исторических модификациях форм воплощения в реализации концепта мирового господства. Для легитимизации господства требовалось в свою очередь соответствующее идеологическое обоснование. И через всю интеллектуальную историю Запада красной нитью прослеживается дискурс вокруг центральной темы — право на господство. Зачастую этот вопрос оказывался идеологически завуалирован, но его содержание реконструируется вполне определенно.

После распада СССР началась новая активная фаза западного проекта. Препятствием к его практическому воплощению выступали прежде всего Россия и ее исторический этап в виде СССР. Если исходить, обнажая смыслы, из того, что фашизм не сможет в историческом будущем победить, то должна появиться мировая сила, которая ему воспрепятствует.

Глава 4.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КАРТЕ МИРА

Задача познания российской цивилизации

«Познай самого себя!» — этот призыв был высечен на стене храма Аполлона в Дельфах, одного из главных святилищ Древней Греции. Существует и более расширенная версия девиза, приписываемая спартанцу Хилону: «Познай самого себя, и ты познаешь богов и вселенную». Без познания себя нельзя познать внешний мир. Без познания себя нельзя быть субъектом общественных отношений. С познания себя надо начинать, выстраивая жизненные стратегии.

Все вышесказанное может быть отнесено не только к человеку, но и к общности. Без понимания и осознания себя не может быть состоятельным никакое государство. Блокирование его самопознания будет означать фактически его десоверенизацию. И в этом отношении призыв «Познай самого себя!» должен быть адресован и Российскому государству.

Казалось бы, российская рефлексия самопознания имеет фактически тысячелетнюю историю. Но с какого-то исторического рубежа на уровне властного дискурса это рефлексия прервалась. Были взяты на вооружение подходы и схемы западного обществоведения. По западным лекалам стала выстраиваться управленче-

ская рецептура. Но оказалось, что природа России иная и списанная с внешних эталонов система нефункциональна. Имеет место и фактор стратегических ловушек — обществоведческих концептов и решений, подброшенных противнику для нанесения ему функционального урона.

Курс на ресуверенизацию России не может не быть подкреплен созданием суверенной системы общественных наук. Могут возразить, что настоящая наука вне политики. Это верно лишь отчасти. Наука действительно не должна быть политически ангажированной, заниматься подтасовкой данных под политический заказ. Но вместе с тем общественные науки не могут не быть сопряжены с ценностями и смыслами. И принципиально важно, чтобы в основание общественного конструирования были положены ценности суверенности Российского государства, усиления жизнеспособности общества, обеспечения цивилизационного воспроизводства страны. Этим требованиям отвечает применение цивилизационного подхода.

Сообразно с ним рецепты, оказывающиеся успешными в применении к одному сообществу, дают сбой и даже могут привести к катастрофе в применении к другому. Вариативность развития человечества определяется цивилизационно-ценностными различиями оснований генезиса больших социальных общностей. Цивилизационный подход был сформулирован уже достаточно давно, первоначально как теория культурно-исторических типов, и приоритет здесь принадлежит русскому мыслителю Н. Я. Данилевскому. Отказ от марксистской парадигмы, провал парадигмы либеральной, недопустимость обращения к парадигме националистической — все это, казалось бы, определяло запрос на методологию цивилизационного анализа. Провозглашение Президентом России еще в Послании Федеральному Собранию России государством-цивилизацией было, можно сказать, властным месседжем к его разработке в применении к российской государственности. Однако проходит время, а российские обществоведческие теории по-прежнему плетутся в хвосте западного обществоведения. По-прежнему не применяется цивилизационный подход к объяснению российской и мировой истории в школах. Принятый в 2014 году Историко-культурный стандарт представляет российский исторический

процесс на основе теории модернизации как модифицированной версии либерального подхода. Такое положение представляется, с точки зрения задач ресурверенизации и обеспечения национальной безопасности России, неудовлетворительным.

Безусловно, современная Россия существенно отступила от своего же собственного цивилизационного эталона. Но эталон есть идеальное состояние системы. К идеалам стремятся, но они в человеческой истории недостижимы. Достигнуть их возможно только за пределами исторического процесса, но это уже будет сферой эсхатологии. Любая система должна характеризоваться как минимум в двух аспектах измерения — реальном и идеальном. Развитие и есть движение от реального состояния к идеалу. Идеалы различных общностей могут отличаться друг от друга. Соответственно, и универсальной модели развития не может существовать. Если та или иная общность идет по пути приближения к собственным идеалам, то эта общность развивается, при отступлении от них — деградирует. В этом отношении принципиально важно зафиксировать три качественных состояния российской цивилизационной общности — Россию реальную, Россию идеальную и Анти-Россию. Все эти состояния будут описаны в представляемой вниманию книге.

Россия в оппозиции цивилизаций Востока и Запада

Посмотрим первоначально, какое место занимала Россия в пространстве оппозиции цивилизаций Востока и Запада.

Ключевая проблема ценностного самоопределения России — аксиологическая общность/различие с Западом. Этот вопрос относится к разряду устойчиво воспроизводимых в российской общественной рефлексии разных периодов. На основе ответа на него дифференцировались, как известно, позиции западников и славянофилов. Обе общественные позиции имели свои исторические модификации.

Западнический подход к национальным культурам представлен в двух методологических версиях. Первая версия заключается в утверждении наличия исторически единственного пути модер-

низации — западного. Сообразно с ним все модели выстраивания бытия не по западным аналогам являются проявлением отсталости, запаздывания в развитии. Все народы, включая и русский народ, должны рано или поздно принять универсальную западническую парадигму.

Вторая версия состоит в допущении цивилизационной вариативности при отрицании существования особой российской цивилизации. Незападные цивилизации могут существовать, но Россия — это часть Запада. Европейскость России часто утверждается апелляцией к единым христианским основаниям Европы.

Почвеннический подход состоит в отстаивании идеи о самобытности русской (российской) цивилизации, уникальности ее ценностной платформы. Этот подход представлен также двумя исторически различаемыми версиями. Согласно первой, Россия — одна из перечня исторически существовавших цивилизаций. Принятие такого взгляда подразумевает политически приверженность модели многополярного мира. Вторая версия состоит в представлении о России как ценностной оси мировой истории, стране, удерживающей своим существованием мир от вселенского торжества зла. Данная позиция предполагала уже иную — двуполярную модель мироустройства.

Традиционное противопоставление Запада и Востока выражалось, как правило, противопоставлением категорий «развитие» и «консервация». В действительности не существует «застывших» цивилизаций, это противоречит самим законам жизни, сочетающим действие принципов изменчивости и охранительства. Цивилизационогенез без развития невозможен. Не развиваясь, ни одна цивилизация не могла бы состояться.

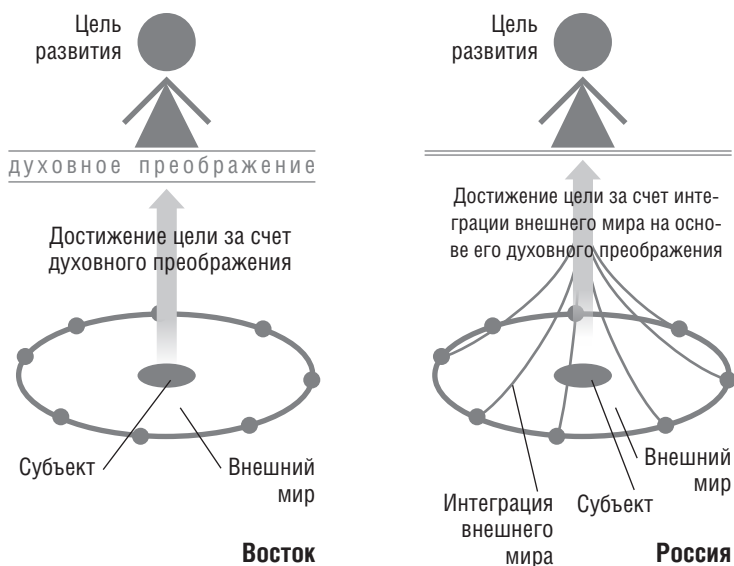

Рис. 1. Цивилизационное различие моделей развития

Другое дело, что развитие на Востоке мыслилось иначе, чем на Западе. Развиваться для Востока означало преобразовывать прежде всего себя. Это понимание формулировалось в рамках философии преобразования.

На Западе идея преобразования отсутствовала. Человек представлялся как индивид, нечто внутренне неделимое. Греческим эквивалентом термина «индивид» является слово «атом». Развитие в данном случае не преобразование человека, а изменение под него внешнего мира. Человек остается тем, кто он есть — индивидуумом, меняется же его средовое окружение. Отсюда материалистический характер западной цивилизации. Отсюда императив господства над внешним миром (господство над природой, господство над другими народами).

Именно здесь обнаруживается коренное отличие генезисных оснований русского мессианства с доминантной идеей спасения мира и западного планетарного проекта мирового господства. В одном случае мир надо спасти, в другом — подчинить.

России удалось придать идее преобразования человека характер общественного проекта. На традиционном Востоке духовное совершенствование вело прежде всего на путь отшельника, ухода от мира. Если на Западе мир преобразуется под непреобразуемого человека, то на Востоке преобразуется человек, а мир остается в прежнем состоянии. Две крайности.

Иное дело в России. Еще в XIV веке был создан новый, обращенный в мир тип монашеского общежития. «Вся Россия — наш монастырь», — писал Н. В. Гоголь. Российский путь состоял в социализации идеи духовного преобразования, в размножении индивидуального преобразования в общественное. Преображалось все человечество, а не отдельный бежавший из мира отшельник.

Главное российское привнесение состояло в идее коллективного спасения. Этим Россия принципиально отличается не только от Запада, но и от Востока. И это давало ей существенные преимущества. Запад, сталкиваясь в прямом противостоянии с Востоком, начиная с XVI века неизменно побеждал. Однако столкнувшись с российской альтернативой, западный проект впервые дал сбой. Модель достижения цели через включение внутренних духовных ресурсов (цивилизационный ресурс) и объединение людей на основе идеи преобразования человека проявляла себя в ситуациях прямого противоборства с западной моделью как более успешная. Со временем «русскую модель» взяли на вооружение и используют по сей день некоторые страны Востока (Рис. 1).

«Русская идея»

Многие мыслители как в России, так и за рубежом пытались определить содержание «русской идеи». Предпринимались попытки выявить ее неизменное смыслообразующее ядро. Чаще всего это был не научный анализ, а результат некоего метафизического постижения. Тем не менее широкий массив такого рода рефлексивности сам по себе достоин стать предметом исследования. Вопрос заключается в выявлении общего во взглядах различных мыслителей на содержание русской идеи и установлении ее совпадающих доминантных черт.

Основоположник методологии локализации исторического материала О. Шпенглер определял русскую идею как «Апокалиптический бунт против античности». Шпенглеровская формула, служащая квинтэссенцией рассуждений о специфике исторического опыта России, подразумевала ряд качественно своеобразных черт, присущих русской мысли (Рис. 2).

Рис. 2. Содержательная декомпозиция шпенглеровской формулы «русской идеи»

Следствием апокалиптического мировосприятия являются эсхатология, мессианство, максимализм русского национально-го сознания. Католическая теология, построенная на принципах аристотелизма, предопределила рационализм и прагматику мышления западного человека. На Западе преобладали тенденция обустройства существующих форм, организация быта без постанов-

ки телеологических проблем, что нашло выражение в формуле Э. Бернштейна: «Цель — ничто, движение — все». Православная патристика, построенная на принципах методологии Платона, обуславливала иррационализм и историософичность русской мысли. Русский человек не жил сегодняшним днем, но выступал строителем некоей утопии, будь то православное царство «Новый Иерусалим», коммунистический рай на земле или общество капиталистического изобилия.

Предназначение России усматривалось в спасении мира, провозглашении нового слова. «Святая Русь», «Белая Индия», «Православная Гиперборея», «Третий Рим», «Родина мирового пролетариата» являлись определениями национальной субстанции. В то же время «Святая Австралия» или «мессианство швейцарцев» звучало бы как абсурд.

Термин «бунт» в шпенглеровской формуле подразумевал синтез анархизма и соборности. Не приемля политический анархосиндикализм западного образца, русская мысль тяготела к анархизму как восстанию против любых форм. Русская природа раздолья формировала психологию бунтаря, не терпящего формальной ограниченности как в сфере права, так и мышления. В отличие от западного русский анархизм предлагал в качестве целевой установки не свободу, а волю. Западная свобода подразумевала представительство и частную собственность, русская воля — «пугачевщину». Но воля, возведенная в абсолют, способна привести к национальному самоистреблению, и потому в качестве механизма выживания воздвигается жесткая политическая власть. По мысли Е. Н. Трубецкого, в России возможна лишь альтернатива — «жандармократия» — «пугачевщина». Попытки либерализации всякий раз приводили к хаосу и бунту. Как Стенька Разин, так и Иван Грозный являются воплощением национальной парадигмы.

Внешнему принципу организации противопоставлялась соборность как внутреннее единство. Соборность тождественна понятию «братство», дополненному сакрализацией данной общности. Государство есть «Царство Кесаря», которому противостоит «Царство Божие», потаенный град Китеж, лежащий в сфере духа, скрытый от механической фиксации. Славянофилы выступали

против введения конституции и вообще письменного права, заявляя, что нам не нужна вексельная честность западноевропейского буржуа. Они призывали строить взаимоотношения не на основе законов, а на принципах доверия. В русском правосознании «закон» и «справедливость» выступали как антиномия, в то время как на Западе их смысловое содержание совпадало. Одним из основных сюжетов русской литературы и национального предания являлась несправедливость наказания. Даже суд руководствовался зачастую не юридическими, а этическими соображениями, оправдав, к примеру, покушение В. Засулич и тем самым легитимизировав народовольческий террор.

Слово «против» в шпенглеровской формуле подразумевало выдвижение Россией некой социальной альтернативы. Альтернатива выдвигалась в отношении к претендующей на универсализм западной модели жизнеустройства.

Идея античности, как и Ренессанса, заключалась в антропоцентризме, что обусловило развитие политического либерализма и частного права в культуре западного мира. Бунт против античности выражался: 1) в коллективистском и 2) в патерналистском характере русской ментальности. Русское социокультурное восприятие было общинным, в качестве его структурной единицы выступал не индивид, а социум.

Развивая мысль о соотношении традиций государственности с базовыми ментальными основаниями народного бытия, можно обнаружить цивилизационную вариативность преломления идеи семьи как прообраза государства. Интерес в этой связи может представлять идея этнопсихологов о трех цивилизационных комплексах, преломляющихся через семейно-брачную сферу: комплекс Эдипа, комплекс Ореста и комплекс Рустама. Комплекс Эдипа — это грех отцеубийства, идентифицируемый с Западной Европой. Следствием убийства отца явилось формирование европейского освобожденного человека. Комплекс Ореста — это комплекс матереубийства, характеризующий путь исторического развития американского общества. Разрыв с родиной, с традицией сублимировался через комплекс убийства матери. Здесь же можно вспомнить и отношения к индейцам как носителям традиционной культуры, связи с матерью-природой. Вместо гоним

(рождения) американская цивилизация развивалась по пути ургии (производства). И наконец, для ряда цивилизаций восточного типа, включая Россию, присущ комплекс Рустама — комплекс сыноубийства. Отсюда патриархальная традиция, система организации государства, идущая не снизу (от сына), а сверху (от отца). Символические фигуры русской истории Иван Грозный и Петр Первый воспринимались через прецедент убийства сыновей-отступников. Литературный персонаж Тарас Бульба также находился в данном семиотическом поле. Естественно, любые комплексы нуждаются в излечении. Но только при этом чужие психические болезни и недуги не стоит прививать к своим собственным.

В литературе сложилось достаточно устойчивое представление о том, в чем состоит миссия России в мире и российская цивилизационная специфика.

Традиционно подчеркивается особая приверженность русских к солидаризации, выражаемая в категориях «общинности», «соборности», «коммунизма», «коммунитаризма», «солидаризма» и др. Наличие солидаризационного ориентира предполагало, в свою очередь, представление о равенстве людей. Если люди не равны, то никакая общинность была бы невозможна. Идеал соборности переносился и вовне в модель всеединого человечества. Отсюда совершенно особый интеграционный тип российского имперостроительства, оппонирующий типу западных, основанных на отношениях «господство — подчинение» колониальных империй.

Наряду с соборностью (общинностью) еще одна устойчивая базовая компонента «русской идеи» — это мессианизм. Определяющее значение для позиционирования России в мире имел императив спасения человечества. И здесь «русская идея» вновь вступает в оппонирование с «западным проектом». Человечество нуждается в спасении от распространяющегося в мире зла — вот фундаментальная российская постановка проблемы миростроительства. Вместо устремлений господства над миром мессианский пафос России выражался даже в идее Великой жертвы собой ради спасения мира.

Помимо соборности и мессианства существуют и иные составляющие «русской идеи», но эти два компонента являлись конвенциональными. По этим параметрам можно было бы зафиксиро-

вать некий когнитивный «договор» в отношении России. Именно от этого представления можно выстраивать все надстоящее здание «россиеведения».

Природно-климатический фактор и цивилизационные модели хозяйствования: географические основания России

Природная среда выступает важнейшим фактором формирования специфической модели национальных экономик — цивилизационной системы хозяйствования. Рассмотрим его действие на примере России. Очевидно факторное значение для нее особых климатических условий. Они в значительной мере предопределяли характер трудовой ритмики традиционного крестьянского хозяйства. Европейский работник трудился равнодинамично в течение почти всего года. Сравнительно мягкая европейская зима сглаживала сезонные различия трудовых затрат. Совсем другое дело — контрастный континентальный климат России. Доля труда в летнем бюджете времени русского крестьянина была более чем в два раза выше, чем в зимнем. Крестьянское хозяйствование функционировало в режиме календарных рывков.

Исследователи русского крестьянского мира пишут о закреплении сезонной ритмики труда в структуре национального менталитета в целом. Весь ход отечественной истории разворачивался, по существу, в режиме рывков. Указанная специфика национальной ментальности дает реалистические основания для выработки стратегии форсированных экономических прорывов. Далеко не ко всем мир-экономикам она ментально применима. Режим рывков предполагает особый формат управления, традиции сильного государства и коллективистско-общинные механизмы организации труда. Нужен особый командный импульс, пробуждающий Россию от зимней хозяйственной спячки.

Цивилизационно-страновое сравнение бюджета трудового времени крестьянских хозяйств позволяет также опровергнуть сформировавшийся на Западе стереотип о традиционной русской лени. Русский крестьянин работал в течение года даже больше ев-

ропейца. Снижение его рабочей ритмики в зимний период связано с адаптированным к природной среде релаксационным механизмом максимального восстановления физических и эмоционально-психологических сил организма (Рис. 3).

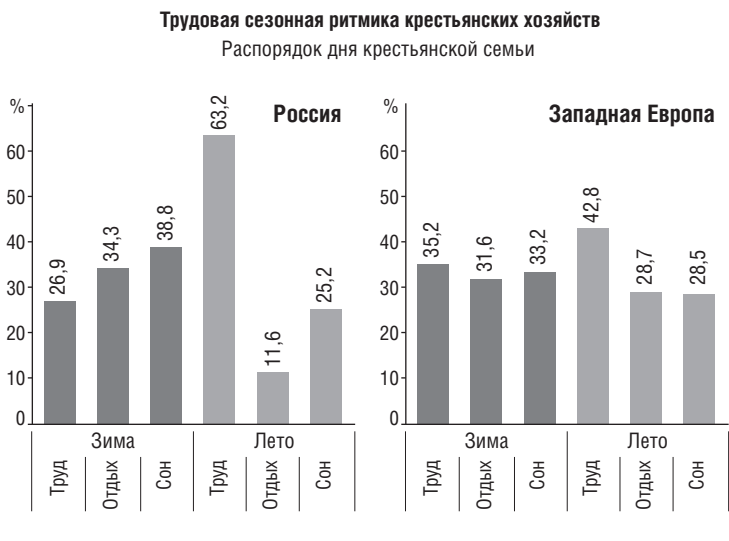

Рис. 3. Сравнение трудовой сезонной ритмики крестьянских хозяйств в России и Европе

В специфических российских природных условиях для развития промышленной сферы, науки и культуры, а по большому счету для выживания России, требовалась выработка особых форм социальной организации. Ее специфические черты — более высокий в сравнении с другими регионами мира оптимум автаркичности, этатичности, общинности. Российская природа в значительной мере задавала характер формируемой исторически цивилизационной модели.

Общинное мироустройство

Русская крестьянская община «мир» исторически являлась традиционным, органическим, цивилизационно-идентичным для

России институтом самоуправления. Определенное время в отечественных общественных науках доминировало представление об общинах как препятствии социального развития. Однако современный опыт ряда восточных государств указывает на принципиальную возможность осуществления развития с опорой на общинные традиции. Целесообразно говорить о двух моделях модернизации: одна осуществлялась через репрессинг в отношении общины, другая — через использование общины в качестве инструмента мобилизации. Указанный опыт позволяет вновь вернуться к вопросу об общинной (или квазиобщинной) модели развития. Особого внимания заслуживает связь между общиноцентризмом и солидаристским социальным проектированием.

Начиная с дискуссии славянофилов и западников феномен крестьянской общины находился в центре полемики о самобытности русского народа. Через него выражалась коллективистская ценностная парадигма национального бытия. Фиксируемый в других цивилизациях институт общины не имел той установки на воплощение идеи коллективизма, как русский «мир». Понятие «община», введенное в научный оборот в рамках решения задачи описания универсальных форм жизни традиционного общества, не полностью отражает специфичную сущность мироцентричной организации жизни русского крестьянства.

После революции «мир» с той или иной степенью успешно был подменен колхозом. Традиционная ценность общинности (коллективизма) нашла в советское время модернизированную форму выражения. Важно, что, несмотря на произошедшую трансформацию, она была сохранена и даже вынесена в качестве одного из главных принципов новой идеологии. Следовательно, общинность, сохраняемая при всех инверсиях моделей государственной организации, есть базовая системообразующая ценность российской цивилизации. Н. А. Бердяев писал о «русском коммунизме» как об основе национального бытия России, сложившейся задолго до появления самих теоретиков коммунистического концепта. Сегодня понятие «коммунизм» прочно ассоциируется с советским периодом российской истории, ввиду чего более целесообразно было бы говорить о ценности русского мирообщинного строительства.

Даже представление о спасении души испытало на себе воздействие миробщинных ценностных установок. Для западного христианства акт спасения индивидуален. Праведные дела творятся в конечном итоге для себя. На этой мировоззренческой основе и базируется собственно западный индивидуализм. Другое дело в России. Спасение души обретается не в одиночку, а всем миром.

«Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, — писал консервативный экономист С. Ф. Шарапов, — и стало Великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех Славянских племен не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства... Община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий...» Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомоществования всем миром отдельным крестьянским хозяйствам. Другим ее назначением являлось решение социальных задач, что соотносилось с критериями социализированного типа экономики (рассмотрение экономических успехов с точки зрения социальной справедливости). Даже западник А. И. Герцен отмечал опровержение русской общинной системой хозяйствования теории мальтузианства.

Общинное миростроительство в России не ограничивалось рамками сельской общины. Идея общинности, коллективизма определяла принципы трудовой организации на промышленных и промысловых предприятиях. Ценностные принципы общинности реализовал, в частности, феномен артели. Характерна в этом отношении оценка А. И. Герцена, считавшего ее передвижной общиной.

Русская артельность совершенно не вписывается в созданную в западническом дискурсе конструкцию «азиатского способа производства», сводящую происхождение общинного хозяйствования на Востоке к задачам ирригационного земледелия. Для К. Маркса индийская община была не более чем элементом государственной эксплуатации народа. Однако артель создавалась не иначе как на добровольных началах. Артельные принципы организации труда обнаруживаются на предприятиях дореволюционной России повсеместно вне зависимости от наличия официальных артельных уставов.

Видимо, игнорирование властями принципа артельности, самоорганизации русских рабочих явилось одним из недоучтенных факторов пролетарской революционности в России в начале XX в. «Жизнь, — писал исследователь феноменологии артельного труда М. Слобожанин, — конечно, далеко не всегда осуществляла во всей полноте именно такие основы артельных организаций, какие... они были в идеале, созданном народным творчеством, к таким он стремился в своих исканиях правды жизни и ради этой правды не мог отказаться от них. В этих идеалах воплощал он не только стремление к улучшению своего материального положения, но и стремление личности к освобождению... к равноправию, к народоправию и сознательности, к уважению человеческого достоинства в себе и других, к дружбе, братству и т. д. Все эти прогрессивные течения, оставшиеся таковыми до сих пор, народ облек без посторонней помощи в понятие об идеальной артели, и, естественно, крепко держался за нее, и, несомненно, будет неуклонно идти к ней до тех пор, пока она не станет для него действительностью, реальностью».

Могут возразить, что идеалу равенства в России противоречила реальная феноменология неравенства. Иерархичность российского государства общеизвестна. Образ властной пирамиды в России использовался как нарицательное обозначение. Пропась между народом и высшими этажами власти была действительно разительной. Крылатой стала фраза В. Гиляровского: «В России две напасти, внизу — власть тьмы, вверху — тьма власти». Однако в российской сословной иерархии была своя специфика. Разные сословия не являлись различными антропологическими типами. Согласно идеологии русского крепостного права государственное «тягло» имело всесословный характер.

Дворянство в России и шляхетство в Речи Посполитой, несмотря на эквивалентность социально-экономического положения, представляли различные типы самоидентификации. Дворяне позиционировались прежде всего как слуги государевы. Они не были аристократией в западноевропейском понимании. Отсюда не случайно утверждение ряда мыслителей о том, что в России не сложился феномен аристократизма. В. О. Ключевский ссылался на высказывания поляков, что в Москве управляют му-

жики. Принципиально иначе, чем российское дворянство, самопозиционировалась шляхта. Не шляхтичи несли государево тягло, а сам польский король являлся по законам Речи Посполитой представителем интересов аристократии. Шляхетское позиционирования выработало эпитеты «белая кость», «голубая кровь» и т. п. Они подчеркивали не просто более высокий социальный статус, но различия антропологического характера.

Часть российского дворянства пыталась подражать польской шляхте. Это был императив моды. Перенос западной аксиологии действительно привел к значительным деформациям традиционного русского понимания всеединства человечества. Но подражание осталось подражанием, не приведя к изменению сущности модели. Даже когда Петр III предоставил дворянам право не нести государственную службу, вместо благосклонного принятия преференции в дворянской семье зародилось движение за отмену крепостного права среди крестьян. В XIX веке оно приобрело широкий размах. Мотив справедливости оказался значимее мотива сословного интереса.

Но жесткая модель социальной иерархии (принципиально, что не антропологической) существовала фактически во всей российской истории. Как этот иерархизм мог в таком случае соотноситься с идеей равенства? Нет ли здесь противоречия?

Противоречие действительно существует. Но оно было заложено в самой природе российской цивилизации. В России фактически сосуществовало параллельно два мира. Один был мир общинный, второй — мир государственный.

Община сама брала на себя функции, возлагаемые на Западе на органы государственной власти. Такое положение определялось в значительной мере масштабами российских территорий. Общинный мир был до известных пределов социально изолирован. Он не включался соответственно, как на Западе, в единую систему общественной иерархии. «Итак, — рассуждал о двух мирах русского бытия исследователь национальных типов сознания Г. Д. Гачев, — в русском Космосе три главных агента истории: Россия — мать-сыра-земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство — Кесарь. И оба начала ей необходимы. Народ — это тот малый, что протягивается по горизонтали: из Руси — всю

Россию собою покрыть напрягается, хотя и убогий числом — населением: мал да удал! Но — и бегл, не сидит — стоит на месте. Потому и понадобилось жесткое начало власти, формы, порядка — и оно, естественно, с Запада натекло. Оттуда же — индустрия (огне — земля промышленности) и город. Народ — воля, а Государь (-ство) = закон. Меж ними — Психея России, душа русской женщины».

Именно в общинном мире идея христианского равенства легла в основание модели жизнеустройства. Само название доминирующей массы населения «крестьяне» было производно от «христиане». Община в России называлась «мир», подразумевая, что она выстраивается по принципам должного для христианской этики миростроительства. Для сравнения: в Западной Европе община обозначалась понятием *civis* и связана с идеей нормативизации гражданских отношений. От *civis* было исторически производно понятие «цивилизация», которое в западном категориальном словаре противопоставлялось «дикости» и «варварству», подчеркивая должную степень общественной развитости.

Идея социального иерархизма вместо социального равенства доминировала в ином российском континууме, а именно в сфере государственного служения. Жесткий иерархизм был объективно необходим в специфических средовых условиях бытия России. Другое дело, что отрыв этой сферы от народной жизни приобрел на определенной стадии исторического развития критический характер.

П. Б. Струве определил этот отрыв понятием «отщепенство». Возникла реальная угроза утраты элитой цивилизационной русской идентичности. Для значительной части дворянства, как известно, русский язык не являлся родным языком. Потребовался жесткий русификаторский курс Николая I, чтобы предотвратить окончательную космополитизацию правящего класса. Через утверждение в новой идеологии принципа народности проводилась идея, что не элита, а именно народ с его ценностями, основанными на православии (базовом компоненте уваровской триады), является главным содержанием государства. Государственные институты с соответствующими иерархическими уровнями нужны для того, чтобы воплотить в практическом смысле идеалы

народной жизни. Акценты были расставлены. Для элиты в предлагаемой модели христианского общежития места не находилось. Только царь и народ. Впоследствии И. Л. Солоневич определил эту модель понятием «народная монархия», считая ее русским идеалом общежития.

Формулируемые перед страной вызовы модернизации предполагали ломку структур изолированных миров. На повестке стоял вопрос о формировании нового типа социально мобильного общества. Соответственно, актуализировалась проблема сведения двух русских миров в рамках единой общественной системы. Но какова должна быть платформа единого российского общества?

В одном случае за основу могла быть взята модель общинного жизнеустройства, в другом — дифференциации на элиты и массы по критерию социальной успешности. Такой проблемы для западного социогенеза не было. Смена модели на Западе при переходе от традиционного общества к обществу «современного» типа состояла лишь в смене элитаристских группировок, но не в отмене самой системы неравенства. Для России проблема возможности переноса на государственность аксиологического комплекса народного бытия являлась главным вопросом всей обществоведческой рефлексии.

Одно направление общественной мысли исходило из представления о принципиальной неприемлемости такого переноса. Для него народная общинность была синонимична отсталости. Попытка упразднения общины П. А. Столыпиным была политической реализацией данного подхода.

Второе направление, напротив, именно в сохранившейся русской общинности видело основы будущего общественного жизнеустройства. Община, заявляли народники, есть ячейка социализма. Ее значение при переходе к социалистическому обществу — общемировое.

Третье направление искало новые формы коллективистской организации. Хотя крестьянская община и признавалась социальным рудиментом, но выдвигались максимально адаптивные к традициям общинности, основанные на принципах коллективизма модели жизнеустройства. Логическим завершением обществен-

ной рефлексии о соединении традиционного коллективистского начала «русского мира» с идеей развития стал Советский проект.

Показательно в плане этой связи название книги Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Коммунизм в России определялся в ней как русское национальное явление, имеющее глубинные исторические истоки. Коммунистическая идеология не была, таким образом, производной от марксизма. Напротив, марксизм получил распространение в России именно в силу совпадения его коллективистского пафоса с парадигмой «русской идеи».

Тема равенства задавала, таким образом, основу российской общественной рефлексии. Поиски моделей ее воплощения прослеживаются во всей истории России.

Ценностные ориентиры в народном сознании

Тысячелетиями народы вырабатывали опыт бытия, закрепляя в передаваемых из поколения в поколение традициях то, что факторно обеспечивало их жизнеспособность, и отсеивая посредством табу и исторического забвения деструктивный опыт. Это был многовековой процесс эмпирического накопления знаний об оптимальных принципах существования. Достигнутое понимание фиксировалось в том числе в устном народном творчестве (мифы, предания, сказки, пословицы, поговорки, наставления, песни, притчи и т. п.). Творцом в данном случае выступал Народ как коллективный Разум, рефлексия которого осуществлялась в практической деятельности.

Народная мудрость — это не только метафорическая категория. Речь идет об аккумуляторе высших ценностей человеческого бытия. Соответственно, в народной мудрости запечатлелись базовые ценностные элементы русской (российской) национальной общности.

Бесспорно, что многие русские ценностные ориентиры обнаруживаются в арсенале народной мудрости и других цивилизаций. Некоторые интенции совпадают даже текстуально. Данные совпадения свидетельствуют о том, что существуют базовые ин-

тегральные ценности, актуальные применительно к задачам обеспечения жизнеспособности каждого народа. Однако при детальном сопоставлении выявляются расхождения в их акцентировке и содержательной интерпретации. Эти различия создают индивидуально неповторимый аксиологический облик народов. Особо наглядно данное положение фиксируется при сравнении русских ценностных филологом с рядом пословиц американского народа (Табл. 1).

Табл. 1. Американские пословицы, диссонирующие с русскими ценностными ориентирами

Пословицы	Комментарий
«Дурак легко расстаётся с деньгами».	Ценность денежного успеха. Бедность аксиологически приравнивается к порокам.
«Легкий кошелек — тяжелое проклятие».	
«Когда кошелек легок — на душе тяжело».	
«Лучше вызывать в людях зависть, чем жалость».	
«У кого кошница полна, у того и друзей хватает».	
«Изобилие не беда».	
«Пустой мешок стоять не будет».	
«Не всем дано быть руководителями».	Идея социальной конкуренции. Успех одного оборачивается поражением другого. Индивидуальная успешность как ценностный ориентир.
«Не всем дано быть первым».	
«Кто первый на холм придет, тот, где хочет, там и сядет».	

<p>«Ничто так не преуспевает, как сам успех».</p>	
<p>«Нескончаемая работа без отдыха и развлечений делает Джека скучным малым».</p>	<p>Гедонистская ценностная компонента в американской аксиологии.</p>
<p>«Кто уже ничего не желает, тот умирать начинает».</p>	
<p>«Тот, кто не хочет, когда может, уже не сможет, когда захочет».</p>	
<p>«Жизнь не все пирожки да эль (пиво да кегли)».</p>	
<p>«Лучше быть одному, чем в плохой компании».</p>	<p>Коллективизм не ценность.</p>
<p>«Лучше царствовать в аду, чем прислуживать в раю».</p>	<p>Идея социального первенства индивидуума для американца факторно выше других ценностных ориентиров, включая религию.</p>
<p>«Обычай — наказание для умных и предмет поклонения для дураков».</p>	<p>Антитрадиционализм американской культуры. Восприятие традиции в качестве препятствия развитию.</p>
<p>«Тот дурак, кто о себе не помнит».</p>	<p>Эгоцентричная парадигма. В центре американской аксиологической системы — «Я».</p>
<p>«Почеши мне спину, тогда и я твою почешу».</p>	<p>Социальные отношения преломляются через модель глобального рынка. Русская идея вспомоществования невозможна.</p>
<p>«Самоуверенность приносит успех».</p>	<p>Экстравертность. Характерная для русского менталитета рефлексия самопознания рассматривается в американской культуре как препятствие к достижению успеха.</p>
<p>«Кто всем служит, тому никто не платит».</p>	<p>Отрицание идеи альтруистического служения людям.</p>

«Тот, кто всем угождал, умер раньше, чем появился на свет».	
«Сделано на пени, нужно сделать и на фунт».	Оценка любой деятельности в денежном эквиваленте.
«Если человека оболещь грязью в достаточной степени, что-нибудь да пристанет».	Отношение к человеку формируется имиджем.
«И один цыпленок доставляет насадке много хлопот».	Дети как социальная обуза.
«Дети — богатство бедняков».	
«Приходится, когда черт гонит».	Объективная необходимость может служить оправданием пороков.
«За распятием сатана прячется».	Скепсис в отношении морального ригоризма.
«Черт, осуждающий грех».	
«Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин».	Утилитарное мышление, жизнь сегодняшним днем; отрицание ценности надежды как проявления отвлеченной мечтательности.
«Надежда — хлеб бедняка».	
«Хорошо пляшет тот, кому судьба подыгрывает».	Кальвинистская идея индивидуального избранничества.
«Либо сделай, либо испорть».	Деятельная парадигма американской ментальности (не тождественна трудовой парадигме). Американский авантюризм. Риски конкурентной борьбы. Самореализация в деятельности важнее заключенного в ней общественного блага.
«Либо вылечить, либо отправить на тот свет».	
«Либо добыю, либо себе шею сверну».	
«Тот, кто безупречен, тот и бездеятелен».	

Угроза цивилизационных войн

История России — это история непрекращающихся войн. По подсчетам С. М. Соловьева, с 1055 по 1462 г. Русь перенесла 245 нашествий. За период с 1365 по 1893 г. 305 лет Россия провела в войне. Когда боевые действия непосредственно не велись, над Россией фактически всегда нависал дамоклов меч военной угрозы.

Формы и технологии ведения войн в современную эпоху существенно изменились. Войны нового типа характеризуются как информационно-психологические, но существо угроз в отношении России это не меняет.

Главная угроза для российской цивилизации на всем ее историческом существовании исходила от Запада. Даже в периоды нашествий кочевников с Востока именно Запад представлял для России основную опасность. Агрессия Запада была цивилизационным вызовом. На кону находилось само существование русской (российской) цивилизации.

То, что именно Запад выступал агрессором в отношении России, а не наоборот, признавали и многие западные мыслители. Среди них А. Дж. Тойнби — один из основоположников цивилизационного подхода. Научная честность не позволила ему поддержать популярную в рамках западной пропаганды тему «русского империализма». Именно западная опасность являлась, согласно А. Дж. Тойнби, тем цивилизационным вызовом, который в качестве ответа обуславливал мобилизацию России в ее великих исторических свершениях. «На Западе, — писал он, — бытует понятие, что Россия — агрессор. И если смотреть на нее нашими глазами, то все признаки налицо. Мы видим, как в XVIII веке при разделе Польши Россия поглотила львиную долю территорий, в XIX веке она — угнетатель Польши и Финляндии и архиагрессор в послевоенном сегодняшнем мире. На взгляд русских, все обстоит ровно наоборот. Русские считают себя жертвой непрекращающейся агрессии Запада, и, пожалуй, в длительной исторической перспективе для такого взгляда есть больше оснований, чем нам бы хотелось... Сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы

русских над шведами и поляками в XVIII веке — это лишь контр-наступление ... В XIV веке лучшая часть исконной российской территории — почти вся Белоруссия и Украина — была оторвана от русского православного христианства и присоединена к западному христианству ... Польские завоевания исконной русской территории ... были возвращены России лишь в последней фазе мировой войны 1939–1945 годов. В XVII веке польские захватчики проникли в самое сердце России, вплоть до самой Москвы, и были отброшены лишь ценой колоссальных усилий со стороны русских, а шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье до северных пределов польских владений. В 1812 году Наполеон повторил польский успех XVII века ... Германцы, вторгшиеся в ее пределы в 1915–1918 годах, захватили Украину и достигли Кавказа. После краха немцев наступила очередь британцев, французов, американцев и японцев, которые в 1918 году вторгались в Россию с четырех сторон. И наконец, в 1941 году немцы вновь начали наступление, более грозное и жестокое, чем когда-либо. Верно, что и русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами ... Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации».

Россиефобия являлась исторически устойчивым основанием формируемого западной пропагандой образа России. Конечно, среди европейских и американских мыслителей часто обнаруживались и русофильски ориентированные фигуры, такие как В. Шубарт. Но доминирующим на Западе всегда было именно течение, продуцирующее фобии в отношении российской цивилизации. Ведущими мотивами антироссийской пропаганды являлись идеологемы о варварстве, рабстве, империалистичности русского народа. Проводилась мысль о врожденности этих качеств, принципиальной неперестраиваемости России.

И. А. Ильин подчеркивал, что Запад вел борьбу не против самодержавия или коммунизма, а против самой России. «Евро-

пе, — писал он, — не нужна правда о России, ей нужна удобная о ней неправда. Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать ее по-своему»; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; реакционная — чтобы оправдать для нее революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающаяся — чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная — чтобы претендовать на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии».

Но не то же ли самое обнаруживается и сегодня? За критикой «режима» латентно проявляется основной адресат, против которого ведется борьба, — сама Россия.

Чем же определялась западная враждебность в отношении России? Именно Россия исторически являлась главным препятствием на пути мировой глобализационной экспансии Запада, реализации западного проекта. Отсюда устойчивое стремление устранения этого препятствия. Отсюда же развитие комплекса россиефобии ввиду обнаруживаемой невозможности данное препятствие устранить.

Специфика систем жизнеобеспечения российской государственности

Специфичность цивилизаций состоит не в различии самих ценностей, а в различии форм их воплощения. Эти формы, собственно, и задают самобытность цивилизационного бытия. Так, к примеру, ценностная значимость идеи коллективизма обнаруживается в каждой из цивилизаций. Однако исторически одни из цивилизационных общностей оказывались более коллективистки ориентированными, другие — индивидуумно-ориентированными. Различались, соответственно, и формы воплощения указанной ценности. Различия эти проявились, в частности, в специфичности институтов социальной самоорганизации.

Специфичность форм воплощения ценностей производна от средовых условий бытия. Генезис цивилизаций связан с опре-

деленным географическим ареалом, особым этническим составом населения и внешним окружением. Цивилизационная среда, соответственно, формируется через уникальный набор факторов исторического месторазвития. Для специфичных средовых условий существует свой адаптационный оптимум институциональных форм и механизмов. Отступление от него, увлечение иносистемными экстраполяциями объективно ведет к снижению жизнестойкости всей системы. Не единожды предпринимаемые попытки перестроить Россию по западным лекалам оборачивались системными провалами. Очередная попытка такого рода была предпринята в ходе неолиберального реформирования. Построить новую систему жизнеобеспечения так и не удалось, и страна функционировала исключительно за счет действующих по инерции традиционных механизмов и накопленных в прежние периоды потенциалов (Табл. 2).

Табл. 2. Инверсия систем жизнеобеспечения государства

Система	Традиционная модель	Экстраполируемая модель
Государственная власть	Автосубъектная («самодержавная») идеократия.	Либеральная демократия.
Партийная система	Партия как заменитель Церкви на этапе модернизации; партия как носитель функции государственной идеологии; сращивание партийного и государственного аппарата.	Многопартийность (лучше — двухпартийность) как критерий демократии.
Национальная система	Полиэтнизм традиционных империй: русское государствообразующее и духовнообразующее ядро (при зачислении в русские вне зависимости от крови), сочетаемое с многоцветием этнических идентичностей.	Гражданская нация; модель этнического котла американской гражданственности.

Экономика	Этатистско-общинная модель хозяйствования, базирующаяся на коллективистских традициях организации труда в России.	Открытая экономика рыночного хозяйствования, основанная на принципах индивидуальной конкуренции экономических субъектов.
Культура	Культура внутреннего переживания, служащая задачам духовного развития личности.	Культура шоу, служащая задачам реализации человека.
Армия	Народная армия, формируемая через ценностную парадигму «ополчения»; принципиальная роль штатского резерва.	Профессиональная армия, формируемая через архетип воина-легионера.
Школа	Преимущественно воспитательное учреждение; репродуцировался тип церковной школы; учитель как воспитатель; общеобразовательный принцип.	Школа как учреждение образовательного сервиса; клиентелистские отношения учитель — ученик; специализированный принцип.
Высшее образование	Преимущественно фундаментальное образование; репродуцирование типа христианского позднесредневекового университета.	Обучение стандартам: модель «коммерческого университета».
Здравоохранение	Государственная система медицинского обслуживания, восходящая к традиции созданного в XVII в. Аптекарского приказа.	Частная страховая медицина.
Наука	Государственная система научно-исследовательских институтов.	Наука как вариант бизнеса; особое значение менеджерских услуг в продвижении научного продукта.
Церковь	Выстраивается сверху (от Бога) вниз (к людям);	Выстраивается снизу как религиозное объединение.

	иерократический иерархизм; значение обрядовой традиции.	ние; церковь — один из видов общественной организации; значение индивидуального религиозного опыта.
Семья	Трехпоколенческая модель организация семьи.	Парная контрактная семья.
Собственность	Традиция трудовой функциональной собственности, переносимой на идеологию «общенародной собственности» в советский период.	Частная собственность.
Социальная защита	Система государственных льгот; государство берет на себя расходы граждан.	Система социального страхования; граждане посредством отчислений обеспечивают свое благополучие при утрате трудоспособности.
Аграрный сектор	Общинное (колхозное) хозяйство.	Фермерское хозяйство.
Суд	Народный суд, выносящий решение исходя из критерия социального гуманизма.	Профессиональный суд, выносящий решение исходя из состязательного поединка сторон в трактовке законодательства.
Система общественного порядка	Двухуровневая — государство в лице МВД и народ в лице народных дружин, милицейская модель.	Полицейская модель преимущественного функционального подчинения органов общественного порядка.
Спорт	Идеология командного духа; верность команде; в командных видах спорта акцент на игру в пас; ведомственный принцип организации клубов.	Идеология спортсмена-профессионала, способного выступать за любой клуб; акцент на демонстрацию индивидуальных качеств и заработок; регионально-муниципальный принцип организации клубов.

Жилищно-коммунальное хозяйство	Государственная система жилищно-коммунального обеспечения.	Ассоциативная контрактная модель обеспечения ЖКХ.
Общественное питание	Производственные столовые, репродуцирующие модель коллективной общинной трапезы.	Система быстрых уличных закусочных.

Базовые аксиологические компоненты российской цивилизационной общности

Существует устойчивая связь определенных компонентов культуры, оказывающих наиболее осязаемое влияние на состояние российской государственности. Эти компоненты есть факторы государственной жизнеспособности. Они закреплялись на уровне коллективной памяти в качестве ценностей и передавались исторически посредством традиций (Табл. 3).

Табл. 3. Ценностные основания российской цивилизации

Базовые ценности	Российское цивилизационное преломление
Труд	<ol style="list-style-type: none"> 1) трудовая этика; 2) эстетическая привлекательность труда, трудовой подвиг; 3) корпоративно-коллективистские формы хозяйствования; 4) трудовое воспитание; 5) осуждение тунеядства; 6) неприятие неограниченной ренты и спекулятивной деятельности; 7) преимущественное значение нематериальных мотиваторов труда.
Духовность	<ol style="list-style-type: none"> 1) вера; 2) идея коллективного (а не индивидуального, как на Западе) спасения; 3) совесть;

	<ul style="list-style-type: none"> 4) чувство стыда; 5) неразделенность религиозного и мирского; 6) деятельное понимание спасения, отсутствие предопределенности, спасение как награда за праведные дела.
Коллективизм	<ul style="list-style-type: none"> 1) наличие солидаризационной государственной идеологии; 2) традиции, ценностное преемство; 3) сакральность государственной власти; 4) цивилизационный оптимум этажности; 5) центростремительные ориентиры провинции; 6) этика общественного долга; 7) осознание национального единства; 8) национально ориентированная элита; 9) национально ориентированная интеллигенция; 10) государственно-центричная семиосфера; 11) мобилизационный потенциал общества; 12) единое языковое пространство; 13) общность национального континуума; 14) цивилизационный оптимум автаркичности; 15) матрешечная самоидентификация: цивилизационная — национальная — профессиональная — фамилно-родовая идентичности; 16) наличие государствообразующего народа; 17) наличие государствообразующей религии; 18) коллективистские ценностные ориентиры; 19) священность воинской службы; 20) сакрализация государственной символики; 21) сакральность территории, представление о нерушимости границ; 22) минимизация факторного воздействия маргинальных групп.
Нематериальные ценности	<ul style="list-style-type: none"> 1) четкость дифференциации добра и зла; 2) ценность исторического прошлого; 3) идеократичность; 4) неприятие гедонизма; 5) духовные основы учительско-ученической коммуникации; 6) нестяжательство, осуждение сребролюбия и мздоимства; 7) духовный стержень национальной культуры; 8) осуждение роскоши;

	<p>9) представление о тщетности богатства; 10) духовная правда («Не в силе Бог, а в правде»).</p>
Семья	<p>1) межпоколенческое преемство; 2) традиционное гендерное ролевое распределение (мужчина — добытчик, защитник; женщина — хранительница очага); 3) трехпоколенческая модель традиционной российской семьи; 4) сакрализация материнства; 5) сакрализация детства; 6) ценность многодетности; 7) общественное коллективное воспитание детей (в отличие от модели индивидуального воспитания); 8) почитание предков; 9) идеалы скромности и целомудрия; 10) коллективная забота о сиротах.</p>
Знание	<p>1) авторитет знаний; 2) авторитет фигуры ученого; 3) оптимум традиции и модернизации, преемственности и изменчивости; 4) изобретательство; 5) фундаментальное образование; 6) недогматизированность.</p>
Альтруизм	<p>1) мессианский компонент национальной идеи, обращенность к миру; 2) соборная нравственность; 3) неприятие эгоистического прагматизма; 4) самопожертвование во имя общественного идеала; 5) бескорыстие; 6) традиция политической автосубъектности.</p>
Терпимость	<p>1) многоэтничность при цивилизационной интегративности; 2) симфония народов; 3) этноконфессиональная комплиментарность; 4) социальное равенство; 5) социальный патернализм (защита слабых); 6) непротиворечивость национального менталитета в существующей модели организации государства и общества.</p>

Ценность человеческой жизни	<ol style="list-style-type: none"> 1) принятие заповеди «не убий»; 2) высокое биосоциальное качество (физическое здоровье) населения; 3) психологическая и психическая устойчивость населения; 4) коллективная забота о стариках; 5) традиция общественной скорби и помощи при похоронах.
Сопереживание	<ol style="list-style-type: none"> 1) этика вспомоществования; 2) солидаризация; 3) заступничество за слабых; 4) отзывчивость; 5) чувство сопричастности.
Творчество	<ol style="list-style-type: none"> 1) Проблемно-ориентированное развивающее обучение; 2) рациональное мышление; 3) традиция народного неалгоритмизированного воспитания (смекалка); 4) экспериментальность.
Стремление к совершенству	<ol style="list-style-type: none"> 1) ориентированность на будущее; 2) наличие пантеона героев (герои войны, герои труда); 3) высокий уровень пассионарности; 4) наличие образа праведности; 5) наличие координат национальной эстетики; 6) подвижничество и ударничество.

Исторические традиции российской государственности и модернизация

Существуют, как известно, различные модели развития. Одна реализуется через разрыв с традицией, другая, напротив, через опору на нее. Пример развития с опорой на национальные традиции представляет, в частности, Япония и Южная Корея. «Сила традиций и сила творчества в их сочетании — животворящий источник всякой культуры», — заявлял в свое время П. Н. Савицкий. Речь идет именно о сочетании традиций и инноваций в противоположность их искусственному противопоставлению друг другу.

Без традиции не может существовать никакая общественная система. Само формирование человеческого общества стало возможным благодаря появлению традиций. Именно посредством традиций человек транслировал из поколения в поколение знания и накапливаемый социальный опыт. Трансляционная функция для раскрытия категории традиция — ключевая. Соответственно, и Российское государство не могло и не может существовать в перспективе без традиций.

Но есть традиции разного уровня. Принципиально важно провести их разграничение. Высший уровень традиций — это традиции системообразующие. Отказ от них может осуществляться только через смену самой системы. Но существуют и традиции меньшей факторной значимости. Эти традиции представлены чаще всего в формате обычаев, устоев. Иногда они могут вступать в противоречие с традициями первого уровня и интересами развития страны. И тогда отказ от них целесообразен.

История представляет собой сочетание двух сущностно противоположных, но системно связанных между собой принципов изменчивости и преемственности. Преемственность и изменчивость, взятые в качестве категорий общественного бытия, раскрываются соответственно через феномены традиции и модернизации.

Изменчивость и преемственность могут быть положены в основу исторических периодизаций различных цивилизационных систем. Модернистская составляющая выражает универсалистскую парадигму развития, традиционалистская — специфическую цивилизационную.

Модернизация есть, безусловно, закономерный этап в мировом историческом развитии. Однако конкретное ее преломление существенно корректируется в зависимости от цивилизационного контекста. Уместно говорить о цивилизационной множественности моделей модернизации. Традиционное общество создавало своеобразную матрицу цивилизационного существования. Ниже с опорой на типологию, предложенную известным российским китаеведом А. С. Селищевым, идентифицируются матричные условия протекания модернизационных процессов (Табл. 4). Базовые ценностные критерии развития оказываются принципиаль-

Табл. 4. Цивилизационная матрица модернизации

Критерии	Европейско-антично-христианская цивилизация	Арабско-исламская цивилизация
Отношение к материальному успеху	Индивидуальный успех.	Материальный успех не поощряется, рецидивы восточной роскоши.
Отношение к индивиду	Индивид во все большей степени рассматривается как единица общества. Ставка на сильного индивида, на частную собственность, достоинство, свободу.	Человек — песчинка. Ставка на хорошо дисциплинированный и покорный воле старшего социум. Частная собственность. Основа общества — семья. Общая установка на общественное равенство.
Социальная мобильность	Широкие возможности проявления и квалификации в разных сферах деятельности. Высокая мобильность.	Большая мобильность (сегодня — раб, завтра — эмир и наоборот). Но все в основном зависит от удачи. Фатализм. Мобильность тормозится религиозно-нормативными ограничителями
Отношение к закону	Перед законом индивид отвечает только за себя. Рациональное правосознание.	Индивид часто несет ответственность за членов своей семьи, рода, гильдии, касты, общины. Традиционное правосознание.

Индо-буддийская цивилизация	Китайско-конфуцианская цивилизация	Русская цивилизация
<p>Высшая ценность небытия, нирвана. Материальный успех — ничто.</p>	<p>Постоянное самосовершенствование человека, включая рост материального достатка.</p>	<p>Материальный успех имеет подчиненное по отношению к социальным нормативам и идеалам значение; диспаритеты материальной успешности противоречат социальной гармонии.</p>
<p>В центре индивид, но не как свободная личность, а как обособленный человек, занятый мыслями о собственном спасении, а также спасении своей общины. Основа общества — семья.</p>	<p>Организованность и дисциплина, но организованная не на починности, а на чувстве долга. Основа общества — семья.</p>	<p>Идеал соборности. Общинно-эгалитарный критерий индивидуальной деятельности.</p>
<p>Кастовость. Отсутствие социальной мобильности. Мобильность нивелируется идеей сансары.</p>	<p>Мобильное общество несколько тормозится жесткой структурой государства (в Китае — больше, в Японии — меньше). Мобильность бюрократически-рангового восхождения.</p>	<p>Госпатернализм. Высокий уровень социальной мобильности определяется активностью государства.</p>
<p>Индивид часто несет ответственность за членов своей семьи, рода, гильдии, касты, общины. Традиционное правосознание.</p>		<p>Трактовка закона определяется высшей государственной и идеологической целесообразностью. Харизматическое правосознание. Закон может быть противоположен справедливости.</p>

Отношение к религии	Сфера религии ограничена отношениями человека со святыми. Прочие отношения не религиозны.	Важность религиозных отношений во всех сферах общества, в том числе и в экономике. Регламентационная роль религии.
Общественная активность	Усиление человеческой активности в общественных отношениях возможно и желательно.	Смирение и послушание. Повиновение перед старшими.
Отношение к политической деятельности	Большинство людей в той или иной степени вовлечены в политическую деятельность.	Заповеди ислама не препятствуют мусульманину заниматься политикой при условии подчинения ее императиву веры.

но различны в зависимости от идентифицируемой цивилизации. Для Русской цивилизации они совершенно иные, нежели, к примеру, для сообществ Запада.

Перед каждой из цивилизаций стоит выбор между двумя возможными моделями модернизации. Модернизация первого типа протекала в разрыве с цивилизационной традицией. Она представляла собой радикальный вариант общественного обновления. Данная логика развития заключалась в высвобождении из рамок традиции. Напротив, модернизация второго типа заключалась в использовании традиции в соответствии со стоящими перед обществом модернизационными задачами. Цивилизационная идентичность в данном случае не только не являлась препятствием, но служила особым ресурсом развития. Наряду с категорией «цивилизационного ограничителя» понятие «цивилизационный ресурс» отражает вариативность протекания модернизационных процессов.

Религиозный иррационализм. Бегство от мира объективизации.	Религиозные принципы как высшая целесообразность. Роль ритуала.	Идеократия. Религия имеет характер идеологии, но не бытовой нормативности.
Жесткая кастовость. Общественная активность минимальна ввиду своей бессмысленности.	Упор на общественную стабильность и порядок.	Общественная активность иницируется сверху. Воля вместо свободы.
Безразличие индивида к власти, к администрации, к государству. Политикой занимается ограниченное меньшинство населения.	Слабая политическая, но сильная социальная активность. Политикой занимается ограниченное меньшинство населения. Император выше закона. Сакрализация высшей власти.	Революции сверху. Всплески политической активизации. Персонафицированность политических ориентиров. Царистский культ. Феномен народной монархии.

Предпринятое рассмотрение позволяет констатировать, что российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационно-идентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф.

Ценности России и Запада в методике количественного анализа

Существуют различные научные школы, специализирующиеся на количественной оцифровке значимости ценностей в преломлении к различию социокультурных сред. Все они в отношении Рос-

сии сходятся в том, что ее ценностный облик разительно отличается от ценностного облика Запада. Обнаруживается аксиологическая близость друг к другу стран, принадлежащих исторически к одной религиозной традиции. Несмотря на то что многие сообщества сегодня секулярны и значительная часть населения нерелигиозна, религия оказывается важнейшим индикатором цивилизационных различий. Подход Макса Вебера, апробированный им в свое время в «Протестантской этике и духе капитализма» по сей день научно актуален.

Четко фиксируется при проводимых аксиологических замерах и кластер «православные страны». Само по себе наличие этого кластера является свидетельством существования соответствующей цивилизационной общности. Причем обнаруживается дихотомичность в системе ценностных шкал «православного» кластера кластерам «протестантские страны» и «англосаксонские страны». И эта фиксация объясняет, почему эксперимент переноса в Россию американской (шире — англосаксонской) ценностной системы мог закончиться только неудачей.

Методика количественной оцифровки ценностей школы Г. Хофстеде сложилась еще в 1970-х годах. Революционное значение имел полученный на основании ее применения вывод о том, что экономическая и технологическая развитость может достигаться на различных ценностных платформах, варьирующихся по различным типам «деловых культур». Индикаторы в системе Г. Хофстеде группируются по пяти основным параметрам: индивидуалистичность, дистанция от власти, долгосрочная ориентация, определенность будущего, маскулинность. При сравнении с другими важнейшими геополитическими факторами современного мира обнаруживается определенно особый аксиологический тип России (Рис. 4, 5).

Главное ценностное противоречие между Россией и США является в рамках оппозиции индивидуализма и коллективизма (Рис. 6). И это прямо соотносится с длительной философской традицией осмысления «русской идеи» в качестве альтернативы западному индивидуализму на основе ценности общинного коллективистского мироустройства.

Большим авторитетом в современной аксиологии пользуется фигура Шоломона Шварца из Израиля. На основе шварцевской

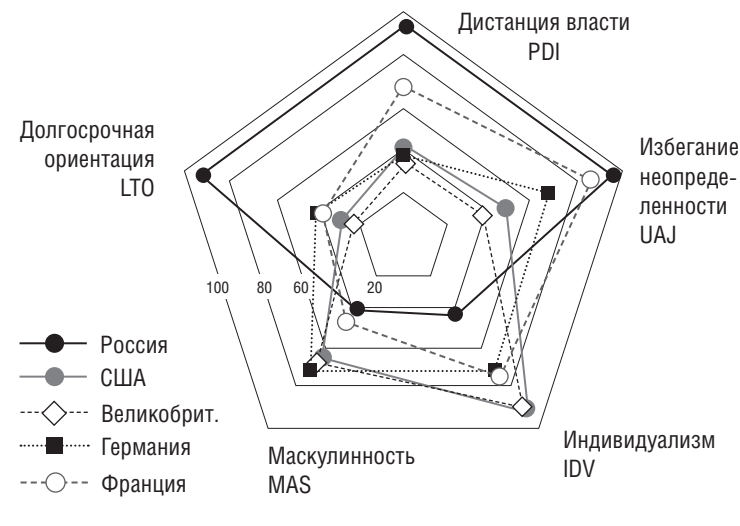

Рис. 4. Социокультурные характеристики стран мира по методике Г. Хофстеде: Россия и страны Запада

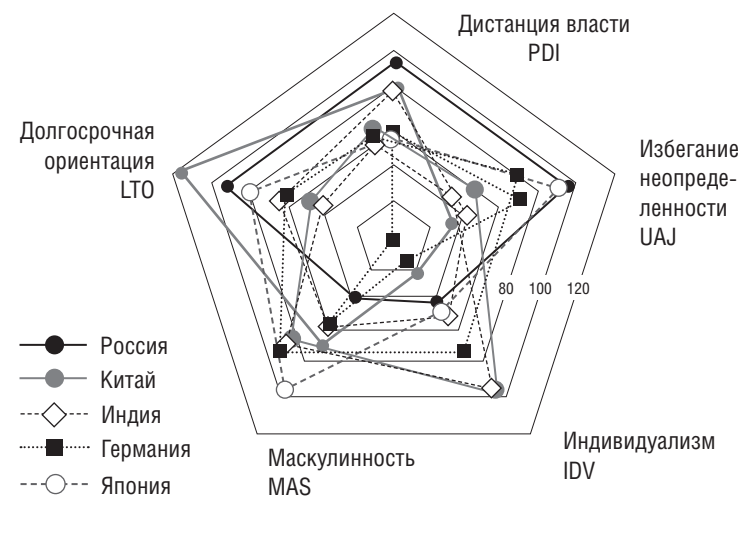

Рис. 5. Социокультурные характеристики стран мира по методике Г. Хофстеде: Россия и страны Востока

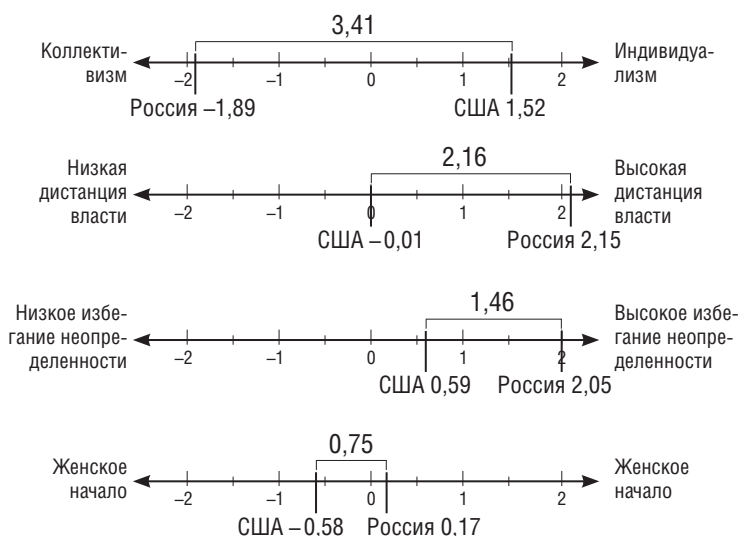

Рис. 6. Россия и США: ценностные оппозиции

методологии был реализован, в частности, проект «Европейские ценности» (Рис. 7). В рамках него социологические данные по 22 странам Европы распределялись по 15 выделенным Шварцем ценностным индикаторам. По Эстонии использовались отдельные сведения как по эстоноговорящему, так и русскоговорящему населению. Это позволило, в частности, оценить степень аксиологической близости русских, проживающих в России и за ее пределами.

По всем ценностным индикаторам системы Шварца обнаруживается четкая кластерная оппозиция групп православных и протестантских стран. Показатели России имеют устойчивое тяготение к полюсам аксиологических шкал. Положение русскоговорящих и эстоноговорящих жителей Эстонии на соответствующих ценностных шкалах обнаруживает различную кластерную принадлежность. Русскоговорящие принадлежат к православному кластеру, эстоноговорящие — к протестантскому. С католическими странами у России расхождения тоже обнаруживаются, но не имеют характера столь жесткой кластерной оппозиции, как с протестантскими.

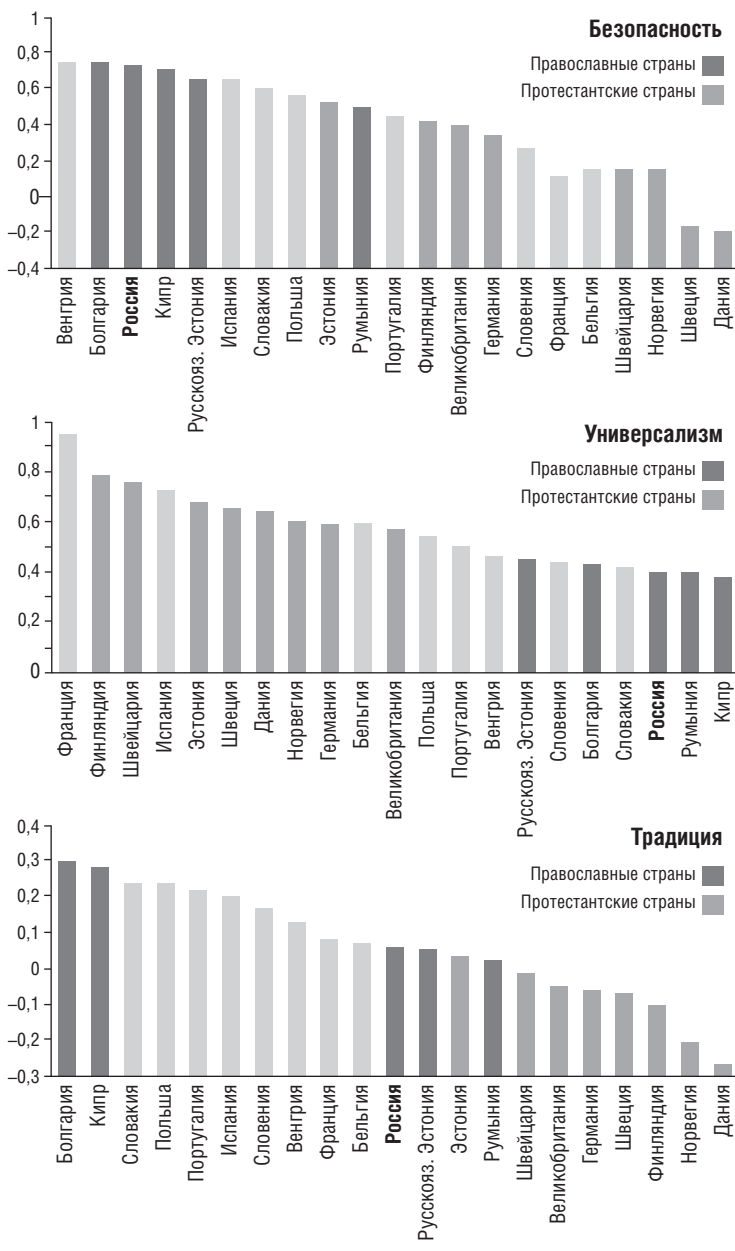

Рис. 7а. Результаты «Европейского социального исследования» (European Social Survey— ESS) (по методике Ш. Шварца)

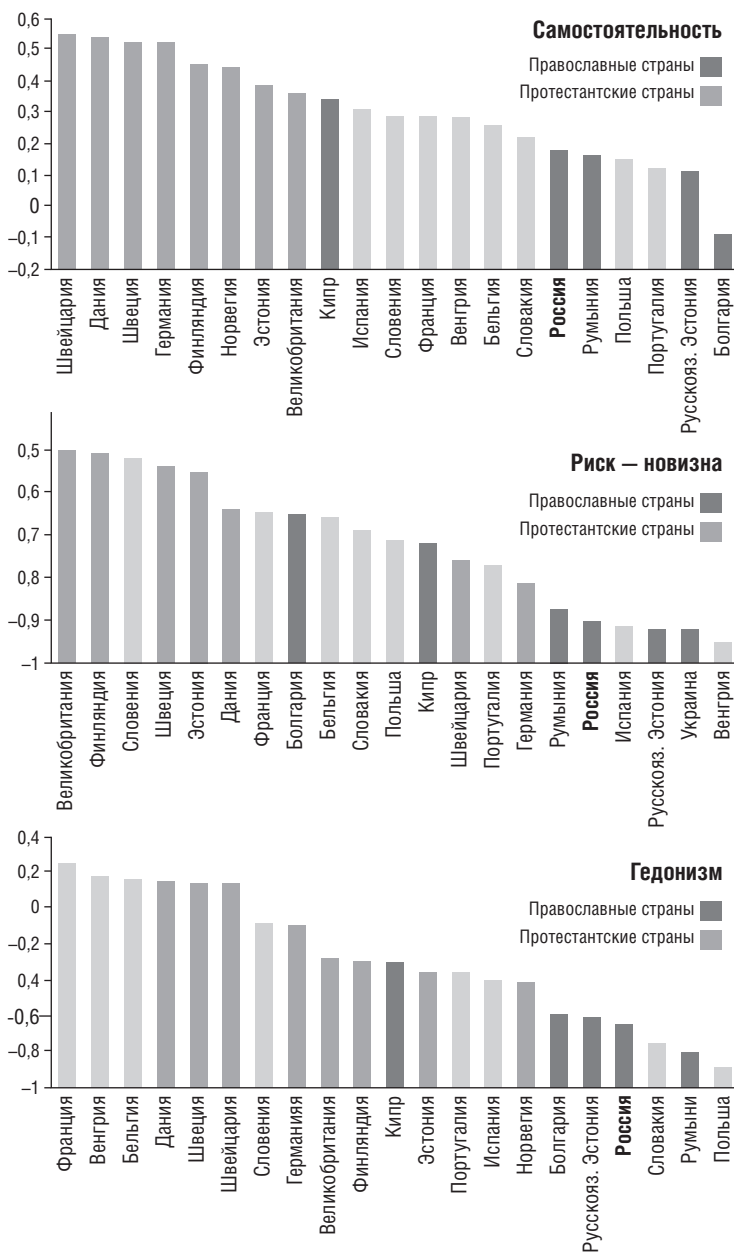

Рис. 76. Результаты «Европейского социального исследования» (European Social Survey— ESS) (по методике Ш. Шварца)

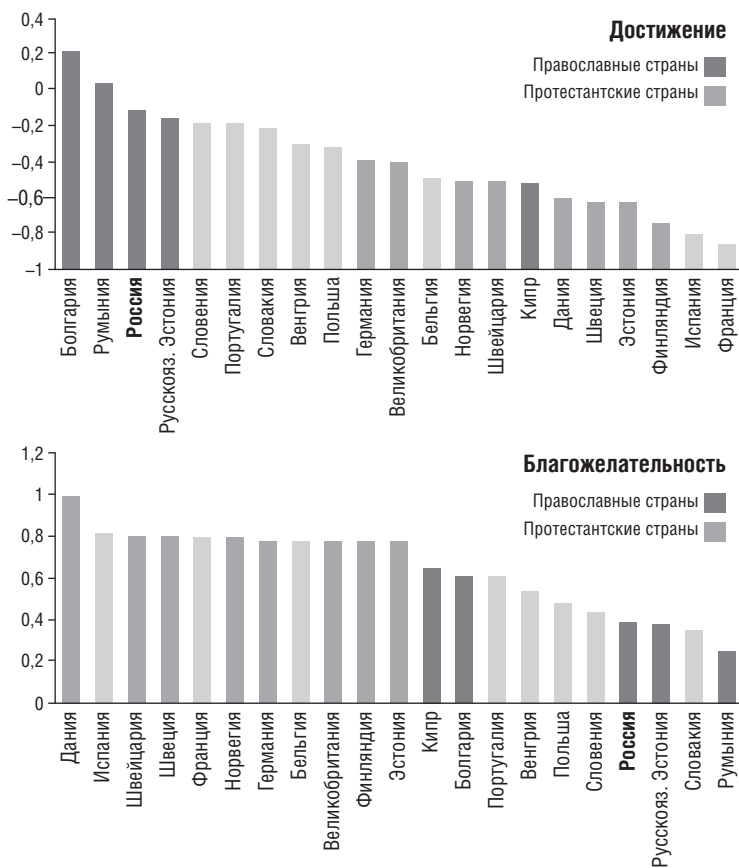

Рис. 7в. Результаты «Европейского социального исследования» (European Social Survey— ESS) (по методике III. Шварца)

Эта фиксация позволяет внести определенные уточнения в представления об исторических основаниях Россия—Запад. Протестантизм, как известно, возникает в Европе как результат реформационных процессов XVI столетия. Он вышел из недр католичества и оппонировал католической традиции. Макс Вебер прекрасно показал в свое время аксиологические различия между католиком и протестантом. До XVI века протестантского ценностного кластера еще не существовало, но ценностная оппозиция Русь—Запад насчитывала уже не одно столетие. Реформа-

ция, таким образом, явилась не только расхождением протестантов и католиков, но и отдалением части Европы от православного ценностного полюса. Запад пошел по тому самому направлению развития, правильность которого составляет сегодня основной вопрос мирового общественного дискурса. В этой связи заслуживает внимания рассмотрение темы о Реформации как культурно-генетических истоках постмодерна. Действительно, известный лютеровский принцип «каждый сам себе священник» артикулировался, по сути, как манифестация ценностного релятивизма. Та же семантика содержалась и в другой знаменитой формулировке вождя Реформации: «У меня внутри свой папа — мое Я».

Одним из наиболее масштабных проектов количественного расчета ценностной ориентированности стран мира является проект «World Values Survey». Он реализуется с 1981 года, охватывая около ста государств. Многочисленные опросные данные укладываются по системе, разработанной Рональдом Инглхартом, в рамках двух ценностных дихотомий: традиция — секулярность и коллективизм — индивидуализм. Страны, принадлежащие к различным цивилизационным ареалам, четко кластеризуются, подтверждая правильность применяемой методики расче-

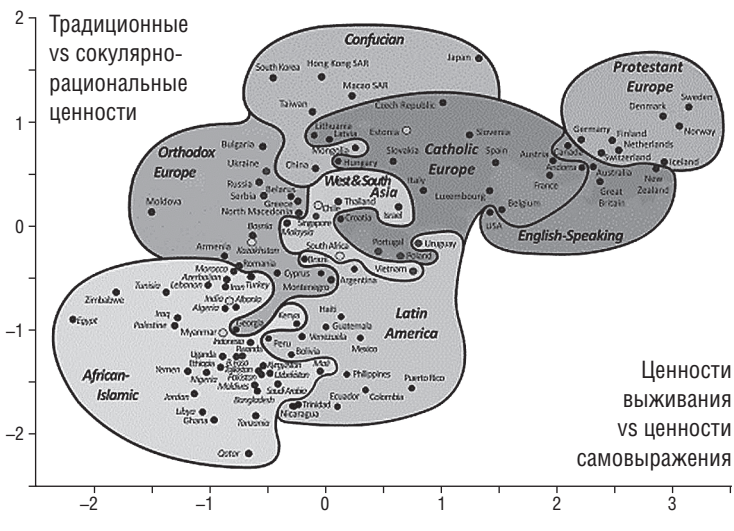

Рис. 8. Цивилизационные кластеры мировых ценностей

тов. Россия и весь «православный» кластер стран оказываются в ценностном отношении наиболее отдалены от кластеров «протестантского» и «англосаксонского» ареалов. На основе полученных количественных результатов можно говорить о мировой альтернативе Россия—Запад (максимальный среди всех цивилизаций показатель ценностной отдаленности) (Рис. 8).

Ценностные ориентиры населения любой из стран могут со временем подвергаться изменениям. Соответственно, помимо фиксации аксиологических различий цивилизаций необходимо также выявить направленность ценностной изменчивости. При долгосрочном рассмотрении это позволит говорить о конвергенционности или дивергенционности развития цивилизаций. Долгосрочность — около трети столетия реализации проекта «World Values Survey» — предоставляет возможность обнаружения соответствующих ценностных трендов. Установление же наличия трендов дает видение ценностного облика стран и цивилизаций в будущем.

Запад, согласно данным «World Values Survey», развивается в направлении дальнейшей индивидуализации и секуляризации. По этому же пути идет вслед за ним и ряд других цивилизаций. Однако вектор движения России, равно как и Китая, другой. В российском обществе также усиливаются ценности самовыражения и индивидуализации, хотя и не так акцентированно, как на Западе. Однако при этом Россия движется к полюсу традиционализма. Происходящие в ней на ценностном уровне процессы можно определить понятиями ретрадиционализации. И в этом отношении Россия опять-таки, как это и было всегда исторически, предлагает миру аксиологическую альтернативу западному пути развития. Обращение на высшем властном уровне России к категории традиционных ценностей соотносится с этими процессами. Конфликт будущего видится на основании обнаруживаемого цивилизационного размежевания в противоборстве идеологий постмодерна (Запад) и традиционных ценностей (Россия и страны Востока).

Ретрадиционализация и является, по-видимому, новой ценностной альтернативой будущего. Выбор, стоящий сегодня перед человечеством, это и есть выбор между путем постмодерна и пу-

тем восстановления традиционной аксиологической матрицы цивилизаций. В страновом же отношении, судя по реконструируемым ценностным трендам, это вновь исторически воспроизводимая дихотомия Россия—Запад.

Восстановление традиций и преодоление гипертрофированной в период модерна секулярности не означает архаизации и «нового средневековья». Речь идет о соединении потенциалов инновационного развития и аккумулированных прежде всего в религиях мира ценностях. И это не утопические мечтания, а актуальный запрос мирового развития.

Россия в фокусе западного проекта

Угрозы целевого подрыва ценностного фундамента Российского государства связаны с исторически воспроизводимым противостоянием Россия—Запад. Какова его природа — попытаемся разобраться.

Имеются все основания утверждать о проектном характере глобализационного экспансионизма Запада. Наличие этого проекта прослеживается через историческую преемственность реализуемых стратегий глобальной экспансии. Основу ее составляет периодически модифицируемый, но константный в своей основе концепт строительства мировой империи.

Как мировая империя идеологически позиционировалась римская государственность. Военный экспансионизм языческого Рима определяла идеология мирового господства — «дойти до предела земель». Римская идея глобального имперостроительства стала парадигмальной для западной цивилизации. Одним из раннехристианских проектов политической глобализации явилось, в частности, сочинение «О Граде Божьем» Августина. Выдвигался концепт глобальной новоримской христианской империи. Расхождения возникли лишь по вопросу о главенстве в ней, приведя к столкновению партий гвельфов (сторонников папского теократического имперостроительства) и гибеллинов (адептов светского, связываемого с фигурой императора имперостроительства).

Ведущим мотивом средневековой историософии являлись, как известно, пророчества Даниила о последовательной смене пяти мировых империй. Сообразно с ней теория о перемещенном Риме апробировалась не только на Руси. Еще задолго до возникновения Русского государства монах Адсо использовал это учение в качестве идеологического обоснования возрождения Римской империи Карлом Великим. Принятие Карлом императорского титула подразумевало прямой экспансионистский вызов в отношении Византии. Государство, традиционно именуемое как Византия, в действительности называлось Римской империей. Именно это название пытались и пытаются всячески завуалировать адепты западнцентризма. Римская империя, согласно христианской историософии, будет мировым царством, последним в истории, непосредственно предшествующим установлению Царствия Божия. Запад ревновал к «империи Ромеев», сам примеряя на себя облачение мировой державы. Название Византия имеет западноевропейское происхождение. Оно, как известно, производно от Византия — греческого провинциального города, переименованного по воле императора Константина в Константинополь. Распространение на всю империю данного обозначения должно было, очевидно, подчеркнуть его провинциализм, периферийность. Русские (для сравнения почувствуйте разницу) именовали имперскую столицу не Византием, и даже не Константинополем, а Царьградом.

Исторически некорректным является также использование маркера Восточная Римская империя. Мировая империя не может быть ни восточной, ни западной, она существует в единственном числе. Именно Римской империей, без каких-либо географических локализаций, именовалась держава константинопольских базилиевсов. Наряду с прочими землями в состав империи входила и Италия. Ветхий Рим статусно подчинялся новому Риму — Константинополю. Вне имперских границ в Западной Европе находилась зона расселения германских варваров. Включение их в византийский культурный ареал порождало политические амбиции. Эти амбиции были воплощены в акте учреждения собственной Римской империи. Мы, провозглашали германцы, а вовсе не греки, есть истинные восприемники падшего Рима. Из этой претен-

зии и продуцировалось абсурдное для христианского миропонимания утверждение об одновременном существовании двух римских империй — восточной и западной. Одна должна была быть признана в итоге нелегитимной.

Разрушение Константинополя крестоносцами в 1204 г. являлось финальным аккордом произведенной Западом политической узурпации. Священная Римская империя германской нации (ее священность, римскость и имперскость традиционно вызывали большие сомнения) просуществовала, как известно, до начала XIX в. и была упразднена лишь Наполеоном I. Однако на этом история великой узурпации не завершилась. Последующая глобализационная экспансия Запада реализовывала, по сути, прежнюю парадигму построения мировой Римской империи. Наиболее близко к своему планетарному практическому воплощению идея Священной римской империи приобрела в XVI веке в период правления Карла V.

В дальнейшем в постреформационные времена идея мировой империи Запада реализовывалась уже через секулярную парадигму. Произошло своеобразное цикличное возвращение к идеологии древнеримского нерелигиозного экспансионизма. Исторически было предложено две версии мирового имперостроительства. В одном случае субъектом экспансионного глобализма выступала континентальная Европа, в другом — атлантистский (англосаксонский) мир. Европейско-континенталистская версия оказалась исторически прерывна. В практике экспансии она была представлена вспышками военной агрессии периодов Наполеона и Гитлера. Провозглашая себя императором, Наполеон выдвигал новый, модернизированный просветительской идеологией проект европоцентристской мировой империи. Впоследствии Наполеон III частично реанимировал данную идею в рамках концепта мировой Латинской империи (отсюда происхождение современного культурно-географического понятия), сочетающего ценности секулярного и прежнего христианского имперостроительства. Фашизм же, казалось бы, окончательно сорвал маску с западного экспансионизма, указав, что цель его сводится к тривиальной формуле мирового господства. Отсюда стремление Запада всячески дистанцироваться от гитлеровского проекта, обосновать его генетиче-

скую чужеродность. Вторая версия воплощения проекта мировой империи стратегически в новое время никогда не прерывалась, будучи представлена единой и последовательной политической линией вначале Лондона, а затем Вашингтона. Мировая Британская империя, а вовсе не Россия, как считают многие, являлась в период своего могущества крупнейшим государством планеты. Соединенные Штаты Америки фактически унаследовали ее геополитические функции, стиль политики, имперские амбиции. Показательно, что распад Британской империи точно совпал с выдвижением на авансцену мировой геополитики США. Мнения о том, что де-факто Британская империя в новой модифицированной конфигурации по-прежнему существует, придерживаются сегодня многие мыслители, такие как, например, Линдон Ларуш.

Всякий раз западный проект сталкивался при своей практической реализации с непреодолимыми препятствиями. Этими препятствиями устойчиво оказывались Россия и ее исторические предшественники. Так, римская экспансия фактически провалилась при выходе в зону протославянской эйкумены. Начавшееся в степях Евразии переселение народов уничтожило западно-римскую государственность. На Востоке же сложился иной тип империи, представлявший собой идейную альтернативу традиционному римскому империализму.

В дальнейшем именно Византия являлась в течение многих столетий главным сдерживателем латинского экспансионизма. Россия как прямой восприемник Византии (восприемник прежде всего в отношении византийского православия) самим фактом своего существования служит указанием западному миру на произведенную им узурпацию, на нелегитимность западнической неоимперской экспансии. Само русское средневековое государство сыграло исторически решающую роль в отражении католической экспансии на Восток. От Александра Невского до Дмитрия Пожарского борьба с латинством, представляемым различными геополитическими субъектами, являлась основным вызовом русской национальной истории. Русская колонизация Сибири и Дальнего Востока явилась своеобразной альтернативой начала мировых колониальных захватов со стороны европейцев. Нет нужды в доказательстве определяющей роли России в расстройстве близких,

казалось бы, к реализации проектов мирового господства в 1812 и 1941 гг. Даже проигранная формально Крымская война имела колоссальное значение в обеспечение провала глобальных экспансионистских планов Наполеона III. Безусловно, Российская империя могла воевать и с Германией, и с Японией, но главным ее геополитическим противником, несмотря на конфигурации различных коалиций, признается Великобритания. Фактор России не дал фактически состояться мировой британской гегемонии. В дальнейшем в период холодной войны ту же роль сдерживателя западного экспансионизма, на этот раз американского, взял на себя СССР. В этом отношении распад Советского Союза и слабость постсоветской России сделали мир беззащитным.

Итак, Россия исторически являлась главным препятствием на пути мировой глобализационной экспансии. Именно в ее способности удержания мира от западной универсализации заключаются возникающие антагонизационные противоречия с Западом.

Чем же утратившая, казалось бы, статус сверхдержавы постсоветская Россия мешает сегодня адептам экспансионного глобализма? Попытаемся установить эти препятствия по максимально широкому спектру параметров цивилизационного существования.

Экономический аспект

Российская мир-экономика в силу имеющейся ресурсной базы и сохраняющихся с советского времени инфраструктур представляет собой потенциально самодостаточную систему. Россия — единственная страна мира, принципиально способная сегодня к автаркийному существованию. Международная изоляция, судя по опыту первых послереволюционных десятилетий, сама по себе не является действенным средством борьбы против России. Напротив, крупнейшие за ее историю экономические прорывы происходили при оптимизации степени открытости. Россия, таким образом, способна экономически оставаться вне рамок системы «нового мирового порядка». Соответственно, с этой возможностью она может стать альтернативным полюсом мировой экономики.

Социальный аспект

России единственной исторически удалось соединить коллективистскую ценностную парадигму с парадигмой модерна. Принципы построения общины экстраполировались в ней на организацию всего социума. Посредством российского социального эксперимента дезавуировался тезис об универсальности западного пути индивидуализации общественного бытия. Россия исторически декларировала противоестественность системы капиталистической эксплуатации человека человеком. Имея перед собой вызов российской утопии, Запад был вынужден реализовывать у себя программу построения социального государства. При этом отдельные вершины утверждаемого в России социального эксперимента оказались для Запада недостижимы. Отсюда установка западного проекта на снятие российской претензии к несовершенству социальности Запада.

Политический аспект

Российский опыт построения государственности опровергает глобалистское утверждение об универсализме модели либеральной демократии. Речь причем идет не о возможности построения иной политической системы. Примеры такого построения не ограничиваются российским историческим опытом. Дело в другом. Россия доказала модернизационную эффективность государства, организованного на отличной от западной политической модели функциональной основе. Российская государственность в силу объективных причин выстраивалась не снизу, как на Западе, а сверху. Не общество учреждало в ней государственную власть, а государственная власть организовывала общественные институты. Проекция, идущая сверху, позволяла установить мост между государством и сферами высшего идеального начала, одухотворяя всю государственность. Система, выстраиваемая снизу, являясь сугубо материальным феноменом, такого рода связи была лишена. Отсюда патологическое неприятие на Западе «русской автократии». Отсюда определение «русского царя» как главного сдерживателя мирового прогресса. Отсюда же появление русофобских, по содержанию либеральных клише в отношении современного государственного режима России.

Национальный аспект

Россия создала исторически уникальный тип национально-интегративной государственности. Русский колониализм в отличие от западного имел в большей степени коммуникационный, нежели экспансионный характер. Принципиально отвергалась положенная в основу экспансии Запада практика колониального этноцида. Россия продемонстрировала потенциальную возможность сочетания многоцветия этнических идентичностей и политического единства. Русский путь политэтнической консолидации де-заувирует формат космополитической рецептуры современной глобализации. Положенному в основу западной модели национального государства принципу моноэтнизма гражданской нации Россия противопоставляла альтерглобалистскую симфоническую систему. Вокруг системообразующего ядра государствообразующего народа выстраивалось многообразие земель и этносов. Россия самим фактом своего существования опровергала тезис о предопределенности тренда унификации национальных культур. Западный проект подразумевает, с одной стороны, дезинтеграцию под лозунгом права наций на самоопределение геополитически значимых центров силы. Доведя суверенизацию до стадии атомизированного расщепления, с другой — инициируется процесс космополитического унифицированного всечеловечества. Опыт интегративного полиэтнизма выступает, таким образом, прямым препятствием указанного проектного воплощения.

Религиозный аспект

Еще более диссонирует с западной практикой монистического мироустройства российский опыт интегративного религиозного сосуществования. Россия — единственная страна, в которой на уровне этноидентификаторов представлены все три мировые религии — христианство, ислам, буддизм. Представление о конфликтогенной парадигме религиозного диалога с позиций российского исторического опыта опровергается. Россия, таким образом, исходя из своей истории имеет право на выдвижение альтерглобалистской доктрины, сочетающей планетарную ком-

муникативность с традициями многоцветия религиозных идентичностей. Западный проект секулярной унификации становится в этой постановке вопросом неочевидным.

Конфессиональный аспект

Особое значение, принадлежащее христианскому контексту осмысления вызовов западного проекта, позволяет выделить из религиозной сферы конфессиональный ракурс проблематики. Российская цивилизация исторически формировалась как альтернативная версия интерпретации учения Христа. Западнохристианский опыт вне зависимости от его редакций — католической или протестантской — воспринимался на Руси в качестве еретицизма. Соответственно с этим и вся западная цивилизация, со всеми ее проектными установками, объявлялась религиозным подлогом. Такого обвинения ни одна другая культура, помимо русско-православной, выдвинуть по отношению к Западу не могла. Под сомнение бралась легитимность западного глобализационного проекта. Какое право имел Запад на его выдвижение, если восприемником единой христианской империи был не он, а Россия? Именно Россия приняла наследие Византии, а через нее и древнеапостольских традиций первоначального христианства. «Византийский комплекс» на Западе так и не был преодолен. Через него по существу преломляется проблема «христианского первородства» и «христианского старшинства». Пока существует Россия как единственный легитимный восприемник Римской империи — «последнего мирового царства» претензии Запада на роль глобализатора выглядят, с религиозной точки зрения, несостоятельно. А нелегитимность глобального проекта для христианской семиосферы — это не что иное, как избличение Антихриста.

Идеологический аспект

Россия — единственная страна в мире, исторически оказавшаяся способной к выдвижению альтернативной по отношению к западному проекту глобализационной идеологии. Некоторое время чаша весов в глобальном проектном противоборстве скла-

нялась в сторону российско-коммунистического планетаризма. Других идеологических конкурентов, способных работать в категориях планетарного мироустройства, у западного проекта не имелось. Все иные государственные идеологемы формировались в лучшем случае на уровне национально-религиозных амбиций. Сейчас от России ожидается новое слово — «послание миру». Если не вы, то кто же? Такой риторический вопрос задают противники глобализационной унификации в различных уголках планеты. Способность России генерировать альтернативный проект осознается и на Западе, а потому предотвращение такого рода генерации составляет одну из приоритетных задач программы западнического глобализма.

Военный аспект

Россия — единственная страна в мире, сумевшая не единожды дать успешный вооруженный отпор западной экспансии. Страх перед русским нашествием — реальное психологическое состояние западного обывателя. Его оборотной стороной является феномен русофобии. Наличие значительного арсенала ядерного оружия становится прямым физическим сдерживателем западного планетарного экспансионизма. Россия сегодня единственная страна, которая все еще способна физически уничтожить западную цивилизацию. При ликвидации российского ядерного арсенала Запад ничто бы уже не сдерживало в установлении прямого диктата над всем человечеством.

Наука, образование, высокие технологии

Россия — единственная страна незападного ареала, которая по своим инфраструктурным и кадровым возможностям потенциально самодостаточна. Она все еще способна самостоятельно формировать целостный цикл высоких технологий. Для сравнения: ни Китай, ни Индия, ни Бразилия за отсутствием соответствующей инфраструктурной базы такого рода возможностью не обладают. Поэтому только Россия при соответствующей политической линии потенциально может стать технологическим

конкурентом Запада. С началом модернизации только российская наука и образование оказались способны конкурировать с западной научно-образовательной системой. Приоритет в освоении космоса явился основным индикатором их глобальной конкурентоспособности. По сей день в отдельных своих проявлениях наука и образование России оцениваются зачастую как лучшие в мире. Особый аккумулятивный потенциал связывался, в частности, с педагогической традицией российской школы. Реализация наряду с собственно обучением, воспитательной и развивающей функции образовательного процесса давало российскому школьнику ряд преимуществ по сравнению с его западным сверстником. Возможности России в реализации полного технологического цикла определяются потенциальной кадровой обеспеченностью на каждой из соответствующих стадий — ученые, инженеры-конструкторы, квалифицированные рабочие. Наличие обеспеченных системой техникумов и ПТУ высокопрофессиональных рабочих кадров является уникальным и по мировым меркам неоцененным в должной мере российским ресурсом. И наука, и образование в России пребывают сейчас в состоянии деградации. Однако имеющийся инерционный потенциал позволяет им еще какое-то время служить сдерживателем западного проекта в соответствующих сферах.

Геополитический аспект

Особое положение России как потенциального препятствия реализации западного проекта определяется уже самим фактом ее территориального размаха. С крупнейшим в мире государством по меньшей мере нельзя не считаться. Глобализационный проект не будет выглядеть завершенным, если вне рамок его воплощения будет оставаться 1/7 часть сухопутного пространства. Геополитически Россия не просто континентальная держава, а квинт-эссенция континентализма. И в этом смысле уже самим фактом своего существования она противостоит атлантистскому вектору сил. Дихотомия принципов «континентализма» и «атлантизма», «колоса суши» и «колоса моря», «теллуократии» и «талассократии» определяет статус России как антипода США, а со-

ответственно, и всего западного проекта. Именно соотносящееся с Россией евразийское пространство характеризуется в геополитике как «ось мира». Лежащие в будуарной зоне Rimland Китай, Индия, Исламский мир, Европа предстают в мировой геополитической конфигурации лишь зоной атлантистско-евразийского (читай — американско-российского) соперничества.

Этнический аспект

Один из характерных цивилизационных признаков Запада заключается в его внутренней этической расщепленности. Христианские императивы представляли для западного человека некий идеал, столь же ценностно номинированный, сколь и реально недостижимый. Поэтому повседневное бытие определяется на Западе в большей степени этосферой гедонизма. Для других культурных традиций такого рода расщепленность этики в ее повседневном и идеальном преломлении была не характерна. Россия исторически в разных модификационных версиях исходила из установки построения Царствия Божиего на земле. В отличие от Запада ей утверждалась мысль — организация общественной жизни на основании христианских императивов возможна. Выведенные за рамки этосферы христианства иные культуры не выступали для западного мира таким же раздражителем, как Россия. Русская же этологическая утопия подразумевала адресацию прямого упрека гедонистскому Западу в его бездуховности. Формула России «иное возможно» дезавуировала этические основания глобалистской универсализации. Апеллируя к духовным основаниям бытия, она создавала определенный ценностный барьер реализации западного проекта. Устраняя Россию, Запад тем самым достигал бы эффекта ретушировки собственной бездуховности.

Ресурсный аспект

Россия обладает мощнейшим в мире ресурсным потенциалом. Эти ресурсы не ограничиваются полезными ископаемыми, имея в виду перспективу грядущих глобальных вызовов, актуализируется значение других компонентов ресурсообеспечения — запасов

пресной воды, экологически чистых зон, незаселенных территорий. Ресурсно Россия даже сильнее совокупно рассматриваемого Запада. Европейская часть западной цивилизации на сегодняшний день энергетически зависима от Российской Федерации. Россия сегодня способна даже разыгрывать по отношению к Западу карту энергетического шантажа, оперируя идентификатором «сырьевой империи». Бесспорно, сама по себе ставка на сырье ввиду возможности диверсификации сырьевых потоков и смены технологических укладов стратегически бесперспективна. Однако при сочетании с высокими технологиями и инновационной политикой российские ресурсы могут оказаться в итоге решающим фактором глобального геополитического противостояния. Поэтому при сохранении в руках российского государства существующего у РФ ресурсного потенциала риски реализации западного проекта существенно повышаются.

Исторический аспект

Великое историческое прошлое России не позволяет интерпретировать развитие Запада как универсальную ось мировой истории. Именно она не единожды брала на себя вселенские задачи, будь то освоение космоса или спасение человечества от глобальной агрессии. Именно Россия исторически воспрепятствовала предшествующим волнам мировой западной экспансии. Этого ей на Западе, по-видимому, никогда не простят.

Чтобы реализовать проект экспансионной глобализации, препятствие в лице России должно быть устранено. Либо в перспективе не будет России, либо не будет проекта мировой империи. Борьба здесь идет в глобальном плане.

О природе россиефобии

Россиефобия являлась исторически устойчивым основанием формируемого западной пропагандой образа России. Конечно, среди европейских и американских мыслителей часто обнаруживались и русофильски ориентированные фигуры, такие как В. Шу-

барт. Но доминирующим на Западе всегда было именно течение, продуцирующее фобии в отношении российской цивилизации. Ведущими мотивами антироссийской пропаганды являлись идеологемы о варварстве, рабстве, империалистичности русского народа. Проводилась мысль о врожденности этих качеств, принципиальной неперестраиваемости России.

Русский философ Иван Ильин подчеркивал в своих рассуждениях, что Запад вел борьбу не против самодержавия или коммунизма, а против самой России. Не тоже ли самое обнаруживается и сегодня? За критикой «режима» латентно проявляется основной адресат, против которого ведется борьба — сама Россия.

Чем же определялась западная враждебность в отношении России? Именно Россия исторически являлась главным препятствием на пути мировой глобализационной экспансии Запада, реализации западного проекта. Отсюда устойчивое стремление устранения этого препятствия. Отсюда же развитие комплекса россиефобии ввиду обнаруживаемой невозможности данное препятствие устранить.

Актуальным вызовом является усиление россиефобского дискурса на современном историческом этапе. Многими экспертами констатируется новое издание холодной войны. Существенно ужесточается риторика в отношении России западного политического истеблишмента. Митт Ромни сформулировал публично то, что другими ведущими фигурантами американской политики сегодня не произносится, но с очевидностью осознается: Россия — геополитический противник США № 1. В политологическом анализе Запада доминирующее положение получила после слабого оппонирования точка зрения, представляемая З. Бжезинским, о «русском имманентизме». Согласно этим представлениям, Россия при любых режимах будет воспроизводить парадигму империализма и автократии, а потому в любом случае при любой идеологической вывеске представлять угрозу для «цивилизованного мира». Ни Россия, ни русский народ не модернизируемы (не годны для демократии и модернизации). Отсюда стратегическая установка — форсирование сценария российского геополитического уничтожения.

Одновременно в контексте избирательных кампаний 2011–2012 гг. происходит резкое обострение обвинительной риторики

ки в отношении народа со стороны оппозиции. Очевидным становится раскол элиты и народного большинства. Выдвигаются маркеры, дифференцирующие общество на «креативный класс» и «быдло». Концепт «быдловизации» представляет собой одну из исторических модификаций руссифобии и требует соответствующего рассмотрения.

Усиление руссифобского дискурса как за рубежом, так и внутри России представляет собой реакцию на вызреваемый проект российского национального возрождения. В настоящее время все более очевидным становится запрос выхода из положения фактического западного протектората. Фактически это означало бы ревизию итогов холодной войны. Запад, так же как и группы лиц, связанные с западной гегемонией внутри России, естественно, должны будут сделать все, чтобы этого не допустить. Если Россия не отступит в своих намерениях, то, очевидно, будет переход к фазам более жесткого противостояния и еще большему усилению руссифобского контента информационных потоков.

Феномен «фобий» фиксируется на уровне массового сознания народов с древнейших периодов истории человечества. Этот феномен исследовался в науке в двух основных направлениях. Первым направлением был реконструирующий анализ фобий с точки зрения кризисных патологий восприятия «чужого». Через рассмотрение дихотомии «мы» — «они» реконструировались фобийные установки жизни традиционного общества. Исследовался в этом плане прежде всего генезис этнических мифов. В связи с открытием сферы коллективного бессознательного в актуальную повестку был включен вопрос исследования этнических страхов и этнических комплексов. Фобия интерпретировалась как сублимация комплекса, а отсюда следовала задача выработки рецептуры этнической психотерапии («прививка от антисемитизма», «уроки Холокоста» и т. п.). Обращалось внимание, что особой актуализации фобийные установки приобретали в периоды трансформаций, ломки традиционных ценностных систем координат. Эта ломка коннотировала с образом «чужого», разрушителя традиции. Было, в частности, подмечено, что апогей инквизиции и кампании «охоты на ведьм» приходится не на период раннего Средневековья, а на эпоху Возрождения. Данное направление интерпретации, заостренное на еврейской пробле-

матике (антисемитизм), не давало ключа понимания к объяснению природы фобий в отношении русских.

Другим направлением изучения феномена фобий стала реконструкция механизмов формирования образа врага посредством средств пропаганды. Чаще всего речь шла о пропаганде периода войны или предвоенных лет. Если первое направление связывало генезис фобий со сферой коллективного бессознательного, массовой психологией, то второе обнаруживало в них рациональные интересы противоборствующих сторон конфликта. Фобии во второй версии генерировались элитами как концепт, а уже затем транслировались в массы, воздействуя на них как на уровне рациональном, так и эмоционально-психологическом.

Но есть и третья составляющая в генезисе фобий, находившаяся пока фактически вне поля изучения. Речь идет о фобиях в социокультурном и шире — цивилизационном проектировании. Такого рода фобии продуцируются как результат столкновения исторических проектов, в хантингтоновской терминологии — конфликта цивилизаций. Когда для реализации одного исторического проекта возникает препятствие в виде другого проекта, то по отношению к этой «помехе» формулируются различного рода дезавуирующие ее маркеры. Главная задача такого дезавуирования — лишить противоположную сторону ее внутренней правды. Развитие фобий этого типа может занимать не одно столетие. Именно такой тип фобий, согласно нашей гипотезе, и составляет ядро феномена россиефобии.

Вместо традиционного понятия «руссофобия» нами используется понятие россиефобия. Для внешнего мира различий в звучании «русский» и «российский» нет. Слово «Russian» относится в английском языке к обоим идентификаторам. В России это разграничение существует. Причем его содержание исторически изменялось. Сегодня этноним «русский» выступает в качестве этнического идентификатора, тогда как «российский» — общегражданского. До революции было иначе: слово «русский» указывало и на этничность, и одновременно на цивилизационную принадлежность.

Безусловно, руссофобия является ядром россиефобии. Однако руссофобией она не исчерпывается. Объектом фобийных реакций

являлся не только русский народ, но вся историческая Россия, ее жизненный уклад, ценностные накопления. Одной из информационно-резонирующих идеологием являлся, в частности, тезис об «азиатскости» России. В фокусе фобий оказывались в данном случае народы Средней Азии, противопоставляемые европейским славянским народам. Латентно руссифобская компонента обнаруживается и в преподносимой в качестве прорусской позиции «кавказофобии». В действительности традиционная модель идентичности в России предполагала двухуровневую идентификацию как кавказских, так и других российских народов: локальную — этническую и русскую — цивилизационную. Исторически значимым этапом в развитии руссифобии являлась советофобия, связываемая с русской темой, но ей не исчерпываемая.

Феномен руссифобии предстал исторически в различных идеологических обертках. В качестве такого рода его идеологического представления выступали:

- католическое учение о православных схизматиках;
- эсхатологический концепт о России как воплощенном мировом зле, о русском происхождении Антихриста;
- просветительская доктрина, дифференцирующая человечество по принадлежности народов к стадиям дикости, варварства и цивилизации при утверждении имманентности варварской парадигмы России;
- расистские версии негативизации образа России (русский как «унтерменш»);
- теория цивилизационной отсталости России, продуцирующей культурные пороки русского человека (лень, патернализм, боязнь ответственности);
- концепты об имманентной недемократичности российского государства, типичности для России деспотической модели власти;
- представление о социальных отношениях в России как отношениях «раб — господин», а соответственно, о вотчинной природе российской власти и рабской ментальности русского народа;
- взгляд об устойчивой ориентированности России во всех ее исторических проявлениях на реализацию внешнеполи-

тической доктрины мирового господства, а соответственно, о врожденном русском империализме и др.

Наряду с россиефобским в мире существует и россиефильское направление. Конечно, современный облик либеральной космополитической Российской Федерации малопривлекателен. Однако существует и принципиально иное отношение к ней. Это различие выявляется при расчете разности позитивных и негативных ответов респондентов об их отношении к России. В странах «золотого миллиарда» доминирует резко негативное восприятие. Напротив, в странах «мировой периферии» имидж России преимущественно позитивный. Этот позитив реминисцентный. Он основывается прежде всего на воспоминании о роли, которую играл Советский Союз в преодолении отсталости стран третьего мира. Особенно остро диссонанс в восприятии России обнаруживается при сопоставлении отношения к ней в странах Африки и Западной Европы. Наличие советского альтернативного проекта давало африканским народам надежду на преодоление неравенства, на ликвидацию системы социального превосходства бывших белых колонизаторов. Напротив, для представителей западной элиты его выдвижение представляло угрозу утраты особого преференционного статуса в мире. В этом и следует, очевидно, искать основания полярных оценок России.

Помимо внешней россиефобии существовала и внутренняя россиефобия. Подход к объяснению данного феномена — теория «малого народа» — был предложен Огюстеном Кошеном. Он сформулировал свою теорию «малого народа» на материалах Французской революции. Под малым народом он понимал круг столичной богемы, мировоззренчески сформировавшийся в различных ложах, академиях, клубах, идейно и аксиологически противостоящий «Большому народу» — нации. Для представителей этого объединения был характерен взгляд на национальную историю как непрерывную дикость и тиранию (различные «Генриады» и «Орлеанские девственницы»). Присущим стремлением было разорвать связь с исторической традицией начиная от переименования городов и заканчивая изменением календаря. Все разумное предполагалось заимствовать извне, в данном случае из Англии, включая британский парламентский строй (как про-

граммное произведение воспринимались «Философские письма» Вольтера).

Космополитические общественные слои (в русском варианте интеллигенция) сыграли решающую, универсальную роль при разрушении традиционных институтов. Английской вариацией «малого народа» считаются пуританские общины эпохи революции XVII в. Аналогичным явлением в Германии 30–40х гг. XIX в. стало левое гегельянство. Все немецкое, именуемое «тевтонством» или «пруссачеством», расценивалось как ретроградство. Зато преклонение вызывало все идущее из Франции. Широкое распространение получил термин «профранцузский антипатриотизм». Свой «малый народ», противостоящий ценностно «большому народу», был и в России.

Идеалы равенства и коллективизма в России на уровне элит разделяли далеко не все. Характерная для Запада идея антропологического неравенства нашла своих адептов и в российском обществе. Возник круг лиц, самопозиционирующихся в качестве интеллектуальной элиты России («критически мыслящих личностей», «креативного класса»). Они стремятся выступать от имени народа и во имя народа. Но речь, как правило, идет не о реальном народе, а о некоей идеальной, по их представлениям, общности граждан, демосе.

Реальный же народ — мужиков — они презирали, считали темной невежественной массой, награждали самыми уничижительными характеристиками — «чернь», «рабы». Декабристы, представлявшие сакральную героику для всего освободительного движения, предпочитали не раскрывать перед народом своих истинных замыслов. Солдаты выводились на Сенатскую площадь под лозунгом «за Константина», но вовсе не за республику. Полагалось, что народ не поймет в силу невежественности и не сможет по достоинству оценить светлые идеалы «лучших сынов Отечества».

Две тезы при их различном литературном оформлении определяли сознание «малого народа»: «Россия — страна рабов» и «Россия — страна дураков». Это каким-то странным образом сочеталось с декларациями о народолюбии. Но под народом понималась не подлинная русская нация, а некая абстрактная, про-

извольно сконструированная категория демоса. Весьма точную характеристику квазинародной сущности воззрений «малого народа» представил харбинский историк В. Ф. Иванов: «Интеллигенция любила не подлинный народ, а воображаемый, именно такой, каким он должен был быть с точки зрения ее идеала. Она любила революционно или социалистически настроенный народ, но она не любила и даже презирала настоящий, реальный народ, верующий, повинующийся и консервативный. Между интеллигенцией и народом лежала пропасть глубокого взаимного непонимания. Никакой духовной и нравственной связи между ними не существовало, так как интеллигенция отрицала все духовные основы жизни народа. Передовую интеллигенцию с народом временно могло связать только преступление. Интеллигенция не только порвала с национальными идеалами, но она неуклонно шельмовала их в глазах народа, старалась вытравить их из народной души. Все наше великое прошлое подвергалось поруганию и осмеянию».

«Малый народ» в России формировался как западная субкультура. Петровская вестернизация элиты (раскол с народом) и екатерининское освобождение ее от государственной службы (раскол с государством) стали истоками положения, определяемого П. Б. Струве как «отщепенство».

А. С. Пушкин в строфах незавершенного стихотворения так сфокусировал менталитет этой группировки:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый свет увидел,
И нежно чуждые народы полюбил,
И мудро свой возненавидел.

Ф. М. Достоевский описал тот же стиль мышления посредством феномена смердяковщины. Цель интеллигенции он видел в том, чтобы заставить русского забыть о своей истории, а всего того, что было прежде, стыдиться всю жизнь.

К заблуждению на счет аксиологии рассматриваемой группировки элиты может привести принятие соответствующим течением оппозиционного движения самоидентификатора «народ-

ничество». Сближения с народом ему как раз достигнуть и не удалось. Закончилась полным провалом массовая акция «хождения в народ». Ее апогей, как известно, пришелся на 1874 год. Мужики расправлялись с агитаторами и сдавали их полиции. Народ обнаружил верность самодержавию и православию. Вывод из фиаско «хождения ...» был сделан в утверждении представления о «некачественности мужика».

Апеллируя формально к демократии, значительная часть оппозиционного движения встала на позиции элитаризма. Н. Михайловский утверждал, что движущей силой прогресса выступают не народные массы, а «критически мыслящие личности». Личности, не мыслящие критически по отношению к существующей модели государственности, соответственно зачислялись в разряд обскурантов. На основе констатации бесперспективности вовлечения народа в революцию формируется бланкистское (заговорщическое) направление.

Презрение элит к мужику — онтологическому монархисту только возрастает. Главная претензия — неспособность его воспринять тонкие душевные порывы лучших людей России. Доминанта данного настроения в элитаристской среде нашла, в частности, отражение в фрагменте поэмы Е. Евтушенко «Казанский университет»:

Наив ...
 Ни сегодня, ни в будущем
 не может народной быть власть.
 Народ — это быдло,
 Петр Францевич,
 и если порою народ
 ярмом недовольно потряхивает,
 то вовсе не в жажде свобод.
 Ему бы —
 корма образцовые,
 ему бы —
 почище хлева ...
 Свобода нужна образованному,
 неграмотному — жратва.

Вернемся к вопросу о степени константности западной россиефобии. Если она действительно константа, то чудовищной ошибкой будет выглядеть реализуемый вплоть до недавнего времени проект интеграции России в Европу.

Ниже приводится подборка высказываний видных представителей западной общественной мысли («властителей дум») в отношении России и русского народа, свидетельствующих об устойчивости россиефобской идеологии на Западе.

XVII век

Эдо Нойхуз: «Со Шведами, в Финских областях, соседствуют Руссы Московиты, чья империя отсель простирается до Каспийского моря. Это племя рождено в рабстве, привыкло к ярму и не переносит свободы. Государя своего они почитают как Божество, посланное с неба, и отдают ему во власть свою жизнь и имущество; если он прикажет, они немедленно и добровольно готовы погибнуть. Они настолько неотесанны, что не могут подписать свое имя. Во всем громаднейшем Царстве нет ни одной Гимназии, где бы юность могла изучать науки. Однако, по приказу Государя, никому не позволено путешествовать за границу, дабы головы, задавленные варварским невежеством, не увлеклись духом свободы и не устремились бы к лучшей жизни».

Готфрид Лейбниц: «Московиты хуже варваров», «открыть русским ворота, сдав Польшу, последний оплот Европы против варваров, было бы преступлением».

XVIII век

Шарль Монтескье: «Народ там состоит из одних рабов».

«Такая обширная империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней была устроена другая форма правления, кроме деспотической».

Вольтер: «Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея поль-

зы оных. Закон сей вполне соответствовал духу этой нации, которая во глубине своего невежества и прозябания пренебрегала всяческими сношениями с иностранными державами».

Франческо Локателли: «Я возвращаюсь из другого мира... Русские — это другой тип людей, они коренным образом отличаются от европейцев. Более того, они хуже татар, которых ныне угнетают. Их происхождение неизвестно, сами они своей древностью не интересуются. По-видимому, они являются потомками скифских рабов, восставших когда-то против хозяев и укрывшихся затем в северных лесах. Татары — потомки скифов, а русские — потомки их подлых рабов. Рабство и невежество — их вечный удел».

Жан Шанп д'Отрош: «Петр I кажется создателем новой нации, но нет никакой перемены в устройстве правительства; нация все время находится в рабстве, и он еще сильнее затягивает узы рабства».

Габриэль Мабли: «У них (русских) не было ни нравственных устоев, ни законов, ни трудолюбия, ни даже желания лучшей участи — страх и невежество сковали их умы».

Жан Жак Руссо: «Русские никогда не станут истинно цивилизованной нацией...»

ХІХ век

Редьярд Киплинг: «Русский... он является этнической аномалией, с которой трудно иметь дело».

Жюль Мишле: «... скотов-варваров, недостойных общения с европейскими народами».

«У чистокровных русских взгляд ящерицы, и интеллектуально они имеют мало общего с европейцами».

«Я видел в дикой природе монстров, огромных тропических пауков, черных, с длинными волосатыми лапами. Я видел ужасных осьминогов... видел их хоботцы и щупальца, что тянутся к вам, трепеща. Но я не видел ничего подобного гнусному русскому минотавру, чей образ находится в Ферне».

Густав Дицель: «У русских «от природы отсутствует способность к развитию», «полудикий народ», «лишенный морали».

Георг Готфрид Гервинус: «Россия ни разу «не заявила о какой бы то ни было потребности в религиозной самостоятельности и прогрессе».

Карл Маркс: «Не в суровом героизме норманнской эпохи, а в кровавой трясине монгольского рабства зародилась Москва. А современная Россия является не чем иным, как преобразованной Москвой».

XX век

Морис Беринг: «Страна крайностей, нравственной распущенности и экстравагантного потворства самому себе. Народ без держания себя в руках и самодисциплины. Народ, все порицающий, все критикующий и никогда не действующий. Народ, ревнивый ко всему и ко всем, кто выходит из строя и поднимается выше среднего уровня; смотрящий с подозрением на всякую индивидуальную оригинальность и отличие ... Народ, имеющий все недостатки Востока и не имеющий ни одной из его суровых добродетелей, его достоинства и внутренней дисциплины, нация ни к чему не годных бунтовщиков под руководством подлиз-чиновников; страна, где стоящие у власти живут в постоянном страхе; ... страна неограниченных возможностей...»

Роберт Конквест: «Неправда, что все люди суть люди. Русские не люди. Это чуждые существа ... Это очень подлые люди. Иные полицейские группировки совершают над согражданами такое, о чем говорить страшно. Нет оснований полагать, что они не поступят так же с большей частью подчиненных американцев».

XXI век

Ален Безансон: «Есть всего один разумный путь, по которому русским следует идти, ... о котором говорят многие влиятельные люди в России, — европеизироваться, реформироваться на западный лад. Однако цель эта кажется почти недостижимой. Всего богатства мира не хватит на то, чтобы преобразовать Россию. Коммунизм в России торжествовал так долго потому, что ставил себе на службу некоммунистические интеллектуальные силы, самый

ограниченный национализм и самую фанатическую религию... Слишком долго нужно ждать того времени, когда Россия сделается страной по-настоящему европейской, а пока суд да дело, ей может вновь захотеться прибегнуть к классическим способам компенсации «отставания» и связанного с ним ощущения неполноценности... Империя распалась, это очень хорошо для России и может принести ей очень большую пользу. Однако люди, живущие в России, по-прежнему мечтают о воскрешении империи, и самые ловкие дипломаты, равно как и самые опытные сотрудники «органов», тайно готовят ее восстановление...»

Збигнев Бжезинский: «Контраст между Америкой и Россией: американцы использовали свою веру в здравый смысл и принцип личного интереса, чтобы цивилизовать свой обширный континент, преодолевая естественные препятствия для построения сильной демократии. А русские, с их «рабской покорностью» в качестве основного механизма действия, использовали «солдатский меч» для покорения цивилизаций».

Ричард Пайнс: «Амбиции России в желании стать мировой державой — это просто использование своего преимущества в натуральных ресурсах, для того чтобы держать другие страны в узде».

«Для Европы российский вопрос может стать опаснее исламской угрозы. Эта страна опаснее бен Ладена».

Теодор Шанин: «Станут как мы! А чтобы быстрее стали, как мы, мы им еще подбросим консультантов и столько-то миллиардов долларов. А получилось наоборот: не стали, как мы. Это разочарование теперь переходит во враждебность. Если это так, значит, прежнее плохое не было следствием политики большевиков, вопрос в самой России. Это Россия — сумасшедшая страна, а не большевики были сумасшедшими вождями этой страны... Теперь, когда на разочарование накладывается нецивилизованность, выстраивается, если хотите, модель того, что есть Россия».

Великое историческое прошлое России не позволяет интерпретировать развитие Запада как универсальную ось мировой истории. Не единожды она брала на себя решение вселенских по масштабу задач, будь то освоение космоса или спасение человечества от глобальной агрессии. Именно Россия исторически воспрепят-

ствовала предшествующим волнам мировой западной экспансии. Этого ей на Западе, по-видимому, никогда не простят.

* * *

Российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационно-идентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф.

Не единожды предпринимаемые попытки перестроить Россию по западным лекалам всегда оборачивались системными провалами. Очередная попытка такого рода предпринята в ходе постсоветского либерального реформирования. Построить новую систему жизнеобеспечения так и не удалось.

«Мы, — объяснял провал рецептуры реформ 1990-х гг. в России один из главных проектеров политики «шоковой терапии» Джеффри Сакс, — положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Признавалась, таким образом, принципиальная ошибка изначального диагноза. У России оказалась «другая анатомия» ... Собственная анатомия существует не только у России, но и у любой цивилизации. Соответственно, задача выявления цивилизационно-идентичного ценностного фундамента имеет сегодня общемировое значение.

Глава 5.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИИ

Что будет представлять собой Россия будущего в проекции опоры на российские цивилизационно-ценностные накопления? Целевой ориентир представляемого раздела состоит в разработке эскиза такого грядущего образа. Особенность футурологического анализа в данном случае состоит в том, что образы будущего оказываются производны от обращения к прошлому. В этом состоит суть методологии восстановления традиционных ценностей как фундамента цивилизационного бытия. Фундамент может исторически разрушаться, и его разрушение привести к краху всей системы. Но возможен и путь его восстановления. В этом случае происходит актуализация прошлого, возвращение к себе. История соединяется с футурологией, и цивилизация самовоспроизводится.

Запрос на новый чертеж русского жизнеустройства

Составление чертежа жизнеустройства страны — сложнейшая задача социального конструирования. Она предполагает установление десятков тысяч связей между различными социальными институтами. Эти связи создают механизмы функционирования

системы. Наличие механизмов — неперенное условие того, чтобы система работала. Другими условиями являются идеи (система ценностей и смыслов, идеология), институты (учреждения) и люди (кадры, их отбор и кооптация). Совокупность этих базовых оснований можно определить в качестве «тетраэдра социальной системы». О чертеже как необходимой связи мира идей и предметного мира рассуждал в свое время Платон.

Особенно сложной является задача создания чертежа жизнеустройства России. Русский человек всегда тяготел к идеократии, но не любил чертежей, понимая их как прокрустово ложе для воли, бюрократизацию мечты и смысла. Чертеж России удалось создать в свое время самому большому прикладнику из русских монархов — Петру I. В дальнейшем этот чертеж пытался обновить Николай I.

Уникальный по степени проработанности чертеж страны был создан большевиками. Советский чертеж переутверждался и корректировался каждые пять лет сообразно с логикой пятилетних планов. Госплан СССР в квалификации разработки социально-экономических чертежей являлся структурой, не имеющей аналогов в мировой истории.

Как правило, чертежи жизнеустройства страны представляют на уровне национальных конституций. Конституция, в сущности, и есть чертеж государственного и социального устройства. В качестве чертежей они отличаются по проработанности и непротиворечивости. Одной из лучших разработок в истории мировых конституционных процессов являлась, безусловно, Конституция СССР 1977 года. Чертежом либеральной, несuverенной и капиталистической модели жизнеустройства являлась Конституция Российской Федерации 1993 года, принятая по итогам фактической капитуляции в холодной войне. Поправки в Конституцию 2020 года усилили в ней суверенные потенциалы, привнеся вместе с тем противоречия с основами конституционного строя (глава 1), после чего о наличии цельного чертежа говорить уже не приходится. Действующая Конституция является беспрецедентным в отношении содержащихся противоречий между отдельными конституционными положениями документом, что предполагает следующим шагом неизбежное принятие нового

Основного закона России. Пока же Россия оказалась без чертежа. Жизнь без чертежа, когда старый чертеж уже отброшен, а нового еще не существует, задает усиленный поиск ценностно-смыслового фундамента. Определению ценностно-смыслового фундамента русского чертежа и будут посвящены выдвигаемые ниже соображения.

Исторический опыт формирования государственной идеологии России

Государство, претендующее на значимую роль в мире, не может существовать без государственной идеологии. Идеология — это прежде всего собрание основных ценностей, лежащих в основе культуры и практически всех проявлений жизнедеятельности социума. Для государств-цивилизаций, таких как Россия, наличие идеологии, номинирующей высшие ценности соответствующей цивилизации, имеет особое значение. Идеологическая рефлексия прослеживается на всем протяжении российской истории. Наиболее системно государственная идеология России была сформулирована в рамках концептов «Москва — Третий Рим», Христианской империи (выраженной уваровской триадой «православие» — «самодержавие» — «народность») и советского коммунизма (с опорой на ленинское антиимпериалистическое прочтение марксизма). Помимо них в разное время выдвигались и другие идеологические проекты — Нового Константинополя (Ярослав Мудрый), Нового Иерусалима (Никон), Государства всеобщего блага (Петр I), Всемирной христианской империи (Павел I) и др. Однако все они имели вторичный характер и не обладали тем уровнем доктринальной завершенности, как три вышеперечисленные модели, образующие идеологии.

Анализ содержания основных российских идеологических концептов показывает сохранение единой смысловой парадигмы. Менялся в соответствии с духом времени только политический язык. В этом отношении можно говорить о едином российском идеологическом проекте и его множественных историче-

ски конкретных воплощениях. Анализ исторических воплощений государственной идеологии России позволяет утверждать, что эсхатологическая компонента оказывалась всякий раз фундаментом российского идеологического строительства. Эсхатология в разных ее модификациях являлась основой, производной

Табл. 1. Исторические воплощения государственной идеологии России

Идеологический компонент	Москва — Третий Рим	Православная империя: православие, самодержавие, народность
Ценностная цель	Спасение мира от власти Антихриста. Царствие Христово на земле.	Спасение мира от духовного разложения, определяемого нехристианской парадигмой развития. Царствие Христово на земле.
Смысл бытия государственности	Удерживающая функция. Святая Русь фактом своего существования удерживает мир от Апокалипсиса.	Россия как оплот православия. Сохранение до окончания истории истинной христианской государственности.
Прошлое	Русь как духовная и политическая преемница «Рима и Византия». Мифологема о «белом клобуке». Главные исторические события: призвание Рюрика, крещение Руси, падение Византии.	Российская история как противостояние православной государственности внешнему враждебному окружению. Канва героических свершений русского народа. Главные исторические события: крещение Руси, избрание на царство Михаила Романова, Отечественная война 1812 г.

которой оказывалось видение содержания конкретных политик. Вероятно, и новая идеология России, если она будет сформулирована, окажется основана на некоей футурологической проекции, видении будущего в его эсхатологической перспективе (Табл. 1).

Коммунизм	Будущая национальная идея России
Спасение мира из пут капитализма, эксплуатации человека человеком. Коммунизм.	Спасение мира от угроз материализма, биологизации бытия человечества, консюмеризма, навязывания извращений, установления тоталитарного режима глобализма.
Советская социалистическая государственность как исторический переход к коммунизму.	Россия как инициатор нового мессианского проекта. Российский цивилизационно-ценностный пакет как основание будущего сближения цивилизаций. Восстановление катехонических функций государства, как препятствия мировому злу, противодействия новой фашизации мира.
Утверждение советской государственности — новая эра в истории человечества. Противопоставление советского и дореволюционного периодов истории. Главные исторические события: Октябрьская революция, Гражданская война, Великая Отечественная война.	Единая канва российской истории: инверсии моделей государственности при константной цивилизационной доминанте. Главные исторические события: прорывы и катастрофы в истории России, раскрывающие миссию российской цивилизации в мировом историческом процессе.

Настоящее (актуальный вызов)	Предэсхатологический период истории: «Четвертому Риму не бывать». Переходный этап вступления в византийское наследие, создание русского православного царства. Проблема синтеза русской	Проблема синтеза традиций православной государственности с вестернизацией петровского типа (московско-православная традиция и петербургский имперский модерн). Переходный реформационный этап к созданию промышленно развитого,
	национальной традиции с идеей имперской государственности.	социально-мобильного государства западного образца, при сохранении духовного стержня православия.
Будущее	Армагеддон. Царстве Христово на земле.	Вселенская православная теократия.
«Мы» — идентификация	Русские как православные. Православная идентификация.	Русские как историческое единство великороссов, малороссов и белорусов на синтез православной и русской этнической идентификации.
«Они» (образ антипода)	«Окаянная нерусь». Духовная автаркия. Враждебность всего неправославного окружения.	Запад — католический, затем — секулярный.
Личностные идеалы	Образ христианского святого.	Образ патриота русской православной государственности.

<p>«Диктатура пролетариата» и советская государственность как переходный этап построения бесклассового коммунистического общества. Проблема синтеза коммунистической идеи с задачами государственной модернизации в условиях враждебного окружения.</p>	<p>Цивилизационное восстановление России, возвращение к себе. Проблема синтеза традиций и модернизации в рамках новой синергетической модели развития. Развитие с опорой на цивилизационно-ценностные исторические накопления России.</p>
<p>Мировая революция. Утверждение принципов коммунистического общества в мировом масштабе.</p>	<p>Многополярный мир цивилизаций. Россия как духовный центр и ориентир новой модели мироустройства на основе традиционных ценностей. Нравственно преображенное человечество.</p>
<p>Русские как советские. Коммунистическая идентификация.</p>	<p>Российская цивилизационная идентичность. «Русский Ковчег» как «симфония народов».</p>
<p>Мир капитала. Мировая система империализма.</p>	<p>Экспансионный, унифицирующий и разрушающий духовные потенциалы человечества глобализм. Образ нового угрожающего миру фашизма в различных его модификациях — цифровой тоталитаризм, сверхэлита, неонацизм, трансгуманизм, гомофашизм и т. п.</p>
<p>Образ строителя коммунизма.</p>	<p>Образ человека, лично аккумулирующего «белый пакет» цивилизационно-ценностный накоплений. Тип духовно-ориентированной личности.</p>

Этические нормы	Этика жизни во Христе.	Этика христианского служения православному государству. Принцип трудности.
Эстетические нормы	Идеал внутренней духовной красоты, неприятие эстетики плотских форм.	Синтез христианского психологизма и имперского монументализма.
Политическая модель	Синтез «священства» и «царства», московская теократия.	Самодержавие. Имперский этатизм.
Экономическая модель	Домостроительская модель экономики. Государственное вотчинное хозяйствование.	Общинно-патерналистская модель экономики. Дирижистская система экономического управления.
Социальная модель	Сословная система. «Государственные тягла» как функции сословий. «Хоровой принцип» общественной организации.	Раскрепощение сословий: переход от сословной системы к модели социально мобильного общества. Общинность. Теория соборности.
Правовая модель	Религиозное понимание права («священные книги» как правовой источник). Синтез традиционного и кодифицированного права.	Божественная харизма как основание имперской легитимности. Синтез рационального (собрание законов) и харизматического (царистский культ) правосознания.
Внешнеполитическая модель	Миссия соборания русских земель.	Миссия защиты православия в мире.

<p>Этика служения «социалистической Родине». Принципы классовой и революционной целесообразности.</p>	<p>Императив цивилизационной жизнеспособности России. Этика традиционных ценностей, восстановление дифференциации принципов добра и зла.</p>
<p>Революционный монументализм, романтика строительства коммунизма.</p>	<p>Новая эстетика одухотворенного бытия. Цивилизационные эстетические традиции России.</p>
<p>Советская модель государственности, теория государства нового типа. Социалистический этатизм.</p>	<p>Оптимальный уровень этичности. Концепт государства-цивилизации.</p>
<p>Плановая экономика. Директивная система экономического управления. Государственные монополии.</p>	<p>Цивилизационные основы новой системы хозяйствования. Суверенная экономика. Оптимальный для государства уровень экономической аварийности. Подчиненность экономики целевому ориентиру развития человека.</p>
<p>Теория бесклассового общества. Советский производственный коллективизм. Принцип социального равенства.</p>	<p>Нравственное жизнеустройство. Соборное бытие как ценностный ориентир цивилизационного развития.</p>
<p>Революционное правосознание. Право как рецидив классовой государственности.</p>	<p>Разработка ценностно-мировоззренческих оснований российской правовой системы с опорой на традиционные ценности России.</p>
<p>«СССР — родина мирового пролетариата». Интернационал. Миссия поддержки революционного и национально-освободительного движения.</p>	<p>Россия как препятствие западного проекта унифицирующей глобализации. Новая модель мироустройства в формате цивилизационного диалога.</p>

СССР в преемстве истории российской цивилизации: опыт советского идеологического строительства

Среди проблемных вопросов цивилизационного подхода особо остро стоит вопрос о цивилизационной идентификации Советского Союза. Варианты ответов могут быть различными. Первый вариант — СССР вообще цивилизацией не являлся, а представлял собой некий транзитный тип сообщества. Второй вариант — Советский Союз, созданный на платформе марксизма, являлся сколком западной цивилизации. Третий вариант — СССР принадлежал к некому новому универсальному типу технологической цивилизации. Четвертый вариант — советская общность являлась самостоятельной цивилизацией в истории мирового цивилизационного развития. Пятый вариант — СССР выступал одним из исторических этапов развития русской (российской) цивилизации, преемственным ее предшествующим государственным воплощениям (Древней Руси, Московскому царству, Российской империи). В представленной работе принимается пятая из выдвигаемых позиций. Несмотря на идеологический разрыв с царской Россией Советский Союз опирался на фундаментальные ценности восточно-православного мира, традиционные для России институции жизнеобеспечения и менталитет русского народа.

Принято считать, что «русская революция» привела сто лет назад к уничтожению выстраиваемой на традиционных ценностях российской православной цивилизации Империи. Но так ли это в действительности?

Действительно, СССР отказывался, казалось бы, от прежней религиозной платформы ценностного самоопределения России. Более того, разворачивались антирелигиозная атеистическая пропаганда и гонения на Церковь. Новая мировоззренческая система стала базироваться на диалектическом и историческом материализме. Однако христианские в своем фундаменте ценности российской цивилизации были под вывеской советского проекта сохранены. Сказывалась инерция тысячелетней православной исторической традиции, вошедшей в природу жизни русского/российского человека. Кроме того, и в рамках реализации самого советского проекта

были найдены формы и подходы организации общественной жизни, которые можно было бы определить как православные по духу. СССР не перечеркнул преемственной истории России, хотя попытки такого рода первоначально и предпринимались. Советский Союз выступил одним из исторических воплощений российской, православной по своему ценностному фундаменту, цивилизации.

В основе оппозиции Советский Союз — капиталистический мир находилось, в сущности, цивилизационное противопоставление Россия—Запад (Табл. 2).

Табл. 2. Советская модель vs модель западного капитализма

Параметр	Капиталистический Запад	Советский Союз
Человек	Конкурирующие друг с другом индивидуумы («человек человеку — волк»).	Социальное существо — коллективист («человек человеку — товарищ»).
Семья	Буржуазная семья — институт накопления капитала.	Ячейка советского общества, основанная на любви супругов и задачах воспитания детей.
Страна	Ресурсы капитализации.	Родина-мать.
Общество	Система эксплуатации человека человеком.	Система социального равенства.
Государство	Разделение властей как ширма олигархизма.	Власть Советов в сочетании с идеологической ролью партии с партийным вождем во главе.
Собственность	Частная собственность на средства производства.	Общественная собственность на средства производства.
Экономика	Рыночная конкуренция и получение прибыли.	Система государственного планирования и трудовой мобилизации.
Аграрный сектор	Фермерское хозяйство.	Коллективное хозяйство — колхозы и совхозы.

Национальные отношения	Буржуазный национализм, переходящий в фашизм.	Пролетарский интернационализм, многонациональность при единстве новой исторической общности — советский народ.
Культура	Культура массовая (шоу) и культура элитарная (индивидуальное самовыражение).	Социалистический реализм, психологическая культура.
Образование	Образовательная услуга, селекция успешных.	Фундаментальная, воспитательная и развивающая (ориентир — гармонически развитая личность).
Наука	Вариант бизнеса, особое значение менеджерских услуг в продвижение научного продукта.	Государственная система научно-исследовательских институтов, государственный заказ.
Здравоохранение	Платная частная медицина, клиент платит за свое здоровье.	Обеспечение здоровья граждан — обязанность государства, государственная система здравоохранения.
Спорт	Профессиональный спорт, профессионализм как коммерциализация.	Массовое физкультурное движение, верность команде.
Вооруженные силы	Наемная армия, легионеры, экспедиционные корпуса.	Народная армия, всеобщая военная подготовка, стратегия готовности к войнам систем.
Внешнеполитические ориентиры	Перераспределение в свою пользу рынков сбыта, колониализм и неоколониализм.	Победа коммунистических идеалов в мире, приоритетность отношений со странами мировой социалистической системы, поддержка антиимпериалистического и национально-освободительного движения.

Цивилизационная матрица русской идеологии

Если исходить из цивилизационного анализа и понимания России в качестве государства-цивилизации, то этот фундамент не конструируется, а воссоздается как цивилизационно-идентичное основание бытия. Менялся исторически политический язык, но в своих основаниях идеология России раз за разом после смут и подмен в сути своей воспроизводилась. Для раскрытия этого воспроизводства целесообразно посмотреть на константы русских идеалов. Безусловно, в истории России выдвигались самые разные политические концепты, отражая индивидуальность и партийную принадлежность их авторов. Но существуют, как известно, частности и доминанты. Доминанты воспроизводили исторически культурную матрицу русской мысли. Каковы же эти доминантные характеристики?

Во-первых, *эсхатологичность*. В структуре времени русская мысль принципиально отличается и от европейской, и от азиатской. Если Запад акцентирован в восприятии времени на настоящем, а Восток — на прошлом, то Россия — на будущем. Это будущее мыслилось не в категориях краткосрочности, среднесрочности, долгосрочности, а в перспективе исторического финала. Русские всегда в каждый исторический момент были убеждены, что живут во времена апокалипсиса (в том числе апокалипсиса светского) и находятся в эпицентре Армагеддона. Большевики также были эсхатологами, понимая Революцию в апокалиптическом смысле. Советский коммунизм в этом смысле представлял вариант нерелигиозного или квазирелигиозного эсхатологизма. Утрата эсхатологических ориентиров (деэсхатологизация) являлась неучтенным фактором гибели СССР.

Постсоветский период характеризовался, с одной стороны, переориентацией на конъюнктуру времени, что представляло собой, безусловно, разрыв с традицией русской эсхатологии, но с другой — поиском новых семантических линий эсхатологического дискурса. И последняя составляющая с течением времени все более усиливалась, подводя фактически к запросу о выдвигании новой идеологии России с опорой на новую эсхатологию.

И без эсхатологии легитимизировать заявляемые властью сегодня ценности государствовроительства, по-видимому, не получится.

Во-вторых, *мессианство*. Ментальная матрица России была выработана на основании глубокого переживания идеи христианской жертвенности. Христос восходит на Голгофу для того, чтобы победить смерть и спасти человечество. Россия также брала на себя функцию спасения мира от торжествующей в нем неправды и порабощения. Объектом спасения оказывалось в том числе и западное сообщество. Спасать в действительности приходилось и от Наполеона, и от Гитлера.

В-третьих, *альтернативность Западу*. Основным вызовом для России на всем протяжении ее истории являлся вызов западного проекта. Россия выдвигала альтернативный проект и тем опровергала универсальность западнической модели развития. В этом отношении она выступала и позиционировалась перед незападным миром как Анти-Запад. Отвечая на вызов Запада, одна часть мыслителей выступала за принятие западной платформы (западники), другая — за следование русскому пути (славянофилы, патриоты, евразийцы, русская партия и т. п.).

В-четвертых, *дихотомичность*. Русская общественная мысль выстраивалась на приеме полярных противоречий — дихотомий. В фундаменте своем это были противоречия между добром и злом. И добро, и зло имели конкретизированное политическое и геополитическое выражение. Борьба с вселенским злом составляла функциональное назначение праведного государства.

В-пятых, *соборность*. Коллективистские ценности являлись во все времена базовыми для русской национальной рефлексии. Таковыми они остаются, по данным международных социологических опросов, и сегодня, несмотря на произошедшие постсоветские инверсии. Элементарной структурой русского мира рассматривалась община, и принципы общинности предполагалось перенести на всю Россию. Другим базовым основанием коллективистской матрицы являлся соборный принцип организации церкви. Отсюда — категория соборности как русский политический язык выражения ценности коллективизма. Аналогия с собором связывалась с пониманием того, что объединение людей в коллектив должно быть не просто их организационным суммированием, духовным сотрудничеством.

В-шестых, *идеократизм*. Государственность выстраивалась не снизу вверх, а сверху вниз от высшей идеи. Верховный лидер — глава государства — имел легитимность только ввиду принятия и реализации высшей идеи. В этом отношении маркировка его через категории деспотии, автократии, тирании не соответствует русскому пониманию природы власти. Русское государство в период доминанции религиозного сознания было теократичным, в период модерна — идеократичным.

В-седьмых, *нравственное преобразование*. Целевым политическим ориентиром являлось построение нравственного государства. Достижение этого ориентира предполагало изменение самой природы человека, его нравственное преобразование. Существовало антропологическое измерение политики, которое воспринималось главным. Идея нравственного преобразования составила суть предложенной России версии развития. Развитие мыслилось не как количественный рост материальной сферы, а именно как качественное изменение самого человека. И эта модель развития предлагалась как альтернатива для мира, составив, в частности, суть русского модерна.

Ключевые метафоры

Идеология как стройная система ценностей и смыслов, имплементируемых в практику государственного управления, может включать и ряд мотивационных идеологем. Такие идеологемы в качестве метафор уже циркулируют в широком общественном дискурсе. Задача заключается в систематизации. «Русский чертеж» может опираться, в частности, на следующие метафоры историософии России: «Русской мечты», «Русского ковчега», «Русского Собора», «Русской сотериологии», «Русского преобразования», «Русского катехона».

Русская мечта

Любая система должна характеризоваться как минимум в двух аспектах измерения — реальном и идеальном. Развитие и есть движение от реального состояния к идеалу. Идеалы различных общ-

ностей могут отличаться друг от друга. Соответственно и универсальной модели развития не может существовать. Если та или иная общность идет по пути приближения к собственным идеалам, то оно развивается, при отступлении от них — оно деградирует. В этом отношении принципиально важно зафиксировать три качественных состояния российской цивилизационной общности — Россию реальную, Россию идеальную и Анти-Россию.

Социальная мечта и есть общественный идеал. Русская мечта всегда состояла в создании системы гармоничного мироустройства, основанной на любви и братстве. В этом смысле русская мечта отличается и от мечты американской, и от мечты китайской. Не индивидуальный успех и не мировое господство определяло русский идеал, а императив гармонизации мира. Сегодня это, в частности, выражается в отстаивании принципа многополярности мироустройства.

Русский ковчег

Уникальность Ноева ковчега состояла в том, что в нем нашлось место каждому, в котором есть дух жизни. От детей Ноя пойдут в послепотопное время все человеческие цивилизации. Ковчег исходно содержал в себе потенциал множественности жизни, и эта идея являлась ключевой.

Россия в этом плане и есть цивилизация — ковчег. Ее жизнеустройство исходно выстраивалось как соединение всех в братской любви друг к другу представителей разных народов, разных языковых семей, разных рас, даже разных религий. Причем это не было «плавильным котлом», в котором этносы переплавлялись бы во что-то подобное друг другу, а именно ковчегом, где находился отсек для каждого и идентичность каждого признавалась безусловной ценностью.

Также по принципу ковчега строилась и Византия. Но византийский ковчег был потоплен. Его потопление произошло потому, что были открыты перегородки и мир скверны стал заполнять пространство ковчега. Падение Второго Рима и было потоплением византийского ковчега. Россия могла учесть допущенные ошибки как в проектировании ковчега, так и в лоции.

Запад, в отличие от России, никогда не жил по принципу ковчега. Там либо шли истребления и ассимиляции всех инаковых, либо происходило отречение от любых цивилизационных идентификаторов в пользу человека-индивидуума. Внешняя экспансия Запада сопровождалась колониальными зверствами, имевшими при том теоретическое расистское обоснование. Заключение межрасовых браков для англосаксов было принципиально неприемлемым, означало фактически осквернение рода. В фашистской Германии расовое смешение и вовсе было объявлено главным социальным злом.

Принципиально иначе выстраивались межэтнические и межрасовые отношения в России. Российская колонизация евразийских пространств не знала прецедентов расизма и тем более репрессий на расовой почве. Входящие в империю народы включались в единую семью народов, а местная знать инкорпорировалась без всяких ограничений в российскую элиту. В Российской империи это была многоуровневая модель, в которой имела как этническая, так и цивилизационная составляющая. Можно было быть великороссом, армянином, грузином, татариним и при этом являться русским. Русский в данном контексте — это цивилизационная идентичность, при том что не отрицалась и идентичность этническая. Советский вариант идентичностей структурировался сходным образом на двухуровневой основе. Межэтнические и межрасовые браки являлись нормой, а дети от этих браков своими талантами и социальными успехами прямо опровергали фашистские инсинуации о вреде расового смешения и вырождении подвергшихся такому смешению русских.

Симфоническое сосуществование народов в России — эта система жизнеустройства может и должна быть предложена миру как особый российский опыт. В ситуации, когда, с одной стороны, провоцируются цивилизационные войны, с другой — происходит глобализационное стирание традиций и исторической памяти, только модель Российского ковчега оказывается выходом, так же как единственным выходом оказалось в свое время строительство ковчега Ноем.

Русский проект фундаментально восходил к идеалам христианского равенства, идеалу мироустройства, в котором, по словам

апостола Павла, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». Он противостоял фашистскому проекту, восходившему к миропониманию языческого неравенства, проекту мира, разделенного на сверхлюдей и унтерменшей (недочеловеков). Но противостоял он также и либеральному проекту, опиравшемуся в своем генезисе на иудейскую традицию, в которой есть богоизбранные и, соответственно, богоотверженные, в либеральной интерпретации — успешные и аутсайдеры. Сегодня эта российская миссия в контексте угроз новой фашизации мира приобретает особую востребованность.

Русский Собор

Еще в дискуссиях славянофилов с западниками особо акцентировался принцип русской холистичности, стремления к целому. Но цельность здесь не есть унификация, а соработничество (соработничество социальное и соработничество духовное). Образ, который в данном случае может быть предложен, был выражен метафорой Н. В. Гоголя «Вся Россия — наш монастырь». Модель общества как монастыря подразумевает четыре основные характеристики: во-первых, идеократизм (монастырская братия объединена общей идеей и верой); во-вторых, коллективизм (монастырь — это именно братство); в-третьих, этика труда (совместный труд есть этическая максима монастырской жизни при недопустимости любой паразитарности); в-четвертых, автаркизация монастырского существования (определенная удаленность от мира и связанной с ним скверной).

Традиционно в различных методологических школах подчеркивается особая приверженность русских к коллективизму, выражаемая в категориях «общинности», «соборности», «коммунизма», «коммунитаризма», «солидаризма» и др. Наличие коллективистского ориентира предполагало, в свою очередь, представление о равенстве людей. Если люди не равны, то никакая общинность была бы невозможна. Идеал коллективизма переносился и вовне, будучи выражен ориентиром всеединого человечества.

Но коллективизм не вполне точно выражает русский идеал. Коллективизм предполагал объединение индивидуумов в коллектив для решения общих задач. В русском случае речь шла о большем — духовном идеократическом единении, для чего и было найдено понятие «соборность».

Русская сотериология

Самый популярный образ русского народа в мире — народ освободитель. Россия вступала не раз в войны, шла на жертвы, освобождая и спасая другие народы, перед угрозой геноцида или национального подавления. Так было в войнах с Наполеоном, так было в русско-турецких и русско-иранских войнах. Так было при освобождении Европы от фашизма. Так есть и при современной денацификации Украины.

Русская идея с доминантной идеей спасения мира принципиально отличалась от западного мессианизма мирового господства. В одном случае мир надо было спасти, в другом — подчинить своей власти.

Визуальный образ русской историософии — солдат в Трептов-парке, прижавший к груди немецкую девочку. Алеша — «в Болгарии русский солдат» — образ того же семантического ряда.

А вот еще одно напоминание об освобождении Болгарии, ныне страны — члена НАТО, соучастника принятия антироссийских санкций. Обратимся к великому русскому писателю Федору Михайловичу Достоевскому, его свидетельствам о Русско-турецкой войне, возмущенному призывами либералов к гуманности и пацифизму: «Я уже передавал однажды, что в Москве, в одном из приютов, где наблюдают маленьких болгарских детей сироток, привезенных к нам в Россию после тамошнего разгрома, есть одна больная девочка, лет 10, которая видела (и не может забыть), как турки, при ней, содрали кожу с ее живого отца. Ну, так в этом же приюте есть и другая больная болгарка, тоже лет десяти, и мне об ней недавно рассказали. У ней странная болезнь: постепенный, все больший и больший упадок сил и беспрерывный позыв ко сну. Она все спит, но сон нисколько ее не укрепит, а даже напротив. Болезнь очень серьезная. Теперь эта девочка, может быть, уже

умерла. У ней тоже одно воспоминание, которого она не может выносить. Турки взяли ее маленького брата, ребенка двух-трех лет, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потом посадили на кол. Ребенок страшно и долго кричал, пока умер, факт этот совершенно верный. Ну, вот этого и не может забыть девочка, все это они сделали при ней, на ее глазах».

Слеза ребенка... Достоевский был потрясен творимыми зверствами. И за эти зверства, полагал он, преступники должны понести наказание. Отсутствие этого наказания будет само по себе преступлением, оправданием убийства и пособничеством убийцам.

«У нас и теперь, — комментирует писатель происходящее на Балканах, — ведется война с этими кровопийцами, и мы слышим только о самых гуманных фактах со стороны русских. Смело можно сказать, что немногие из европейских армий поступили бы с таким неприятелем так, как поступает теперь наша. Недавно только, в двух или трех из наших газет, была проведена мысль, что не полезнее ли бы было, и именно для уменьшения зверств, ввести репрессалии с отъявленно-уличенными в зверствах и мучительствах турками? Они убивают пленных и раненых после неслыханных истязаний, вроде отрезывания носов и других членов. У них объявились специалисты истребления грудных младенцев, мастера, которые, схватив грудного ребенка за обе ножки, разрывают его сразу пополам на потеху и хохот своих товарищей башибузуков... Осмелюсь выразить даже мое личное мнение, что к репрессалиям против турок, уличенных в убийстве пленных и раненых, лучше бы не прибегать. Вряд ли это уменьшило бы их жестокости. Говорят, они и теперь, когда их берут в плен, смотрят испуганно и недоверчиво, твердо убежденные, что им сейчас станут отрезать головы. Пусть уже лучше великодушное и человеколюбивое ведение этой войны русскими не омрачится репрессалиями. Но выкалывать глаза младенцам нельзя допускать, а для того, чтобы пресечь навсегда злодейство, надо освободить угнетенных накрепко, а у тиранов вырвать оружие раз навсегда. Не беспокойтесь, когда их обезоружат, они будут делать и продавать халаты и мыло... Но чтобы вырвать из рук их оружие, надо вырвать его в бою».

Достоевский категоричен в своих характеристиках. Но эта категоричность следует из нравственного императива — «выкалы-

вать глаза младенцам нельзя допускать». Вырвать же у серийного убийцы оружие нельзя иначе, чем как в бою. Вот для этого и существует Россия, вот в этом и состоит ее миссия!

Русское преображение

Целевая установка русского христианского проекта состоит, согласно православной традиции, не в мировой доминации — «рах christiana», а в обожении человека. Человек не мог стать Богом, но был способен приблизиться к Богу. В этом собственно приближении и состояла основная социальная задача.

На ориентир обожения указывали многие из отцов Церкви. «Он, — провозглашал Святой Афанасий Великий, — вочеловечился, чтобы мы обожились». «Насколько Бог стал ради меня человеком, — изрекал Святой Григорий Богослов, — настолько и мы станем через Него Богом». «Человек, — заявлял Святой Василий Великий, — это животное, призванное стать Богом». Принятие цели обожения напрямую зависело от взгляда на человека не как на индивидуума, а как на существо, потенциально способное к духовному преображению. Православная тема преображения человека являлась ключевой темой в педагогической деятельности.

Советский проект также являлся в сути своей проектом антропологическим. Человекостроительство было для большевиков главной задачей, в отношении к которой все прочее, включая и экономику, являлось производным. Предполагалось, что преображенный духовно новый человек будет способен преодолеть все рецидивы буржуазного мышления. Категория «преображения» хотя и не использовалась в советском педагогическом дискурсе, но система целевым образом работала на возвращение нового совершенного человека — духовноцентричную личность, коллективиста, нестяжателя и патриота.

Русский катехон

В христианской историософии идея об «удерживающей» функции государства была представлена в учении о катехоне, рас-

крытом еще Иоанном Златоустом. Суть учения состояла в том, что до тех пор, пока существует христианское праведное государство, торжества зла в мире не произойдет. Гибель же этого государства совпадет с приходом антихриста. Речь шла при этом не столько о гибели в физическом смысле, сколько о духовном перерождении. Удерживающим государством, согласно Иоанну Златоусту, являлась христианская Римская империя (для православных — Византия). Соответственно, духовное состояние империи и преемство в осуществлении катехонических функций в случае диагностики деградации удерживающей державы имело всегда для рефлексии русской мысли принципиальное значение.

Сообразно с развитием подхода христианской историософии Россия оказывается не просто одной из цивилизаций, а одним из двух полюсов сил в мировом историческом противостоянии добра и зла. Мировые силы зла нашли в XX столетии свое воплощение в германском нацизме. И именно Россия — тогда Советский Союз — стала мечом добра, спасшим человечество от новой модификации апокалиптического зверя. Сегодня зло приходит через постмодерн, открывший врата расчеловечивания человека. А за постмодерном достаточно определенно обнаруживается образ нового фашизма, тоталитарной империи зверя, который, согласно Откровению Иоанна Богослова, был смертельно ранен, но ожил. Именно с этой силой и вступает в сражение Россия.

Противостояние России абсолютному злу находило выражение в теории русского катехона. Российское государство сообразно с ней выступало силой, удерживающей мир от глобального торжества зла. Катехоническим царством была и Московская Русь, и Российская империя, и Советский Союз. И сегодня русский катехон, исчезнувший, казалось бы, после предательства позднесоветских элит, вновь при предельной максимизации угрозы зла предъявил себя миру. Государство-катехон не является государством всеобщей любви и преклонения. Большинство преклонится перед зверем и в итоге потерпит поражение.

Россия как катехон в 1990-х годах не просто была упразднена, ее подменили. Вместо России реализовывался проект «Анти-Россия», охвативший все без исключения сферы жизни. Роль малой Анти-России была уготовлена Украине. И сегодня подлинной Рос-

сии, русскому катехону противостоят три проекта: 1) проект глобальной антицивилизации, мировой власти зверя; 2) проект Запада с его претензией на мировую гегемонию; 3) проект Анти-России, особо опасный ввиду того, что наносит удар в спину. И для достижения победы придется отрубить каждую из голов дракона...

Грядущая идеология России

На историческом интервале, традиционно определяемом как постсоветский, Россия в очередной раз в своей истории оказалась у бездны небытия. На кону стоял вопрос о ее суверенитете, цивилизационном и физическом существовании. К такому критическому положению страна подошла ввиду отступления от собственных основ цивилизационного существования, децивилизации, прельщения западными ценностями и подходами. Не последнюю роль играл в этом кризисе и фактор «пятой колонны». Кому-то казалось, что историческое существование российской цивилизации завершено. Но это восприятие было ошибочным. Россия обнаружила потенциалы для цивилизационного возрождения и нового прорыва. В соответствии с запросом исторического времени нашелся новый политический лидер, возглавивший борьбу за восстановление суверенности российской государственности. И Россия вновь вернулась в историю. Это ее возвращение было враждебно принято всеми недругами. Но для человечества восстановление российской цивилизации дает надежду, мечту и альтернативу тому пути, предложенному Западом, который привел мир в состояние глубокого ценностного кризиса.

Многие из выстроенных в 1990-х годах бастионов все еще продолжают существовать. И в этой исторической развертке может быть выделено два полюса: модель 1990-х годов, определяемая логикой неолиберального западнического транзита, и грядущая модель России, определяемая логикой ее цивилизационного восстановления. Говорить о грядущем возможно, если верна теория цивилизационных систем, предполагающая, что парадигмы цивилизаций исторически восстанавливаются или в противном случае цивилизации гибнут (Табл. 4).

Табл. 4. Основные ориентиры цивилизационного воспроизводства российской государственности

Компоненты государственности	Модель 1990-х годов: неолиберальный транзит
1. Общая характеристика и идейное позиционирование.	Государство как институт. Отношение с обществом как отношение двух институций. Договорное (контрактное) происхождение государства сообразно с теорией общественного договора. Понимание государства как Левиафана, роль которого должна минимизироваться по мере общественного развития.
2. Суверенитет	Национальный суверенитет ограничен международным правом и позицией международного сообщества. Национальные интересы трактуются как интересы крупных корпораций: то, что хорошо для «Дженерал Моторс», то хорошо для Соединенных Штатов; что хорошо для «Газпрома», то хорошо для Российской Федерации.
3. Экономическая модель	Максимальная интеграция в международное разделение труда. Менеджмент как базовая управленческая рецептура — максимизация прибыли при минимизации издержек.
4. Социальная модель	Конкуренция во всех сферах, разделение общества на успешных и неуспешных (фактически — идеология социал-дарвинизма). Коммерциализация социальных институтов, включение в рынок.

**Грядущая модель России:
цивилизационное восстановление**

Государство, сообразно с российской традицией, не как институт, а как оболочка или скрепа социума — государственность. Преодоление стереотипа либеральной мысли, противопоставляющей государство и общество, государство и человека.

Россия как государство-цивилизация, опирающееся на фундамент выработанных более чем за тысячелетие традиционных ценностей. Вместо метафоры общественного договора использование метафоры раскрытия государства как большой семьи.

Переосмысление применительно к российской государственности метафоры катехона — силы, удерживающей мир от торжества зла (зло сегодня как расчеловечивание человека, новая фашизация, гедонизм и пропаганда пороков, устремление бенефициариата к мировому господству).

Интегральный суверенитет, распространяемый на все сферы жизнеустройства России — политическую, экономическую, финансовую, научную, культурную, образовательную и др. Все составляющие суверенитета России производны от ее духовного суверенитета.

Метафора, использованная митрополитом Иоанном Санкт-Петербургским и Ладожским — «самодержавие духа».

Экономика как домостроительство против хрематистики, как установка получения прибыли. «Есть вещи и выше рентабельности!» Экономика не цель, а средство. Управленческая теория как сочетание философии духовных основ хозяйственных систем и политической экономии. Усиление механизмов государственного планирования, ценового регулирования, регулирования внешней торговли и валютного обмена сообразно с позитивным опытом отечественного прошлого. Этика труда.

Новая коммунитарность. Социальный патернализм — сильный защищает слабого. Ограничения социальной поляризации. Элементы государственной социальной мобилизации как концентрации усилий для решения стратегических задач. Переосмысление под актуальные задачи философии «общего дела».

5. Административная модель	Национально-территориальный федерализм при доминировании центробежных сил. («Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить»).
6. Политическая модель	Теория разделения властей. «Сервисное государство». Реалии закулисных механизмов принятия властных решений — олигархат.
7. Модель реализации политики в гуманитарных сферах	Человек как ресурс экономической деятельности — человеческий капитал. Ориентация на клиента и потребителя — образовательные услуги, культура-шоу.
	(«Пипл хавает»). Минимизация государственного участия в гуманитарных процессах на основе представлений о свободе самовыражения в творческой деятельности.
8. Правовая модель	Приоритет международного права. Права человека выше соображений государственной и общественной безопасности. При декларации безусловности действия буквы закона и построения правового государства — фактически криминальный беспредел. Права человека как индивидуума трансформировались в право сильного.
9. Модель кадрового строительства	«Эффективные менеджеры» — кадры с атрофированными способностями работать на уровне решения стратегических задач. Либерально-западническая креатура. Фигуранты «пятой колонны». Кадровый отбор «по звонку», на основе клановых связей. Высокий уровень коррумпированности.

Не унитаризм и не федерализм. Выработка третьей модели, выстраиваемой на традициях двухуровневой идентичности в России — уровень этнический и уровень цивилизационный. Метафора «Русского ковчега». Культурный, а не политический характер выражения этнической идентичности.

Нравственное государство. Идеократия как реализация государственной политики всех уровней на основе высших ценностей российского государства (традиционные ценности).
 Механизм — создание Палаты высших ценностей (или Палаты старейшин), надзирающей за соответствием деятельности властей высшим ценностям российского государства. Создание аналогичных Палат высших ценностей на региональном и муниципальном уровне.
 Переход от системы разделения властей к системе ступенчатого народовластия с учетом опыта советской системы в СССР, КНР, Вьетнаме и др.

Культура и образование как человекостроительство. Духовно-центричность. Идеал культурной и образовательной политики соотносится с традиционными установкой обожения человека как нравственного и духовного восхождения к Царству Небесному, выраженному на языке поколений третьего тысячелетия.

Школа больших смыслов с подчиненным значением знаний и навыков воспитанию и пониманию. Целевая поддержка цивилизационно-идентичной культуры, блокирование деструктивной культурной продукции.

Закон произведен от высших ценностей Российского государства и является инструментом их реализации. Приоритет «духа закона» над «буквой закона». Приоритетность национального законодательства в России над международным правом как отражение правового суверенитета Российского государства. Законы защищают слабых перед сильными. Появление судебной институции, рассматривающей дела по нарушению или подрыву гражданином, властным лицом или организацией российских традиционных ценностей.
 Двухуровневая — государство в лице МВД и народ в лице народных дружин — система охраны общественного порядка.

Кадровый отбор в соответствии с приоритетом приверженности традиционным ценностям России. «Орденский тип» кадровых кооптаций (условный орден цивилизационного возрождения России). Этика государственного служения. Выстраивание единой системы продвижения по ступеням государственной службы — новый Табель о рангах под реалии третьего тысячелетия.

10. Модель отношений с внешним миром	Стремление вхождения в единый западно-центричный мир. Сдача геополитических позиций и уступки. Представление об отсутствии внешних врагов, ослабление военных потенциалов.
11. Историческая преемственность	Российская Федерация есть новая общность. Разрыв с прежней историей как воплощением несвободы. Акцентированный антисоветизм.

* * *

Курс на ресуверенизацию России не может не быть подкреплен созданием суверенной системы общественных наук. Могут возразить, что настоящая наука вне политики. Это верно лишь отчасти. Наука действительно не должна быть политически ангажированной, заниматься подтасовкой данных под политический заказ. Но вместе с тем общественные науки не могут не быть сопряжены с ценностями и смыслами. И принципиально важно, чтобы в основание нового «Русского чертежа» были положены ценности суверенности Российского государства, усиления жизнеспособности общества, обеспечения цивилизационного воспроизводства страны.

Самодостаточность России в качестве самостоятельной цивилизации. Отстаивание модели многополярного мира, объединение цивилизаций против наступающей глобальной антицивилизации. Особая миссия России в противостоянии угрозам фашизации мира в любых его проявлениях. Создание фронта защиты традиционных ценностей во всем мире, соответствующее организационное строительство. Отношение к Западу — не борьба на уничтожение, а спасение западной культуры, ставшей жертвой наступающей антицивилизации.

Россия как государство-цивилизация преемственна всем ее прежним историческим воплощениям — Древней Руси, Московскому царству, Российской империи, Советскому Союзу. Цивилизационные константы России, связываемые с ее традиционными ценностями, исторически воспроизводились. Отношение к СССР: внутри коммунистической партии было две противоборствующие силы — одна связывалась с цивилизационной российской государственностью, другая — космополитическая — противоречила ей (троцкизм, горбачевизм и др.). Цивилизационно возрождающаяся Россия берет преемство от первой силы и отвергает вторую, в чем проявляется близость с позицией большинства современного российского населения.

Глава 6.

СРАВНЕНИЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

Каждая цивилизационная система включает в себя ряд цивилизационнообразующих компонент. Сами компоненты необходимы для любого сообщества вне зависимости от его цивилизационной принадлежности. Но наполнение их цивилизационно варьируется. Цель представленного раздела состоит в сравнении этих компонент по российской и западной цивилизациям. Если Россия и Запад действительно существуют как самостоятельные цивилизационные системы, будут, соответственно, различаться и базовые компоненты их бытия.

Экзогенные и эндогенные факторы

Важно зафиксировать двухфакторное проявление цивилизационного воздействия на связываемое с ним сообщество как субъект истории. Цивилизационная принадлежность проявляется через ценности-мотиваторы и параметры бытия. Ценности-мотиваторы — это те идеалы, которые разделяются соответствующим сообществом и мотивируют его на свершения. Параметры бытия — это особенности существования, задаваемые экзогенно (внешние обстоятельства) и эндогенно (обстоятельства, связанные с сознанием и подсознанием, особенностями мышления и языка). Безусловно, нельзя игнорировать,

в частности, природные особенности России как северной континентальной страны. В условиях Севера, очевидно, на жизнеобеспечение человека следует затрачивать больше ресурсов, чем в иных природно-климатических условиях. Отсюда выше себестоимость фактически любого произведенного в России товара. И уже отсюда наименьшая объективно предрасположенность к интеграции в мировой рынок, чем где бы то ни было. При прочих равных условиях Россия в глобальном рынке окажется аутсайдером. Следовательно, для нее необходимо искать иные, нерыночные механизмы развития. Зависимость российской экономики от природных обстоятельств была блестяще проиллюстрирована в диссонанс с практикой 1990-х годов Андреем Паршевым в книге «Почему Россия не Америка».

К эндогенным факторам может относиться, например, специфика мышления русского человека. Сильная его сторона — холистичность, стремление к цельности. Русский человек удивительным образом связывает все со всем в рамках единой картины мира. На этой основе строится и русская идеология. При этом западному человеку такая цельность тривиально не нужна. Зачем решать вопрос о высшем назначении звезд, если звезды практического отношения к жизни не имеют? Другой сильной стороной русского менталитета является поразительное умение находить решение любых проблем. Возможно, генезисно эта особенность производна от жизни в тяжелых природных условиях, продуцирующих проблемы с особо высокой частотностью. Но преимущества являются продолжением недостатков и наоборот. Обратной стороной холистичности и потенциалов решения проблемных задач является неалгоритмизированность русской мысли. Русский человек не может жить по инструкции. В этом смысле он антипод немцу, который инструктивист.

Общество

Слова «социум» и «общество» принято отождествлять, хотя в действительности их семантика не совпадала. Понятие «социум» было производно лингвисторически от «socius»,

означавшее в латинском языке компаньонов, партнеров по общему делу. То есть в основе социума в западном его понимании виделся некий контракт между индивидуумами. Позже идея такого контракта нашла преломление в теории общественного договора. Западное общество являлось в этом смысле собранием объединенных контрактным образом индивидуумов. Главным при этом было сохранение их автономности. Отсюда особое значение для Запада частного права, защиты частной собственности. Частная собственность объявляется неприкосновенной и даже священной.

Русское слово «общество» было производно от «общины». То есть исходно задавалась некая цельность. Человек не мыслился вне общины. Община же обозначалась понятием «мир», которое в то же время являлось обозначением мироустройства. В ядре социального устройства оказывался не индивидуум, как на Западе, а община. Общины имели три измерения: государственно-податное, трудовое и религиозное. Общины в государственно-податном смысле являлись первоэлементом государственности. Сама государственность строилась на принципах общинности. Вместо частного права реализовывалось право трудовое. Трудовую легитимизацию имела и собственность. Собственником сообразно с ней являлся всякий трудящийся на Земля. Сама же Земля — Божья, а потому как ресурс ничья в человеческом смысле. Религиозно община концентрировалась вокруг Церкви. Духовные основания общественного устройства, не сводимость общины к механическому соединению индивидуумов нашли со временем в рамках дискурса русской идеи отражение через понятие «соборность».

Русская мысль утверждала исторически идею фундаментально-го антропологического равенства. Неравенство фактическое всегда воспринималось крайне болезненно. Собственно, в общинах России вплоть до начала XX века сохранялась практика «черного передела», когда земля с некоторой периодичностью перераспределялась общинниками для обеспечения равенства. И Революция в России была отчасти воспринята в русском крестьянском мире через образ всероссийского, а может, и всемирного «черного передела».

Государство

Русское «государство» — это совсем не одно и то же, что и латинское «state». С понятием «state» этимологически были сопряжены слова «статут», статус, статистика. Государство в этом смысле мыслилось с формально-юридической стороны. На этой исторической основе со временем разовьется концепт государства сервисного типа, а государственная деятельность окажется сведена к услуге. Российское «государство» этимологически восходит к Суду Господнему. Такое понимание выводило его осмысление в качестве особой силы, связующей народ и Господа. Теократический характер Российского государства в средние века трансформировался со временем в построение системы государственности в России в качестве русской идеократии.

На Западе государство сложилось как институт. На институциональном характере государства была выстроена фактически вся западная политология. Если же положение о том, что государство есть институт, как минимум поставить под сомнение, весь принятый политологический аппарат окажется обрушен. Представление о государстве как институте восходит на Западе к учению о двух мечях святого Августина. Под одним мечом обозначалась Церковь, под другим — Государство, духовная и светская власти соответственно. Дальше в секулярную эпоху место Церкви заняло Общество. Возникла модель государственно-общественных отношений, сообразно с которой две институции — Государство и Общество — выстраивают каким-то образом отношения друг с другом. Общество при этом не должно допустить диктата над собой Государства.

В православии вместо теории «двух мечей» за основу была взята теория «симфонии властей». Сообразно с ней Церковь и Православное Государство были единым и неделимым организмом. Отдельными институтами они не являлись. Позже единым организмом воспринимались также Государство и Общество. Это единство выражалось понятием «государственность». Все были в государстве и всем было государство. Служение государству не зависело от того, находится человек на государевой службе или нет. Служить государству могли, к примеру, священники или куп-

цы, на государственной службе формально не состоявшие. Субъект-субъектных отношений в такой модели не предусмотрено по причине того, что субъект есть только один. Между тем западники устойчиво пытались и пытаются с опорой на западную институциональную модель противопоставить государство и общество в России. Утверждается, будто бы усиление государства идет за счет подавления общества и человека. Но вот, когда обрушивалось государство, обрушивалось в действительности все, включая общественные структуры и миллионы граждан, простых людей.

Институциональный подход на Западе был закреплен в теории разделения властей. Этот подход сегодня преподносится как некое самоочевидное положение, хотя его самоочевидность сопряжена с определенным цивилизационным контекстом. Сообразно с теорией разделения властей три ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная — контролируют друг друга от поползновений к узурпации. В действительности же разделение оказывалось не более чем декорацией. За ее ширмой находился капитал, управляющий из-за кулис политическими манекенами. В России сила власти мыслилась в ее цельности. С идеей цельности власти была сопряжена, в частности, философия самодержавной монархии. Позже в качестве альтернативы западному разделению властей была изобретена система Советов. Сегодня в модифицированном виде она существует в Китайской Народной Республике и во Вьетнаме. Идею Советов можно рассматривать в качестве наиболее значимого отечественного вклада в мировую политологическую мысль. Это нельзя не признать вне зависимости от отношения к истории СССР.

Не работал в России подобно тому, как работал на Западе, и институт политических партий. Слово «партия» этимологически означало некую часть, а применительно к политике — организованную часть политического спектра. Сфера политического делилась на части, что соответствовало западной ментальной разделительной установке. Все это в России с ее холистскими ментальными установками не работало. Победившая партия превращалась в нечто большее, чем партия, срачивалась с государством, брала на себя функции «светской церкви». Провалы модели многопартийности в России заставляют поставить вопрос о целесо-

образности пересмотра партийного механизма государственно-политического строительства как такового.

На Западе в рамках теории общественного договора сложился взгляд на государство как на Левиафана. Оно есть Зло — Левиафан, которое суть — чудовище, но объективно необходимое в качестве предотвращения самоистребительной войны всех против всех. По мере общественного развития власть Левиафана будет ослабевать вплоть до полного разгосударствления общества.

В России государство Левиафаном не являлось. Оно было сакральной силой, наделялось атрибутами святости. Иначе, чем на Западе, понимались его функции. Образ «ночного сторожа», «садовника» или «сервисной службы» для российского государства не подходил функционально. Оно являлось катехоном. И с ним, соответственно, связывалась миссия удерживания мира от Зла. Борьба со Злом, естественно, сервисными функциями описана быть не могла.

Экономика

Западная цивилизация исходно формировалась как цивилизация торговая. Торговля первоначально сосредоточивалась вокруг Средиземноморья. В средние века появляется еще и артерия Балтики, создается торговое объединение немецких городов — Ганза. Дальше с эпохи Великих географических открытий осваивается Атлантический океан. Сегодня роль основной водной артерии все более очевидно переносится от Атлантики к Тихому океану. Рынок был исходно базовым цивилизационным компонентом Запада. В мировой цивилизационной истории известны цивилизации рыночные, равно как нерыночные и даже антирыночные. Запад не просто был рыночной цивилизацией, созданный под свой формат и свою цивилизационную специфику рынок он навязал в свое время остальному миру.

На рынке же господствует, как известно, капитал. И не случайно, что в цивилизационном смысле капитализм как мировой феномен также сложился на западной почве. В соответствии с доминантой рыночных отношений политическая модель на Западе раз-

вивалась в направлении олигархизации. Социальные отношения формировались также по лекалам рынка как отношения всеобщей конкуренции. Сама конкурентная борьба была определена на Западе как неперемное условие социального развития.

Российские природные условия предопределяли иной тип хозяйствования. Оно по своим условиям существования не могло быть рыночным. Не могла реализовываться практически и установка всеобщей конкуренции. Хотя и рынок, и конкуренцию, и фермерство реформаторы пытались привнести в российские реалии, но все это оборачивалось только цивилизационным кризисом с последующей ликвидацией чужеродной институции. Российская экономическая система могла функционировать исключительно как государственно-общинная. Государство выступало основным фактором развития экономики. Ставка на частного инвестора (тем более на иностранного инвестора) в долгосрочной перспективе не работала. Никто не хотел вкладывать средства в страну с избыточными расходами. Государство инициировало, планировало, проводило протекционистский курс. В отличие от стран торговых цивилизаций Россия не была предрасположена к полному интегрированию в глобальный рынок. Ее цивилизационный запрос выражался в усилении степени автаркичности и опоры на собственные силы. Речь шла, конечно, не о полной изоляции, а о повышении уровня самодостаточности (особенно в стратегически значимых отраслях). Инструментом обеспечения хозяйственной суверенности являлась монополизация внешней торговли (через контроль над купечеством и монопольность по отдельным товарам в Российской империи до системной монополии в СССР).

Конкуренция в России могла работать только разрушительно. Российская цивилизация доказывала своим опытом, что развиваться можно не только через конкуренцию, но и через солидаризацию. Посредством солидаризационных принципов строились и экономические отношения с союзниками.

В традициях русской православной цивилизации понимание феномена труда не исчерпывалось материальными аспектами существования человека, будучи сопряжено с этикой нравственного (религиозная сфера) и государственного (политическая сфера)

служения. «Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение к труду, — писал русский религиозный философ В. С. Соловьев, — значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди». Именно автор дефиниции «русская идея» еще в XIX веке выступил с призывом «не ставить Мамону на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной», а, соответственно, подчинить экономику высшим нравственным императивам.

Одной из базовых установок русского национального менталитета являлось неприятие любых модификаций стяжательства. Индивидуальное материальное богатство вызывало отторжение с позиций эгалитарного понимания социальной справедливости. Господствовало (и продолжает господствовать) убеждение, что личное обогащение человека в российских условиях не может быть праведным. Если для западного человека деньги, согласно с афоризмом Б. Франклина, есть «чеканная свобода», то для русского свобода виделась в обретении независимости от денег. Жить на минимуме потребностей, но быть освобожденным от унижительной кабалы существования ради зарабатывания денег. Об укоренившемся в народном сознании неприятии «сребролюбия» свидетельствует ряд пословиц:

От трудов праведных не наживешь палат каменных.

От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь.

Не хвались серебром, хвались добром.

Беда деньгу родит.

Деньги что камень — тяжело на душу ложатся.

Деньги — прах.

Деньгами души не выкупишь.

Деньги прах, ну их в тартарах.

Богатство перед Богом — большой грех.

Пусти душу в ад — будешь богат.

Грехов много, да и денег вволю.

В аду не быть — богатства не нажить.

Деньги копил, да нелегкого купил.

Копил, копил, да черта и купил!

Не от скудости скупость вышла, от богатства.

Богатство спеси сродни.
 Мужик богатый — что бык рогатый.
 Богатство родителей — порча детям.
 Отец богатый, да сын неудатый.
 Лишние деньги — лишние заботы.
 Хлеб да живот — и без денег живет.
 Без денег сон крепче.
 Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою.
 Скупому душа дешевле гроша.
 Кто до денег охоч, тот не спит всю ночь.
 Бедность — святое дело.

В диссонанс с кальвинистской тезой в русской ментальной традиции Божьим наказанием считали не бедность, а богатство. Стремление к наживе противоречило представлениям о нравственной чистоте и гармонии.

Культура

Западная культура имела во все времена двухуровневую структуру. Верхний уровень адресовался элите, нижний — массам. Элитарная культура обрамлялась в форму эзотерики. Эзотеризм позволял отсечь от получения подлинных знаний профанные массы. Латинский язык в католицизме также работал в качестве инструмента культурного иерархизма.

Культура для масс выражалась формулой «Хлеба и зрелищ!». Массовая культура работала на низменные инстинкты и со временем превратилась в действенный механизм расчеловечивания человека. Были созданы мировые и национальные площадки шоу, ставшие институциями пропаганды пороков.

Русская культура не была ни элитарной, ни массовой. Она находилась в иной парадигме, не сводимой к дихотомии элитаризма (культура для избранных) и массовости (культура для толпы). Главная характеристика русской культуры состояла в ее глубоким психологизме. Можно сказать, что русская культура была культурой раскрытия диалектики души. Не диалектики духа, над

чем, в частности, потрудились немецкая классическая философия, а именно диалектики души. Принятое деление периодов в истории русской литературы, как отражения культурных процессов, не дает понимания этой ее характеристики. Критический реализм или социалистический реализм — понятия, уводящие в сторону. Как в Российской империи, так и в СССР культура обращалась не столько к реконструкции действительности в стремлении реконструировать ее максимально реалистично, сколько искала пути постижения за событиями жизни души человека. И ни одна культура в этом отношении с русской не сопоставима.

Очень глубокое наблюдение сделал в свое время известный отечественный литературовед Вадим Валерианович Кожин, сравнивавший советские и немецкие песни военных лет. У немцев преобладали марши. Были марши, конечно, и в советском песенном репертуаре. Но основу его составляли песни лирического содержания. Между тем у противника лирических песен периода войны найдено не было. Итог известен: русский лирический герой побеждает бравого солдата вермахта.

Нациестроительство (система идентичностей)

Исторически путь складывания современных наций Запада проходил через ассимиляцию, потерю этнической идентичности, а то и прямой этноцид. По образному выражению филолога и историка В. В. Кожина, если царскую Россию ее неприятели именовали «тюрьмой народов», то было бы еще более оправданным определение Европы в качестве «кладбища народов». В любом из европейских государств моноэтничность была закреплена уже самим его наименованием, производным от того или иного этноса.

Германский племенной национализм встречал сопротивление. Оно и привело к развилке в трактовке нации периода Нового времени. Один путь заключался в отстаивании племенной традиции трактовки нации. Другой состоял в том, чтобы вовсе поставить крест на этничности и распространить понятие «нация» на все гражданское население, невзирая на этническую принадлежность.

Второй путь был, по сути, заявлен Великой французской революцией. В ней можно усмотреть этническую составляющую: бунт третьего сословия — потомков кельтов против аристократии — потомков франко-германцев. Не случайно в период нее репродуцировались образы Древней Галлии и древних галлов. Итог — упразднение сословных и этнических перегородок. Французская нация стала трактоваться как гражданская общность. Этническая принадлежность как помеха этому пониманию из новой системы идентификаторов исключалась.

Этот же подход — единая нация вместо множества этносов — реализовывался в США. Понимание американской нации раскрывалось через образ «плавильного котла». Переплавке в этом котле подлежала именно этничность.

В противоположность французской школе немецкая школа трактовки нации сохраняла связь с прежней племенной традицией ее определения. Мягким вариантом было определение нации через культуру, жестким — через кровь. Но, как и во французской школе, заявлялся монистический подход. Этничность легитимизировалась. Но легитимной в раскрытии понятия «нация» оказывалась только одна определенная этническая принадлежность. Немецкая нация трактовалась как нация этнических (либо по крови, либо по культуре) немцев.

Все три проекта исторически дали сбой. Сама логика утверждения монистической идентичности вела к конфликту с неотнормированными к ней идентификаторами.

Реализация немецкой модели нациестроительства выродилась в нацизм. Проект гражданской нации рассыпается на глазах. Парижские, а затем лондонские беспорядки диагностировали его провал. В США от образа «плавильного котла» фактически отказались. Вместо него теперь заявляется образ «этнической салатницы». Сбой проекта состоял в том, что этнические различия оказались слишком глубинными. Мигрировавшие во Францию арабы так и не стали французами.

Историческая Россия представляла собой в плане этнических взаимоотношений особый тип интегрирующего государства. Ее специфика заключалась в нехарактерном для Запада сохранении этнической идентичности и традиций населявших российскую

территорию народов. Многие из них под защитой и покровительством Российского государства смогли достичь более высокого уровня собственного национального самосознания.

Русский этнический интегративный путь резко диссонировал с расистским путем развития западного колониализма, стоившего физического существования не для одного десятка народов. Имелись прецеденты переселения в Россию целых народов, спасавшихся под скипетром русского царя от геноцида, например, буддисты калмыки (XVII в.), мусульмане гагаузы (XVIII в.). Переселенческие потоки направлялись даже из Европы, составив, по статистике за период с 1828 по 1915 г., 4,2 млн человек. Джордж Керзон, имевший опыт колониального управления Индией, признавал: «Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами», к чему «англичане никогда не были способны».

Национальное происхождение не было препятствием для продвижения по службе и занятия самых высоких государственных должностей инородцев. На министерских постах в императорской России постоянно фигурировали немецкие, армянские, татарские фамилии. Интеграционной комплиментарности удалось даже достичь в отношении с рядом покоренных военным путем мусульманских народов. Во время Первой мировой войны своим героизмом и верностью России прославилась кавказская «Дикая дивизия», состоявшая из дагестанского, азербайджанского, чеченского и ингушского полков.

Из всех существовавших в XIX в. колониальных империй Россия менее всего соответствовала образу «тюрьмы народов». Мягкий вариант русской колонизации предполагал сохранение структур регионального автохтонного управления (не имевших, впрочем, ничего общего с национально-территориальным федерализмом большевиков). В определенном смысле можно говорить о функционировании параллельных управленческих механизмов на окраинах Российской империи. Один распространялся на имперскую бюрократическую вертикаль, другой — на соответствующую этноконфессиональную общность.

Быть русским не означало в России, как для титульных имперских народов в колониальных империях Запада, возможность получать определенные преференции. Сама принадлежность к русским имела надэтнический характер. Видными фигурами в российской истории были имевший украинское происхождение Н. В. Гоголь, грузинское — П. И. Багратион, армянское — И. К. Айвазовский, еврейское — братья Рубинштейны, немецкое — Э. И. Тотлебен и др.

Советский вариант идентичностей структурировался сходным образом. Маркер «советский» выступал выражением цивилизационной идентичности.

Государственное и корпоративное управление

Словосочетание «русский менеджмент» звучит как оксюморон. Если «русский», то может ли это быть «менеджментом», и если «менеджмент», то правомерно ли применять к нему определение «русский»? Существует мнение, что этимологически слово «менеджмент» восходит к итальянскому глаголу *maneggiare*, что означает уметь управлять лошадью. Но для такого умения не требуется никаких нравственных интенций. Отсюда и цель менеджмента — получение прибыли, эффективное распоряжение ресурсами ради получения максимального эффекта. Менеджмент стремится к минимизации издержек производства, чтобы добиться получения максимально возможной прибыли. В России же традиционно применялся совершенно другой подход к управлению. Сами слова «управление», «править» восходят к слову «правда». Управлять — значит утверждать свою правду. Отсюда и управленческая цель в российской культуре совершенно другая, нежели на Западе, а именно: не получение прибыли, а реализация ценностно-смысловых оснований управления. Поэтому, говоря о русской модели организации производственной жизни, необходимо разграничивать оба этих слова — «менеджмент» и «управление».

На настоящее время сложились два основных подхода, две основные школы менеджмента. Одна из них, точнее, целый ряд на-

правлений, которые придерживаются одной ориентации, исходит из аксиоматического утверждения универсальности экономических рычагов управления. На каком-то этапе возникла оппонирующая ей школа, первоначально апеллировавшая к японскому опыту, в котором большое внимание уделяется именно психологическим и культурным основаниям деловой активности. Эту школу можно назвать школой человеческих отношений. Но для русского управления совершенно не годится первый подход и явно недостаточен подход второй, поскольку он игнорирует смыслы, идеологию управления.

Сторонники менеджерской парадигмы, оценивая русскую модель управления, делают сходные выводы. Так, руководитель известного либерального мозгового треста — Института современного развития — Игорь Юргенс утверждает: «На Западе люди переселились из деревни в город уже давно, поэтому у них в сознании закрепились индивидуальность: нужно пробиваться, надеяться на себя, развиваться, расти. Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность. Поэтому «государство — все, а мои усилия — ничего». «Пусть кто-то что-то делает, борется, а у меня своих проблем хватает». Отсюда делается весьма симптоматичный вывод: «Модернизации России мешают русские — основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет». Либеральный экономист и декан экономического факультета Московского государственного университета Александр Аузан дает более развернутую аргументацию: «Примеры успешных переходов крайне редки, чаще всего страны прыгают вверх, но затем ударяются о потолок и снова съезжают вниз. Именно это и есть «эффект колеи». И именно к такому типу стран относится Россия. <... > Все попытки перехода с низкой траектории развития на высокую в России вот уже несколько столетий неизменно срываются, и страна раз за разом возвращается к застою. Жить в стране, которая заклинивается в развитии, очень непростая задача. <... > Мы можем наблюдать не только колею, по которой движется Россия, но даже и точку, в которой была совершена ошибка первоначального институционального выбора, — XIV–XV века, когда начали зарождаться институты самодержавия и крепостничества».

«Первоначально Россией был сделан неправильный выбор, который породил неправильные институты. Крепостничество и самодержавие дали очень неожиданные результаты, но вместе с тем никак не отпускают нас. Они продолжают жить в призывной армии, в промышленности, применяются по отношению к гастарбайтерам и так далее. Закрепляются они культурой и воспроизводятся через культурную трансмиссию».

В концентрированном виде все эти объяснения причины якобы имманентного отставания России от Запада можно свести к трем утверждениям. Первое утверждение находится вполне в рамках теории модернизации: Россия запаздывает, и то, что происходит в России, это болезни роста, но все равно путь развития для всех единый. Второе утверждение делается в рамках неошумпетеровской теории: из русских институтов — как бы их ни комбинировать друг с другом — никогда ничего эффективного не выйдет, то есть причина в их генетическом дефекте. Третье утверждение сводится к теории институциональных изменений: из-за какой-то исторической ошибки, некогда неправильно сделанного выбора все последующее развитие пошло неверным путем, например, из-за принятия Россией православия. Но из всех трех утверждений делается один и то же вывод: культурная спецификация России является препятствием для развития, и отсюда однозначно вытекает указание на необходимость ее цивилизационной самоликвидации.

Приходится констатировать, что в настоящее время у нас не только корпоративное, но и государственное управление в той или иной степени следуют тому или другому из трех приведенных утверждений и следуют системе представлений, которую можно назвать философией несuverенной экономики. Эта философия исходит из представления о том, что развиваться можно только на основе комплекса определенных парадигм, таких как рыночная экономика и свободный рынок, открытое общество и внешняя открытость, недопустимость мобилизационной экономики, преимущество частного перед государственным, страновая специализация, международное разделение труда, неэффективность монополии, конкуренция как мерило успешности, и др. Эта философия неизбежно ведет к признанию не просто неизбежности, но и бла-

готовности несuverенного положения экономики и внешнего управления ею со стороны глобальных или просто зарубежных акторов.

То, что действительно и работает в рамках одной культуры, не всегда оказывается успешным и эффективным в рамках культуры другой. Причем под культурой в данном случае следует подразумевать не только национальные, религиозные и цивилизационные различия, но и непреодолимую пропасть между традиционным и модернизированным обществами. Макс Вебер говорил о существовании ограничителей денежной мотивации для традиционных обществ: «В ряду случаев повышение расценок ведет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. <... > Увеличение заработка привлекло его (жнеца. — В. Б.) меньше, чем облегчение работы; он не спрашивал, сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности? Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем «традиционализмом»: человек по своей природе не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду».

В русском корпоративном управлении ни в коем случае нельзя делать того, что, напротив, сейчас делается повсеместно и воплощается в рецептуре «эффективного контракта», а именно: преимущественно мотивировать отношение работника к труду заработной платой и — как заход с противоположной стороны — штрафами. Такая «растяжка» приводит к культурной разбалансировке: руководитель лишается в глазах работника образа хозяина, происходит десакрализация отношений работника с его коллегами, которые теперь становятся конкурентами. В результате начинается

латентный саботаж, происходит подавление мотиваторов общего дела.

На вершине иерархии мотиваторов в русском управлении все не деньги, а решение сверхзадачи. Но если главный мотиватор — решение сверхзадачи, то в соответствии с ним должна быть выстроена и вся управленческая система: мировоззрение — философия общего дела; культура — подготовка мыслителя, а не исполнителя; культура — эмоционально-психологическая мотивировка на свершения; идентификация — дихотомия «мы» — «они», образ врага, а не только конкурента; модель управления — идеократия.

Русская модель управления оппонировала менеджерскому подходу, заявляя — «есть вещи и выше рентабельности». О том, что управленческие задачи государства не исчерпываются критерием рентабельности, говорил в свое время И. В. Сталин, которого сегодня совершенно необоснованно пытаются иногда охарактеризовать как «эффективного менеджера». Он как раз был не менеджером, а именно идеократом. «Говорят, — рассуждал И. В. Сталин, — что колхозы и совхозы не вполне рентабельны, что они поглощают уйму средств, что держать такие предприятия нет никакого резона, что целесообразнее было бы распустить их, оставив лишь рентабельные из них. Но так могут говорить лишь люди, которые ничего не смыслят в вопросах народного хозяйства, в вопросах экономики. Более половины текстильных предприятий несколько лет тому назад были нерентабельны. Одна часть наших товарищей предлагала нам тогда закрыть эти предприятия. Что было бы с нами, если бы мы послушались их? Мы совершили бы величайшее преступление перед страной, перед рабочим классом, ибо мы разорили бы этим нашу подымавшуюся промышленность. Как же мы поступили тогда? Мы выждали год с лишним и добились того, что вся текстильная промышленность стала рентабельной... Если так смотреть на рентабельность, то мы должны были бы развивать всю лишь некоторые отрасли промышленности, дающие наибольшую ренту, например, кондитерскую промышленность, мукомольную промышленность, парфюмерную, трикотажную, промышленность детских игрушек и т. д. Я, конечно, не против развития этих отраслей промышленности. На-

оборот, они должны быть развиты, так как они также нужны для населения. Но, во-первых, они не могут быть развиты без оборудования и топлива, которые дает им тяжелая индустрия. Во-вторых, на них невозможно базировать индустриализацию. Вот в чем дело, товарищи. На рентабельность нельзя смотреть торгашески, с точки зрения данной минуты. Рентабельность надо брать с точки зрения общенародного хозяйства в разрезе нескольких лет. Только такая точка зрения может быть названа действительно ленинской, действительно марксистской».

Все это позволяет говорить об особом типе организации, построенной на принципах русского управления. Из распространенных в западном менеджменте моделей ни одна применительно к России не функциональна. Ближе к российским реалиям восточная модель корпорации как патриархальной семьи, но и она не соответствует в полной мере русскому типу управления. Этот тип управления выстраивается по аналогии даже не с семьей, а Церковью. Отличительная его особенность — наличие системообразующей идеи.

Специфика русского управления — в формировании у работников убежденности и ощущения сопричастности к выполнению какого-то общего дела, причем такого общего дела, которое обладает высоким морально-этическим смыслом. А значит, в пространстве русского управления нет и не может быть конкуренции как некоего универсального двигателя прогресса. Историческая, цивилизационная миссия России как раз и заключается в том, чтобы доказать всему миру возможность развития не за счет конкуренции, а благодаря солидарному труду и соответствующим — возвращаемым таким трудом — индивидуальным и коллективным качествам.

Наконец, русское управление идеократично по своей сути. Поэтому для этого типа управления чрезвычайно актуальной, острой и значимой является задача формирования такой антропологической природы, которая была бы ориентирована не на потребительские ценности, а на высокие смыслы.

Соответственно, русская модель управления — это такой способ организации жизни — индивидуальной, общественной, государственной и цивилизационной, который только и способен

предложить действенную альтернативу западному менеджерскому подходу и в итоге дать миру перспективу достойного и солидарного развития.

Вооруженные силы

Слово «солдат», пришедшее из итальянского языка, означает буквально «получающий плату». Этимология слова отражает взгляд на военную службу как службу наемническую. Еще со времен Римской империи на Западе сложилась практика опираться на наемников. Слово «легионер» стало синонимом наемнической службы. Легионеры со временем подчинили себе императорскую власть. Ими во главе Рима ставились удобные императоры, реализующие интересы легионов. Это был один из важнейших компонентов истории римского цивилизационного упадка. Решающую роль в европейских средневековых войнах играли наемники — ландскнехты. Перемещение их от одного сеньора к другому, переброска с одной войны на другую получили метафорическое название «полеты диких гусей». От ландскнехтов и их мародерского поведения получило распространение ставшее широкоупотребимым понятием слово «банда». Европейское воинство было в этом смысле воинством бандитским. А генезис систем, как известно, определяет в значительной степени его содержание.

Колониальная экспансия Запада также повлияла на формирование западной военной системы. Большое внимание в ней уделялось формированию экспедиционных корпусов. Они были приспособлены для решения задач колониальной политики, но для масштабных войн систем все это было малопригодно. Вторая мировая война показала, что лидеры мирового колониализма — Великобритания и Франция, равно как и мыслящие в логике войн экспедиционных корпусов США, в масштабных военных противостояниях не проявляют себя наилучшим образом.

Российские вооруженные силы выстраивались исторически иначе. Русский воин был защитником Отечества, готовым умирать за Родину, а не «солдатом удачи», рассматривающим воен-

ное дело не более чем средство обогащения. Показательно, что до Первой мировой войны в российскую армию не призывались представители ряда новых инородческих регионов, так как доминировало мнение, что основу воинства должны составлять православные христиане.

Петром I была изобретена рекрутская система, не имеющая аналогов ни в одной из западных стран. Рекрутская армия была призывной, то есть не наемнической, однако призыву в нее подлежали не все. Двадцать пять лет службы делали из рекрута воина такого качества подготовки, которому не было равных в мире. Можно при этом было говорить о тяжелой доле рекрута, несчастливой судьбе попавшего на двадцатипятилетний призыв. Но при такой армии Россия успешно решала все актуальные геополитические задачи.

Стратегически в военном строительстве Россия исходила не из перспектив колониальных экспедиций, а из угроз больших цивилизационных войн. По опыту таких войн в России прекрасно понимали, что вестись они будут на уничтожение. Не только собственно армия, но и вся страна жила установкой, выраженной словами песни В. Лебедева-Кумача «Если завтра война». Песня, написанная в 1938 году, начиналась словами:

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.

Историк Николай Ульянов, осмысливая исторический опыт России, рассуждал о различиях в восприятии Второй мировой войны в разных странах: «Когда кончилась Вторая мировая война, во всех театрах показывался документальный фильм: запруженные народом улицы Лондона, Парижа, Нью-Йорка, ликующие толпы, радостные лица. Но — вот Москва. Там плачут. Как после Куликовской битвы, люди слезами встречали победу... Что ни Батый, что ни Мамай, что ни Наполеон, то гекатомбы жертв, то призрак конечной гибели, длительное залечивание ран». На основе этих уроков истории и формировалась российская военная система.

Понимание героического

Феномен Голливуда имеет глубинные истоки в западной культуре. Техника, спецэффекты, аккумулярованные средства в раскрытии социокультурной парадигмы Голливуда — не главное. Главным же является голливудский герой. Это герой супермен — сверхчеловек, который повергает всех врагов, низвергает противостоящую ему систему. Голливудский герой является героем-одиночкой и индивидуалистом. Иначе и быть не может, так как сверхчеловек стоит выше всех человеков. Голливудского героя ожидает в финале фильма счастливый конец. И счастье его имеет, как правило, денежный эквивалент. Герой находит клад, похищает сокровище, выигрывает в поединке, где на кону миллион. Успех героя не корреспондентен морали. Герой может быть и аморалистом. Голливуд дал многочисленные примеры героев-преступников.

Но Голливуд не являлся началом направления, а был продолжением западной традиции раскрытия героического. Образ сверхгероя создавал ранее немецкий кинематограф периода Третьего рейха (творчество Лени Рифеншталь). В средние века героика Запада раскрывалась через образы рыцарей — непобедимых триумфаторов рыцарских турниров. А наиболее ранние истоки Голливуда можно найти в мифах и легендах Древней Греции и Рима. Герой — это не простой человек, а сын бога и смертной. Он не является носителем нравственности, действуя этически различно. Совершение героем преступления не перечеркивает его героического статуса.

Безусловно, сегодня российская культурная продукция формируется в значительной степени на лекалах Голливуда. Можно говорить о голливудизации массового сознания. Но голливудские образы в России оказываются недостаточно естественны и органичны. Русский герой представляет совершенно иной образ, чем герой западный. Он не супермен, а простой, обычный человек. Стать героем простой человек оказывается способен через подавление своего эго, отказа от индивидуальных интересов в пользу общего дела. Русский герой готов принести себя в жертву за Родину и «друзья своя». Он силен духом, а не физической мощью. «Не в силе Бог, а в правде», — говорит святой князь Александр

Невский (имя России). Высшим триумфом русского героя является не низвержение противника, а собственная смерть, принесение себя в жертву во имя высших идеалов.

Русский былинный герой Илья Муромец представляет совершенно иной культурный тип, чем представлял древнегреческий Геракл. Гераклу сила дана от рождения, Илья обретает ее в тридцать лет и три года, а до того лежит в немощи на печи. Геракл совершает свои подвиги, служа царю Еврисфею, дабы снять с себя наказание за убийство в припадке безумия своей супруги и детей. Илья направляется на служение князю Владимиру, чтобы защитить Русь от врагов.

Образование и воспитание

Образование напрямую связано с моделью цивилизации. Через образование, по сути дела, воспроизводится соответствующий цивилизационно-идентичный антропологический тип. Поэтому и модель образования, и его целевые установки принципиально различны. Образование выступает как своеобразный микрокосмос по отношению к цивилизации. Если цивилизационная система разрушена, но сохранилась цивилизационно-идентичная модель образования, цивилизация может быть воссоздана. Если возможность транслировать социальный опыт отсутствует, цивилизация при прочем общем благополучии в итоге погибнет. В этом отношении принципиально знать, чем российская образовательная система отличалась от западной.

Существуют уже достаточно давно две оппонирующие друг другу педагогические методологии. Западная методологическая школа предписывает в выстраивании обучения исходить из индивидуальных потребностей ребенка. Хуже всего, считают ее последователи, психологическое насилие школы над личностью. Но как быть, если интереса у ребенка к истории или математике нет? Ничего страшного, говорят последователи этого направления в педагогике, ведь какой-то интерес у него должен быть. Вот этот интерес и следует поддерживать и предоставлять образовательные услуги для его удовлетворения.

Оппонирующая российская модель педагогики исходит из иного императива — бороться за душу ребенка. Эта борьба ведется в отношении лени, поражающих сознание ребенка пороков. Педагог в соответствии с буквальной этимологией слова ведет ребенка. Здесь имеет место уже не образовательная услуга, а именно учительство. Учитель в отличие от тьютора ведет ребенка к тому идеалу, той антропологической модели, которая принята обществом на основе его идентичных ценностей. Такая педагогическая теория была взята за основу системы образования в России.

В истории педагогики были, как известно, яркие сторонники обеих позиций. Из четырех названных ЮНЕСКО величайших педагогов XX столетия, определивших своей деятельностью способ педагогического мышления, двое — Монтессори и Дьюи — выступали сторонниками педагогики с опорой на свободу учащегося и двое — Кершенштейнер и Макаренко — сторонниками педагогики как формирования человека в соответствии с общественными идеалами. Американская национальная педагогическая школа, несмотря на известную внутреннюю плюралистичность, шла преимущественно в парадигме первого подхода, советская — второго. Свои преимущества были и у того, и у другого.

В постсоветский период американский опыт стал преподноситься фактически как единственно правильный. На практике же гипертрофированность принципа свободы в воспитании привела к процессам, которые некоторые мыслители определяют как озверение человека, его биологизация. В свое время выдающийся российский педагог Петр Лесгафт так описал принцип свободного обучения от потребностей ребенка. Вначале ребенку дается конфетка, потом конфетка с ромом, потом ром без конфетки. Общая деградация личности оказывается программируема. Но не это ли самое и происходит сегодня как тренд происходящего в мировом образовании?

Для Александра Герцена — западника и богоборца, который, как и многие западники, апологетизировал идею свободы, столкновение с европейской жизнью явилось культурным шоком. И вот, уже живя в Лондоне, он в отношении принципа свободы пишет следующее: «Что значат слова «человек родился свобод-

ным»? Я Вам их переведу, это значит: человек рождается зверем». А что в свете рассуждений Герцена означает выстраивание воспитания человека на принципе свободы? Не означает ли это потакание звериному началу? Вопрос о свободе ребенка в педагогической теории и практике оказывается, таким образом, не только вопросом педагогики, но и системы общественных отношений в целом.

Противостояние СССР странам, условно объединяемым понятием «Запад», проявлялось и в образовательной сфере. Советское образование было образованием исходной широкой фундаментальной подготовки. Оно было ориентировано на формирование человека-творца. Существовала идущая еще от Выготского и получившая продолжение в рамках школы Эльконина — Давыдова система проблемного, развивающего обучения. Через решение проблемных задач развивались творческие потенциалы человека, осуществлялось его интеллектуальное развитие. Только получив фундаментальные широкие знания, учащийся вузов на старших курсах находил себе нишу специализации.

Принципиально иначе выстраивалась двухуровневая система обучения бакалавриат — магистратура. Бакалавриат в отличие от советского фундаментального образования был в гораздо большей степени профессионально практико-ориентирован. Бакалаврское образование опирается на образовательные стандарты, заточенные под профессиональные компетенции — качества, требуемые от выпускника целевым образом под определенную профессию. На уровне магистратуры осуществлялась уже подготовка исследователей.

Какая система лучше? Для общества рыночной конкуренции требовалось, естественно, готовить человека, который будет конкурентоспособен на рынке. Но можно ли решать нестандартные задачи без наличия образования фундаментального? Можно ли без фундаментального образования идти вперед, открывая новые, еще не существовавшие ранее профессиональные ниши, и осваивать их на основе применения общей методологии? Советское образование как минимум не уступало образованию западному и позволяло на определенном этапе переигрывать оппонентов. Известно, какое заключение сделала американская межве-

домственная комиссия, исследовавшая причины советского прорыва в сфере космонавтики, — преимущества советской школы. Известны и слова Джона Кеннеди: «Советское образование — лучшее в мире. Мы должны много из него взять. СССР выиграл космическую гонку за школьной партией». И то, что противники СССР считали едва ли не главным его преимуществом, мы демонстрировали собственными руками.

А между тем реформа показывает свою неэффективность. По мере разрушения элементов советской, точнее даже сказать, традиционной российской системы образования показатели России в мировом сопоставлении падают. Включение в Болонский процесс вызвало широкую и справедливую критику со стороны педагогического сообщества России.

Восстановление суверенных потенциалов общества невозможно без восстановления суверенной системы образования. Необходимо в этой связи возвращение к теории и практике отечественной педагогической традиции. Не подражать опыту Запада, тем более далеко не успешному, а вернуться к себе. Это не означает запрет на заимствования. Заимствования в технологиях возможны и целесообразны. Но недопустимо проводить замещение ценностей и системообразующих принципов российского образования, генетически связанного с цивилизационным самовоспроизводством России.

Известные в истории образования национальные педагогические системы родились на основе той или иной религиозной традиции. Фиксация этой генезисной связи дает основания для предостережения против системного переноса, воспринимаемого как успешный, зарубежного педагогического опыта. Для того чтобы такой перенос оказался эффективным, следовало бы заимствовать не только педагогику, но и, соответственно, весь лежащий в ее основе культурный фундамент с ядром соответствующей религии. Сделать это без изменения цивилизационного кода соответствующей общности невозможно.

Проследим связь религиозных традиций с вариациями педагогических систем. Так, американская педагогика, равно как и сам феномен американского общества, не могут быть адекватно поняты без учета ее кальвинистского фундамента.

Существует и православная версия педагогической теории. Она нашла свое воплощение в отечественной школе педагогики, включая педагогику советскую. Несмотря на декларируемые принципы атеистического воспитания, педагогическая система в СССР выстраивалась в значительной мере на ценностях и представлениях, укоренившихся в православном подходе. Отличительной особенностью этого подхода являлся целостный взгляд на бытие и отдельные решаемые проблемы. Вероятно, истоки холизма (ориентация на целостное видение) в отечественной педагогике уходят еще к платонической традиции дедуктивной логики, используемой православными богословами в противоположность католическим теологам, предпочитающим учение Аристотеля. Холистический подход в образовании выражается в том, что гораздо большее внимание уделяется фундаментальной подготовке.

Особое значение в российской педагогике уделялось ориентации на идеал, в соответствии с которым и осуществлялось формирование человека в процессе обучения. Православная тема преобразования человека являлась ключевой темой в педагогической деятельности. Категория «преобразования» хотя и не использовалась в советском педагогическом дискурсе, но система целевым образом работала на возвращение нового совершенного человека.

Православная идея соборности нашла преломление в советской системе коллективистского воспитания. В воспитательной деятельности в СССР ценность коллективизма являлась важнейшей в аксиологической иерархии. На этот ценностный ориентир работали не только учителя, но и параллельно детские и молодежные организации.

Тезис о связанности педагогических систем с определенными религиозными платформами приводится в данном случае не для того, чтобы передать образование в руки Церкви. Речь о другом — о фундаментальном различии основ национальных систем педагогики. Признание факта этого различия практически должно означать повышение критичности к внешним заимствованиям в образовательных технологиях и большее внимание к собственным педагогическим традициям.

Система здравоохранения

Западная система медицинского обслуживания была основана на понимании здоровья как частного дела каждого конкретного человека. Здоровье — это личный ресурс наряду с другими ресурсами, например деньгами. Соответственно, один ресурс — деньги меняется на другой — здоровье, при наличии которого зарабатываются опять-таки деньги. Возникает некий кругооборот, в рамках которого медицинские учреждения являются важной институцией в циркулировании капитала. Для них при капитализме главное — не вылечить больного, а чтобы больной пришел вновь и принес свои деньги. В этой логике лучше всего больного недолечить. Еще лучше сформировать его зависимость от предоставления тех или иных видов медицинских услуг.

Вопросы здоровья касаются без исключения каждого. Из этой универсальности следовала особая роль структур, связанных с медициной и фармакологией, в лоббировании мировых политических процессов. Корпорациям нужно не лечить, а получать прибыль, а потому дешевые и эффективные препараты должны блокироваться в их распространении, а дорогие, малоэффективные и даже разрушительные для человека — максимально продвигаться на рынке.

Альтернативу западной модели здравоохранения составила советская — в цивилизационном плане — российская система, названная именем наркома Николая Семашко. Философия этой системы состояла во взгляде на здоровье человека как зону ответственности государства и общества. Из здоровья каждого складывалось здоровье общества, а потому вопрос о физическом и психологическом состоянии человека есть не только его персональное дело. Впервые в мире под руководством Семашко была создана государственная централизованная в масштабах страны система здравоохранения. На местах бесперебойность ее функционирования поддерживалась институцией участковых врачей. Устанавливались механизмы всеобщей профилактики и диспансеризации. Конечно, тех ресурсов, которыми располагал Запад, советская медицина не имела. Но по степени эффективности в отношении к вложенным средствам и реальным результатам здо-

ровесбережения она обладала очевидным преимуществом. Это, собственно, признавали и на Западе. И уже под влиянием советского опыта и с учетом его в ряде ведущих западных государств были созданы собственные централизованные бюджетные системы здравоохранения. Но модели все равно отличались. Максимально близко к философии системы Семашко подошла социалистическая Куба. И сегодня кубинская медицина, выстроенная по системе Семашко, признается одной из лучших в мире.

Наука и система познания

Можно говорить, что западная система познания вышла из Аристотеля, российская — из Платона. Аристотель, как известно, оказал большее влияние на католическую схоластику, Платон — на православное богословие. Эти влияния определили опосредованно традиции познавательной деятельности.

Аристотелизм характеризовался индуктивным подходом и преимущественностью методики анализа. Как следствие, западный опыт познания более эмпиричен. Западный познающий субъект ориентирован на детализацию, расчленение целого на части для изучения каждой из них по отдельности. На западной цивилизационной почве и возник собственно феномен науки в ее современном понимании. Для того чтобы наука стала возможной, единое знание следовало для начала разделить по отдельным дисциплинам. Первым делением было разделение знаний о Боге и тварном мире в рамках теории «двух истин». Характерно, что по своим истокам теория «двух истин» восходила именно к аристотелизму. Отделив вначале Бога от тварного мира, западная наука далее стала строить объяснительные модели без Бога. На следующем этапе в рамках философии позитивизма («гильотина Юма») произошло отделение от науки также ценностей, этики, мировоззрения.

Традиция Платона соотносится с дедуктивным подходом и холистичностью. Именно в этих проявлениях и состоит сильная сторона русской практики познания. Не раздробление на части, а сборка из частей целого. Предрасположенность к поиску цело-

го формировала особый запрос в России на обретение идеологии. Без идеологии не было цельности, а без цельности русскому человеку — невыносимо. Холистичность русской мысли не делала обязательным научный секуляризм, как на Западе. Западное научное познание началось с отделения Бога от материи, для русского — такое отделение не было обязательным.

Несмотря на то, что наука исходно организовывалась в России по немецким лекалам и с помощью европейцев, с течением времени и здесь обнаружили цивилизационные различия с Западом. Особенно наглядно они прослеживались при сравнении советской и американской систем периода «холодной войны». Американская наука, хотя и работала по приказам Пентагона, была не огосударствлена. Она активно взаимодействовала с бизнесом и встраивалась в инновационные цепочки. Американский ученый должен был не только сделать свое изобретение, но и продать.

Советская наука работала целиком на государство, реализуя государственный заказ и выполняя государственные задания. Ученый в СССР не должен был думать о коммерциализации научного продукта. Но он был и менее свободен в своих творческих изысканиях. Стоит ли говорить, что при ломке советской системы управления наукой лишённые практических навыков коммерциализации своего труда советские ученые оказались в крайне затруднительном материальном положении. Либеральные реформаторы интерпретировали это как отсутствие реальных научных потенциалов («Если ты такой умный, то почему такой бедный?»). Очевидной сильной стороной советской научной школы являлась ее фундаментальность, западной научной школы — ее прагматичность.

Эстетика

«Красота спасет мир», — говорит герой Ф. М. Достоевского в романе «Идиот». Максима эта, как известно, восходит к Фридриху Шиллеру. Но понимание сути красоты, природы прекрасного на Западе и в России различалось. Достоевский раскрывал это различие через противопоставление красоты Аполлона и красо-

ты Христа. Красота Аполлона — плотская, внешняя, красота Христа — духовная, внутренняя.

Начиная с древнегреческой эпохи красота в западной мысли раскрывалась через идею гармонии. Гармония закладывалась в основание Космоса, противопоставлялась дисгармоничному Хаосу. Можно сказать даже, что красота на Западе являлась величиной математической. Она осмысливалась рационально, и, таким образом, имела место рационализация эстетики. Декарт, а потом и немецкая классическая философия, выражали в этом смысле западную цивилизационную традицию восприятия прекрасного.

Вероятно, с XX столетия восприятие красоты на Западе перешло в свою противоположность. Вместо понимания красоты как гармонии красивым стала позиционироваться дисгармония. Экстравагантность, стремление выделиться, нарушить упорядоченность — все это теперь оказалось выражением красоты. На эстетике экстравагантности оказались выстроены основные течения современного западного искусства.

Русское восприятие прекрасного не сводилось ни к математической гармонии, ни к дисгармонии. Красота мыслилась как целостность образа. Через обретение цельности и строилась русская эстетика. Цельность не была тождественна гармоничности. Математические стандарты в русской красоте могли и не выдерживаться, но цельность образа достигалась.

Противоположное красивому в русском языке — безобразное. Безобразное — это то, что не имеет своего образа, безобразное.

Спорт

Холодная война имела множество измерений. Одно из измерений было спортивное. Шла жесткая борьба двух систем спорта, и надо сказать, что советская система шаг за шагом теснила противника и брала верх. Различие спортивных систем отражало различия ценностные и антропологические.

Западная спортивная система работала на звезд. Звезды обеспечивали коммерциализацию спорта. На них шли зрители. Целям коммерциализации способствовали различные околоспортивные

скандалы. Они умышленно подогревались прессой. Сами звезды демонстрировали девиантное поведение, что также укладывалось в общую логику коммерциализации. Ежегодно внимание было приковано к покупкам звезд клубами — устраивались спортивные торги. Трудно найти какую-либо звезду в командных видах спорта на Западе, не сменившую бы своей клубной принадлежности, а то и страны пребывания. Типичным для западных спортсменов было проявление несдержанности в эмоциях.

Советский спорт предъявлял иную этику поведения спортсменов. Ставка делалась не на звезду, а на команду: побеждали команды и проигрывали команды. Верность команде популяризировалась в качестве одной из главных спортивных добродетелей. Переходы из клуба в клуб не приветствовались. Считалось, что спорт формирует чувство товарищества.

Эмоции при победах и поражениях демонстрировать было не принято. Самые большие победы, как показывает кинохроника, отмечались единственно товарищеским рукопожатием — никаких поцелуев, беснований, срывов с себя одежды.

Организационно выдающиеся успехи СССР в спорте обеспечивались системой сборов. Спортсмен уровня сборной проводил на сборах до 11 месяцев в год. Существовала система базовых флагманских клубов. На основе такого клуба осуществлялось формирование сборной страны. В хоккее в таком качестве выступал ЦСКА, в футболе — «Динамо» (Киев), в баскетболе мужском — ЦСКА и «Жальгирис» (Каунас), в женском — ТТТ (Рига), в волейболе мужском — ЦСКА, в женском — «Уралочка» (Свердловск), в гандболе мужском — ЦСКА и СКА (Минск), в женском — «Спартак» (Киев), в регби — ВВА имени Гагарина (Моноино), в хоккее с мячом — «Енисей» (Красноярск).

Командные виды спорта в СССР выстраивались на особой философии коллективной игры. Игра в пас являлась не просто техническим приемом, а принципом товарищеского взаимодействия. Наиболее ярко это проявилось, вероятно, в советском хоккее, представившем альтернативу развития хоккея в Северной Америке.

Легендарный тренер Анатолий Тарасов являлся, вероятно, главным в истории мирового хоккея разработчиком модели коллективной игры. От него пошла установка выстраивать игру

с опорой на тройки и пятерки. Тройки компоновались по клубному принципу. Первой неизменно была тройка из ЦСКА. Вначале Бобров — Шувалов — Бабич, потом Локтев — Альметов — Александров, затем Викулов — Фирсов — Полупанов, после суперсерии Михайлов — Петров — Харламов, уже при Тихонове — Макаров — Ларионов — Крутов и на самом последнем этапе истории советского хоккея Хомутов — Быков — Каменский. Считается, что Виктор Васильевич Тихонов готовил на перспективу так и не состоявшуюся тройку будущих великих игроков НХЛ: Могильный — Федоров — Буре. Существовала, как правило, еще вторая армейская тройка. Другие клубные тройки сборной были из «Спартака», «Динамо», «Крыльев Советов», «Торпедо» (Горький). Сам Анатолий Владимирович Тарасов называл такой принцип игры «играть колхозом». Играют сообразно с этим подходом все, а не отдельные звезды. Звездой оказывается вся команда. Этот подход, заметим, соотносился и с традиционной русской общинной ментальностью, и с советской коммунистической коллективистской моралью. Быть комсомольцем и коммунистом являлось значимой составляющей хоккейных побед советской сборной. Это была модель игры «по-тарасовски».

Две цивилизационные модели столкнулись впервые в преломлении хоккейного соперничества в матчах суперсерии СССР — Канада 1972 года. Выиграли тогда канадцы, но сборная СССР снискала уважение. Суперсерия зафиксировала фактическое равенство двух хоккейных школ.

Матчи суперсерии были тем интересней, что в них сталкивались антагонисты. Помимо идеологического противостояния имело место противостояние двух хоккейных школ.

Важным было признание канадских профессионалов (Бобби Кларка, например) о превосходстве советских хоккеистов в физическом плане. Сказывалась, конечно, существовавшая в СССР система сборов. Советские хоккеисты играли на более высоких скоростях. Особенно важным было командное взаимодействие в скоростной игре. Катание на коньках стояло у обеих сборных на одинаково высоком уровне. Канадцы помимо силовой борьбы (далеко не всегда корректной) превосходили соперника по игре на вбрасывание.

Хоккейные теоретики говорили, что канадцы играют по оси Север-Юг, тогда как европейцы — Запад-Восток. Канадский принцип состоял в том, чтобы доставить шайбу кратчайшим путем к воротам соперника. Если это не получалось совершить посредством обводки или отрыва, то шайба вбрасывалась в зону и за нее далее шла борьба. При таком стиле возрастало значение силовой борьбы. И канадцы существенно превосходили европейцев умением вести силовую борьбу и сражаться на пяточке.

Стиль Запад-Восток предусматривал перемещение от борта к борту. Он был менее острый, но более комбинационный. В основе такого стиля игры лежала высокая культура паса. Канадцы удивлялись, что советские хоккеисты могли пасовать назад, возвращаться к своим воротам, чтобы начать новую комбинацию. Советских хоккеистов, в свою очередь, удивляло в игре канадцев то, что они, имея возможность передать шайбу партнеру, бросали ее в сторону ворот противника, утрачивая контроль за ней.

Элиты

Само зарождение понятия «элита» соотносилось с западным цивилизационным контекстом. Исторически теория элит корреспондировалась с формированием нового иерархизма и распространением фашистской идеологии. В период античности как в Греции, так и в Риме существовало разделение на сверхлюдей — героев, людей — свободных граждан и недолудей — рабов. Раб не воспринимался человеком в подлинном смысле слова. К нему относились как к говорящей вещи, животному с человеческим лицом. Элите соответствовало понятие «политес», подразумевающее право на участие в управлении полисом. Далеко не все категории населения таким правом обладали. В средние века элиту Европы составляла аристократия. Принадлежность к элите задавалась принципом крови. С наступлением Нового времени наступает время формирования элит на основе фактора капитала. Исследователи пишут о сложившемся к концу XIX века альянсе старой европейской аристократии и новых олигархических кланов.

Как нечто самоочевидное воспринималось на Западе, что есть лучшие и худшие. Лучшие становятся лидерами, худшие оказываются аутсайдерами. Основанием для отбора лучших является легитимизированная конкурентная борьба.

Русская мысль была исходно антиэлитаристской. Само понятие «элит» в России может даваться не иначе чем в кавычках, то есть как бы элита. В России народ любил царя, но плохо относился к боярам и чиновникам. Они в народном восприятии суть есть крамольники и душегубы. Правды у чиновников найти нельзя. Признания их права считаться лучшими, то есть быть элитой, в русском народе не было. Мифа крови, подобного тому, который имел место на Западе, не существовало. Денежный фактор элитарности и вовсе считался аморальным («душу дьяволу продал»). Антиэлитаризм русского народа в сочетании с его монархизмом дало Ивану Солоневичу основание для концепции народной монархии. Выход из сложившейся исторически коллизии был найден в системах Советов, позволявших народу делегировать поступенчато вверх своих народных представителей. Но новая партийная бюрократия вновь вернула проблему антагонизма между элитой и народом.

Отношение к природе

Сегодня западное сообщество проявляет крайнюю озабоченность состоянием природной среды. Экологическая повестка превращается фактически в ключевой вопрос мирового дискурса. То, что экология выступает в данном случае фактором политического проектирования и инструментом сдерживания развития, не вызывает сомнений. Западу необходимо остановить экономический прорыв Китая и других стран Востока. Посредством прямой конкуренции достичь этого не удастся. И вот выдвигается положение, что стремительное индустриальное развитие Китая представляет собой угрозу для человечества, так как оно сопряжено объективно с загрязнением окружающей среды. Следовательно, Китай не волен наращивать объемы производства, и его суверенность в этом смысле должна быть ограничена.

Но прежде чем прийти к выдвижению таких обвинений и стать защитником экологии, Запад наносил в течение длительного времени ущерб планете, который не наносила даже близко ни одна другая цивилизация. Философ Георгий Гачев в исследовании космопсихологии разных культур указывал в этом смысле на то, что цивилизация Запада была цивилизацией-ургией. Ургийность западного человека означала установку на преобразование им посредством труда природы. Создавалась вторая природа. Ургийность составила основу возникшего со временем промышленного производства. Незападные цивилизации были, по мнению Гачева, цивилизациями-гонимыми. Гонимая означала рождение. Мать-земля порождала населяющие ее народы, и они чтит материнство, сакрализовывали его. Гонимые культуры вырабатывали механизмы адаптации к природной среде, что отвергла цивилизация-ургия.

Россия не была ни ургией, ни гонимой. Раствориться в природе, слиться с матерью-землей русский человек был не готов, как были готовы иные народы. Слиянию с природой не позволяла сама природа России, несравненно более суровая, чем в ареалах гонимых культур. Но не являлась Россия и ургией. Построить великий глобальный город — такие планы, безусловно, были у русских футуристов, но они не доминировали. Есенинские мотивы отношения к природе для русского сознания были доминантными. Ни гонимая — растворение в природе, ни ургия — конструирование новой природы, а диалог с природой отличал подход, который можно было бы определить как российский. Отношения с природой строились как субъект-субъектные: субъект — человек и одушевленный мифопоэтически субъект — Природа или Родина-мать. Диалог, впрочем, мог строиться в разные эпохи различно. Но то, что Родину-мать необходимо защищать от врагов, прочно вошло в культурные коды народа.

* * *

Проведенный анализ позволяет констатировать, что Россия не есть Запад. Все базовые компоненты российского и западного цивилизационного существования имеют принципиальные различия. Подтвердилось также предположение об определении России и Запада в качестве цивилизационных антиподов.

Заключение

Проведенное рассмотрение подтверждает позицию определения России в качестве самостоятельной цивилизации. Россия не может быть отождествлена с Востоком, тем более что и сам Восток не представляет собой в цивилизационном плане единого целого. Не подтверждается распространенная среди умеренных западников позиция о принадлежности России к большой Европе от Лиссабона до Владивостока. Ни к большой Европе, ни к Западу в целом она в цивилизационном плане никогда не относилась и не относится. Апелляция к единству христианской платформы России и Европы не является убедительным аргументом в пользу их цивилизационного тождества. Напротив, тот факт, что на базе христианства возникли разные цивилизационные типы, предопределил их антагонистичность. Другое христианство оказывалось христианством еретическим. А соответственно, еретическим оказывался и весь производный от нее жизненный уклад. Несостоятельным показывал себя и подход, сообразно с которым Россия является сообществом межцивилизационного транзита, мостом между Европой и Азией. Тем более нефункциональным можно считать подход радикального направления западничества, заявляющего существование цивилизации в единственном числе и отождествляющего его с Западом. России сообразно с этим взглядом отводилась роль варварской периферии, аккумулятора сил варварства, угрожающего перманентно западной цивилизационной общности.

Итак, Россия есть самостоятельная цивилизация. Но этого для ее характеристики недостаточно. Среди всех цивилизаций она

имеет особую миссию, сопряженную с развитием всего человечества. Россия есть первопроходец, прокладывающий свой путь и ведущий за собой ту часть человечества, которая не принимает пути, формируемым Западом. Она подобна в этом смысле горьковскому герою Данко, вырвавшему из груди свое сердце и освещавшему путь идущим за ним.

Российская и западная цивилизационные общности есть цивилизации-антиподы. Цивилизационногенез западного сообщества складывался в значительной степени через оппонирование Византии. Россия, в свою очередь, оппонировала Западу. Но это оппонирование являлось ответом на вызов западной экспансии. Требовалось, во-первых, выдержать системный натиск врага. Для этого вся система государственности должна была быть выстроенной соответствующим образом по каждой из компонент. Она не предполагала широких возможностей для получения удовольствий и выглядела с позиций гедонистической философии малопривлекательно. Но ее стратегия была ориентирована на другое — максимизацию способностей выдержать любые внешние нагрузки. И она выдерживала. Во-вторых, Россия своим существованием предъявляла некое послание миру. Суть этого послания состояла в утверждении возможностей альтернативного развития в отношении того пути, который нормативизировал Запад. Сдерживая экспансию Запада в отношении Незапада, она оказывалась Анти-Западом. И выбор в пользу предложенной Россией альтернативы дал многим незападным народам исторические перспективы.

Сталкиваясь с препятствием в лице России, Запад генерировал проект «Анти-Россия». Анти-Россией, с одной стороны, был сам Запад, так как в качестве Анти-Запада или другого Запада (если брать отношение с Востоком) выстраивалась сама Россия. С другой — в Анти-Россию для противостояния ей (в том числе ценностного) требовалось превратить какую-то страну. В этом качестве рассматривалась долгое время Польша. Сегодня в качестве Анти-России оказалась сконструирована нацистская Украина. Причем при ее конструировании использовались методики, исторически апробированные через польский проект: свобода против деспотизма и несвободы, миссия передового бастио-

на Европы на пути азиатской экспансии. Анти-Россию пытались сделать и из самой России. И это в значительной степени удалось в 1990-х годах.

Третье тысячелетие, впрочем, привносит в описание цивилизационной картины мира новую феноменологию. Помимо цивилизаций фактически сложилась не привязанная жестко к какому-то пространственному воплощению (хотя и аффилированная преимущественно на Западе) Анти-цивилизация. Анти-цивилизация несет угрозы для каждой из цивилизаций, включая западную, степень эрозии ценностей которой позволяет фиксировать состояние цивилизационной агонии. И Россия как цивилизация ведет борьбу с Анти-цивилизацией во имя принципов цивилизационной вариативности мира (цивилизационной многополярности).

Полученные выводы дают основание для формирования новой лоции России. Понимание себя дает возможность опираться на свою специфику, а не вступать с ней в противоречия.

Список источников и литературы

1. *Агурский М. С.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. YMCA-PRESS, 1980. 322 с.
2. *Алмонд Г.* и др. Сравнительная политология сегодня. М. : Аспект Пресс, 2002. 537 с.
3. *Андреев Д.* Роза Мира. Метафилософия истории. М. : Прометей, 1991. 288 с.
4. *Антихрист (Из истории отечественной духовности) : Антология.* М. : Высшая школа, 1995. 415 с.
5. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М. : Междунар. отношения, 1993. 256 с.
6. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М. : Индрик, 1994. Т. 3. 840 с.
7. *Багдасарян В. Э.* 22.02.2022. Т. 1: Проект «Запад». (Монография). М. : Концептуал, 2022. 368 с.
8. *Багдасарян В. Э.* История общественно-политической мысли России. Учебное пособие. М. : ИНФРА-М., 2023. 247 с.
9. *Багдасарян В. Э.* Конституция Российской Федерации в сравнительном страновом и историческом анализе. М. : Духовное просвещение, 2019. 296 с.
10. *Багдасарян В. Э.* Матрицы общественного сознания. М. : Наше завтра, 2021. 416 с.
11. *Багдасарян В. Э.* Октябрь 1917-го. Русский проект. М. : Алгоритм, 2017. 224 с.
12. *Багдасарян В. Э.* Политическая символика. М. ИНФРА-М, 2017. 221 с.
13. *Багдасарян В. Э.* Российское образование: выбор пути. М. : Отчий дом, 2019. 336 с.
14. *Багдасарян В. Э.* Россия — Запад: цивилизационная война. М. : Форум ; Инфра-М., 2017. 410 с.
15. *Багдасарян В. Э.* Традиционализм и цивилизационная идентичность России. М. : Собрание, 2006. 239 с.

16. Багдасарян В. Э. Ценностные основания государственной политики. М. : Инфра-М, 2018. 286 с.
17. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Справедливость VS Любовь. Идеалы общественного строительства: историко-культурные и философские основания. М. : Изд-во «Отчий дом», 2020. 240 с.
18. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко), Реснянский С. И. Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства. Ярославль, 2022. 216 с.
19. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики. М. : БОС, 2022. 324 с.
20. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Стратегия Александра Невского и цивилизационные трансформации XIII века. М. : Отчий дом, 2022. 272 с.
21. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль : СПК, 2022. 256 с.
22. Багдасарян В. Э., Сулашкин С. С. Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология: монография. М. : Научный эксперт, 2011. 344 с.
23. Багдасарян В. Э., Сулашкин С. С. Высшие ценности российского государства. М. : Научный эксперт, 2012. 624 с.
24. Багдасарян В. Э., Сулашкин С. С. Превосходство, присвоение, неравенство. М. : Научный эксперт, 2013. 344 с.
25. Багдасарян В. Э., Сулашкин С. С. Религиозное и научное познание. М. : Научный эксперт, 2013. 344 с.
26. Багдасарян В. Э., Сулашкин С. С. Сложная социальная система в витальном подходе. М. : Научный эксперт, 2013. 392 с.
27. Багдасарян В. Э., Сулашкин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М. : Наука и политика, 2017. 328 с.
28. Барулин В. С. Социально-философская антропология. М. : Онега, 1994. 256 с.
29. Баталов Э. Политическая культура современного американского общества. М. : Наука, 1990. 252 с.
30. Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М. : Индрик, 2005. 288 с.
31. Бенуа А. Традиция и консервативная мысль. М. : Тотенбург, 2017. 186 с.
32. Бердяев Н. А. Дух и реальность. М. : АСТ ; Фолио, 2003. 680 с.
33. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.

34. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М. : Прогресс, 1992. 678 с.
35. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. 376 с.
36. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 444 с.
37. Ваджра А. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М. : АСТ, 2007. 544 с.
38. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001. 416 с.
39. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.
40. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М. : Логос, 2004. 368 с.
41. Ваней Е. Некоторые аспекты русского космизма. Новосибирск, 2007. 188 с.
42. Васильченко А. В. Миф о вечной империи и Третий рейх. М. : Вече, 2009. 368 с.
43. Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа М. : Вече, 2013. 624 с.
44. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
45. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. : РИПОЛклассик, 2017. 330 с.
46. Винпер Р. Ю. Рим и раннее христианство. М. : АН СССР, 1954. 267 с.
47. Владимирский Б. М., Кисловский А. Д. Пути русского космизма. Судьбы людей и идей. Влияние космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной. М. : Либроком, 2011. 144 с.
48. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М. : Академический проект, 2007. 512 с.
49. Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. М. : Беловодье, 2012. 196 с.
50. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М. : Беловодье, 2011. 304 с.
51. Гириц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с.
52. Горелов А. А. А. С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. 78–97 с.
53. Громов М. Н., Мильков В. В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб. : РХГИ, 2001. 960 с.
54. Губанов В. М. Русский национальный характер в контексте политической жизни России. СПб. : Изд. Центр СПбГМУ, 1999. 202 с.
55. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М. : Айрис-пресс, 2003. 318 с.
56. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 576 с.
57. Дебор Г. Общество спектакля. М. : Логос, 1999. 224 с.

58. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
59. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М. : Новая школа, 1996. 351 с.
60. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М. : ИСПИ РАН, 1994. 272 с.
61. Дугин А. Г. Постфилософия: три парадигмы в истории философской мысли. М. : «Евразийское Движение», 2009. 744 с.
62. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007. 382 с.
63. Дугин А. Г. Мистерия Евразии. М. : Арктогея, 1996. 200 с.
64. Дугин А. Г. Обществоведение для граждан Новой России. М. : Евразийское движение, 2007. 784 с.
65. Дугин А. Г. Философия политики. М. : Арктогея, 2004. 614 с.
66. Дугин А. Г. Философия традиционализма. М. : Арктогея-Центр, 2002. 624 с.
67. Замалеев А. Ф., Зоц В. А. Мыслители Киевской Руси. 2-е изд. Киев : Вища школа, 1987. 184 с.
68. Запах большой войны. Экономист Александр Аузан о том, что у России и Европы общий дом. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/02/26/auzan>.
69. Зеньковский В. Смысл Православной культуры. М. : Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2007. 272 с.
70. Зеньковский В. В. Педагогика. Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2002. 224 с.
71. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М. : Издательство Свято-Владимирского Братства, 1993. 224 с.
72. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М. : Эксмо, 2003. 240 с.
73. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М. : Наука, 1994. 443 с.
74. Иванов С. А. Византийское юродство. М. : Международные отношения, 1994. 236 с.
75. Игорь Юргенс: «Мы не граждане, а какое-то племя» // URL: <https://kcherepanov.livejournal.com/56951.html>.
76. Изменения как колея: Александр Аузан об экономических болезнях России. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8171-auzan>.
77. Ильин В. В., Панарин А. С., Рябов А. В. Россия: опыт национально-государственной идеологии. М. : МГУ, 1994. 232 с.
78. Инглеарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 267–268.
79. Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов : Надежда. 1995. 334 с.

80. Казинцев А. И. Симулякр, или Стекольное царство. М. : Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.
81. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. 832 с.
82. Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке. История экономического противостояния и сосуществования. М. : Институт русской цивилизации, 2019. 736 с.
83. Катков М. Н. О нашем нигилизме (по поводу романа Тургенева) // Русский вестник. 1862. Т. 40. № 7. С. 402–426.
84. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М. : Аспект Пресс, 1996. 368 с.
85. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
86. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1876. 132 с.
87. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М. : Республика, 1996. 799 с.
88. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л. : Наука, 1984. 295 с.
89. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Советский писатель, 1991. 480 с.
90. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб. : Искусство, 1994. 399 с.
91. Лысков-Штреве В. А., Шроллль-Махль С. Культурное измерение и его практическое значение для германо-русского сотрудничества // Politekonom. 2000. № 2. 121–124 с.
92. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. М. : Дело, 1999. 439 с.
93. Ментальность россиян. Под общ. ред. И. Г. Дубова. М. : Имидж-контакт, 1997. 474 с.
94. Меттан Г. Запад—Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М. : Паулсен, 2016. 468 с.
95. Милов А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 573 с.
96. Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. М. : Русская идея, 2004. 992 с.
97. Нарочницкая Н. А. Русский код развития. М. : Книжный мир, 2013. 352 с.
98. Национальная идея: история, идеология, миф. Отв. ред. Г. Ю. Семигин. М. : ИСП РАН, 2004. 599 с.
99. Неру Д. Взгляд на всемирную историю. Прогресс, 1981. 375 с.
100. Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. СПб. : Норма, 2007. 344 с.
101. О России и русской философской культуре. М. : Наука, 1990. 528 с.

102. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М. : АСТ, 2008. 349 с.
103. *Палама Г.* Беседы. М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. В 3 т.
104. *Панарин А. С.* Философия политики / Учеб. пособие. М. : Новая школа, 1996. 424 с.
105. *Парсонс Т.* О социальных системах. М. : Академический проект, 2002. 832 с.
106. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред. В. В. Журавлев. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
107. *Платон.* Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990.
108. *Платонов О. А.* Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М. : Алгоритм, 2010. 944 с.
109. Политическая культура: теория и национальные модели / Гаджиев К. С., Гудименко Д. В., Каменская Г. В. и др. М. : Интерпракс, 1994. 352 с.
110. Политические системы и политическая культура Востока. М : АСТ ; Восток—Запад, 2007. 829 с.
111. *Полосин В. С.* Миф. Религия. Государство. М. : Ладомир, 1999. 440 с.
112. Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля / авт.-сост. В. И. Даль. М. : Рус. яз. Медиа, 2004. 814 с.
113. *Прохоров Г. М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. Издательство Олега Абышко, 2010. 320 с.
114. *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. СПб. : Алетейя, 2000. 289 с.
115. *Розов Н. С.* Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998. 292 с.
116. Русский космизм: антология философской мысли. М. : Педагогика-пресс, 1993. 368 с.
117. *Сапронов П. А.* Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб. : Церковь и культура, 2001. 816 с.
118. *Согрин В. В.* Идеология в американской истории от отцов-основателей до конца XX века. М. : Наука, 1995. 238 с.
119. *Солоневич И. А.* Народная монархия. Мн.: Лучи Софии, 1998. 504 с.
120. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
121. Сравнительный менеджмент / Под ред. С. Э. Пивоварова. СПб. : Питер, 2006. 369 с.
122. *Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Балмасов С. С.* и др. Россия и мир. Российский мировой проект : в 2 т. / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М. : Наука и политика, 2016.

123. Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Вилисов М. В. и др. Нравственное государство. От теории к проекту. М. : Наука и политика, 2015. 424 с.
124. Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э., Волк В. В. и др. Вызов культурной дерусификации (россиефобии) и государственный ответ. М. : Наука и политика, 2017. 400 с.
125. Сусоколов А. А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М., 2006. 446 с.
126. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : ГУП «Облиздат», ТОО. «Алир», 1998, 672 с.
127. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник. М. : Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
128. Тойнби А. Пережитое. Мои встречи. М. : Айрис-Пресс, 2003. 672 с.
129. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории : сборник. М. : Прогресс; СПб. : Культура, 1996. 477 с.
130. Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 554 с.
131. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М. : 2003. М. : АСТ, 2003. 669 с.
132. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М. : ОГИ, 2002. 605 с.
133. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2004. 588 с.
134. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
135. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. 1998. № 8. 14–26 с.
136. Черняев Н. И. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. Вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. М. : Москва, 1998. 430 с.
137. Шлезингер А. М. Циклы американской истории М. : Прогресс ; Прогресс-Академия, 1992. 692 с.
138. Шмитт К. Политическая теология. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
139. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1993. В 2 т.
140. Шубарт В. Европа и душа Востока М. : Эксмо, 2003. 480 с.
141. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М. : Книга, 1989. 176 с.
142. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с.
143. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 300 с.
144. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Куликов В. И., Сулакшин С. С. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. Монография. М. : Научный эксперт, 2009. 464 с.
145. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография. 3-е изд. исправл. и дополн. М. : Научный эксперт, 2013. 472 с.

146. Якунин В. И., Сулакишин С. С., Багдасарян В. Э. и др. Национальная идея России : в 6 т. Т. I–VI. М. : Научный эксперт, 2012.
147. Якунин В. И., Сулакишин С. С., Багдасарян В. Э., Кара-Мурза С. Г., Деева М. А., Сафонова Ю. А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография. М. : Научный эксперт, 2012. 288 с.
148. Attali J. 1492 (Nouvelles Etudes Historiques). Paris : Fayard, 1991. 381 p.
149. Bolonkin A. Universe, Human Immortality and Future Human Evaluation. Amsterdam : Elsevier, 2010. 142 p.
150. England G. W., Dhingra O. P. Agarwal, N. C., The Manager and the Man: A Cross-Cultural Study of Personal Values. Kent : The Kent State University Press, 1974. 97 p.
151. Epstein M. After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture. Amherst : University of Massachusetts Press, 1995. 392 p.
152. Epstein M., Genis A. Slobodanka V.-G. Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture. New York, Oxford : Berghahn Books, 2016. 580 p.
153. Hall E.T., Hall M.R. Hidden Differences: Doing Business with the Japanese. N. Y., 1987. 172 p.
154. Hofstede G. An in American in Paris: the influence of nationality on organizational theories // Organization Studies, Vol. 17. №.3. 525–537 p.
155. Hofstede G. Culture's Consequences. International Differences in Work Related Values. London : Beverly Hills, 1980. 474 p.
156. Levy B.-H. The Empire and the Five Kings: America's Education and the Fate of the World. Henry Holt and Co., 2019. 272 p.
157. Mark Sedgwick. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. New York : Oxford University Press, 2004. 369 p.
158. Ronen S. Comparative and multinational management. N. Y. : Wiley, 1986. 656 p.
159. Theories of Modernity and Postmodernity / Turner, Bryan S. (ed.). L. : Sage, 1990. 184 p.
160. Toffler A. Powershift Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st century. N. Y., 1990. 585 p.

Научное издание

Багдасарян Вардан Эрнестович
архимандрит Сильвестр
(Лукашенко Сергей Павлович)

Россия и Запад: цивилизационные различия

Монография

Научный редактор
Ю. Ю. Иерусалимский

ISBN 978-5-91722-492-3

Подписано в печать 02.02.2023. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Arnold. Формат 60 × 84 1/16.
Усл. печ. л. 16,42. Тираж 1000 экз. Заказ № 14023.

Общество с ограниченной ответственностью
«Специализированный полиграфический комбинат»
Ярославль, пр. Авиаторов, 155в. Тел.: (4852) 989-400.